Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 12 30 ИЮНЯ № 12

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Передовая.—Программа Коминтерна и реформизм . . . 3

Кармалитов, А.—К вопросу о равновесии в экономической системе СССР. 11

Айхенвальд, А.— О некоторых устоях и некоторых противоречиях современного мирового хозяйства 26

Мотылев, В.—Источники экономического превосходства Соединенных Штатов 35

Багнев, И.—Роль деревенских парторганов в работе среди с.-х. и лесных рабочих 59

Дискуссионный отдел.

Гуревич, Х.—Политика прибылей промышленности 67

Колокольцева, Е. — Нужны ли сменные цеховые ячейки? . 73

Фридлянд, Ц.—О недобросовестных рецензентах 78

Критика и библиография.

Ш.—Сандомирский, Г. и Паскаль, П. „Французская социалистическая партия“ 85

Письма в редакцию.

Молотов, В. — В редакцию „Большевика“ 89

Письмо в редакцию от Общества Историков-Марксистов 90

От правления Института Красной Профессуры 91

1 9 2 8

МОСКВА.

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ

„ПРАВДА“

Главлит № А—16849 Тираж 75.000.
Типография газеты „Правда“. Москва, Тверская, 48.

Программа Коминтерна и реформизм.

На шестом конгрессе Коминтерна, открывающемся теперь в Москве, будет принята программа Коминтерна, документ исключительной исторической важности. Впервые Коммунистический Интернационал принимает детально разработанную программу, единую программную платформу, на которой он об'единяет и будет об'единять революционных пролетариев и угнетенных всего мира. По содержанию этот документ, который по его значению можно приравнять к Коммунистическому Манифесту, конечно, отличается от Коммунистического Манифеста, отличается не методом (потому что метод, который положен в основу разработки этой программы, есть метод Маркса, писавшего Коммунистический Манифест), но построением, суммой идей, степенью диференцированности и стратегически-тактическими дополнениями, отвечающими новой эпохе. В этом отличии нашло выражение отличие задач коммунистов тогдашней полосы развития от задач коммунистов в теперешнюю полосу развития. В этих двух документах, проникнутых общим духом, отразились разные эпохи, разные условия борьбы, разный опыт, разные задачи.

Мы хотим остановить внимание читателя на том «водоразделе», который кладет программа Коминтерна между лагерем пролетарской революции и лагерем реформизма, лагерем «социалистической» контрреволюции.

Свергнуть империализм—это непременное условие, без которого недостижимо успешное строительство социализма. И поэтому такие крупные политические вопросы, которые взяты в программе Коминтерна, все время должны рассматриваться в сопоставлении с тем, что говорят наши основные враги, борющиеся за рабочие массы против нас, пытающиеся приручить рабочий класс к буржуазии—социал-демократы. II Интернационал не имеет своей официальной программы. Это об'ясняется многими условиями, это об'ясняется, в частности, тем, что II Интернационал об'единяет реформизм самых различных оттенков, разных физиономий. И поэтому, естественно, он не может найти определенной единой идейной платформы, которая об'единяла бы все партии II Интернационала. Общее, что их об'единяет, заключается в реформизме, как таковом. При конкретном разрешении ряда вопросов, например, представители английского рабочего

движения, оппортунисты типа Макдональда, дадут другой и иначе мотивированный ответ, чем тот, который на эти же вопросы дадут бряцающие «марксистскими» погремушками Гильфердинг и пр.,—им зачастую трудно найти общую идейную, конкретно разработанную во всех деталях платформу; поэтому программы у них нет. И поэтому при сравнении программных положений коммунизма, программных положений Коминтерна с оппортунистическими программными положениями, приходится обращаться в целях характеристики оппортунистической точки зрения не к какой-нибудь готовой программе II Интернационала, которой не существует, а к наиболее типичным теориям, наиболее типичным идеологическим выкладкам, которые имеются у крупнейших идеологов II Интернационала, в частности, у представителей германской социал-демократической партии.

Из партии II Интернационала в идеологическом отношении выделяется именно немецкая социал-демократия, которая является партией, у которой существуют определенные традиции давать теоретическую мотивировку, теоретическое обобщение своего оппортунистического опыта. В ее среде делаются попытки теоретически оформить ту политику, которую ведет II Интернационал, создать теоретическую систему взглядов, исходя из которых II Интернационал ведет свою реформистскую политику. Вот почему, указывая на оппортунистическую точку зрения, приходится ссылаться преимущественно на положения, выдвигаемые идеологами германской социал-демократии, являющейся в идейном отношении крупнейшей и влиятельнейшей партией II Интернационала.

Необходимо прежде всего обратить внимание на некоторые особенности введения программы Коммунистического Интернационала. В одном из начальных тезисов указано, что империалистическое развитие содействует не только созданию материальных предпосылок социализма, но и создает вместе с тем условия для свержения капитализма. Это очень существенный пункт. Социал-реформизм пытается доказать, что эволюционное, постепенное, мирное развитие капитализма «само» подготовляет осуществление социализма, «само» постепенно перерастает в социалистическое развитие, что империализм в ходе своего мирного развития эволюционно накапливает элементы социалистического развития и затем плавно и мирно переходит в социалистическую фазу. В противоположность этому Коминтерн резко говорит о том, что, с точки зрения революционного пролетариата, империалистическое развитие создает не только материальные предпосылки социализма, но оно создает условия для свержения капитализма. Он подчеркивает в этом пункте тот факт, что социализм становится исторической конкретностью, становится реальностью только тогда, когда империализм свергнут, и что самый вопрос о подготовке материальных условий для социализма стоит, с революционной точки зрения, в неразрывной связи с вопросом о подготовке условий для свержения

капитализма. При чем, подчеркивая во введении этот пункт, направленный своим острием против социал-реформизма, Коминтерн указывает, что важнейшим условием этого свержения империализма является борьба не на жизнь, а на смерть, беспощадная, решительная, энергичная, широко развернутая в самых различных направлениях борьба против социал-демократии, беспощадная борьба за высвобождение рабочих масс из-под влияния реформизма. Это есть одно из важнейших условий свержения капитализма, т.-е. одно из важнейших условий и социалистического развития и полного осуществления социализма.

В одном из последних абзацов введения программы Коминтерна подчеркивается неразрывная связь идеологии и практики рабочего движения, подчеркнута мысль, что об'единение сил рабочего класса, об'единение международного пролетариата, создание мощных революционных рабочих об'единений возможно только на определенной революционной идеологической платформе. Не так давно, в этом году, в Париже состоялась конференция нескольких реформистских партий под руководством независимой английской рабочей партии (на этой конференции присутствовали, кроме английских реформистов, представители польского Бунда, норвежской рабочей партии и партии итальянских максималистов). И вот эта небольшая конференция оппортунистов, которые считают себя более «левыми», чем другие «социалистические» организации, некоторые из которых даже не входят в состав II Интернационала, постановила предложить Коминтерну, с одной стороны, и II Интернационалу, с другой стороны, об'единиться. «Мы предлагаем,—заявили они,—об'единиться Коммунистическому и II Интернационалу. Мы обращаемся по этому поводу с манифестом ко всем рабочим организациям всего мира». Разумеется, Коминтерн не может пойти навстречу подобному, насквозь лицемерному предложению об'единиться с реформистами, программные положения которых, идейная установка которых, идеология которых, питающая и оправдывающая их реформистскую практику, являются нам в корне чуждыми и классово-враждебными. Об'единение сил рабочего класса, к которому призывает Коминтерн, мыслится им только на основе коммунистической идеологии, на основе тех программных положений, которые заключены в программе.

Центральным пунктом раздела «Мировая система капитализма в ее развитии и ее неизбежной гибели» является следующий тезис: «Развитие капитализма целиком подтвердило учение Маркса о законах развития капиталистического общества и противоречиях этого развития, влекущих всю капиталистическую систему к ее неизбежной гибели». Здесь заключены два положения: во-первых, то, что прогноз об обострении капиталистических противоречий, противоречий внутри капиталистического общества, оправдался последующим ходом развития капитализма и, во-вторых, то, что теперь накопление этих противоречий ставит во

всей конкретности вопрос о гибели капитализма. Здесь уместно сопоставить эту установку Коминтерна с той, которая дается виднейшими идеологами II Интернационала. Следует напомнить, что этот вопрос о тенденциях развития капитализма, стоял в центре споров между революционерами и реформистами внутри рабочего движения уже очень давно. В конце XIX в. в германской социал-демократической партии, крупнейшей партии II Интернационала, происходили споры между так называемыми ортодоксами, виднейшим представителем которых был Каутский, с одной стороны, и ревизионистами, виднейшим представителем которых был Бернштейн, с другой стороны. И тогда вопрос о том, означает ли развитие капитализма обострение противоречий внутри него или оно означает сглаживание противоречий, «отмирание» их—этот вопрос был центральным в дискуссии между ортодоксами и ревизионистами. При этом Бернштейн пытался тогда оспаривать все основные положения Маркса; исходя из положения о том, что развитие капитализма идет по пути смягчения противоречий, он пытался доказать невозможность краха капитализма и пролетарской революции. И вот теперь II Интернационал, идеологами которого по странной иронии судьбы являются многие из тех, которые когда-то спорили с Бернштейном, целиком и полностью сошел на позицию Бернштейна. Вот несколько цитат, характеризующих отношение идеологов II Интернационала к этому вопросу, к вопросу о противоречивости развития капитализма, к вопросу о тенденциях развития капитализма, к вопросу о том, обостряются или не обостряются противоречия внутри капитализма. Вот что пишет, напр., редактор комментариев к программе социал-демократической партии Германии Пауль Кампфмейер: «Маркс недооценил лишь эластичность и гибкость капиталистических форм собственности, которые вмещают в себе сейчас, может быть, в десять раз большее товарное богатство, чем он в свое время предполагал. Может быть, именно это противоречие между производительными силами и условиями производства и собственности, которое Маркс так подчеркивал и которое, по его мнению, открывало путь к социализму, и является слабым (конечно, не решающим) пунктом в его теории развития социализма. Колоссальное развитие производительных сил ни в одной культурной стране не привело к разрушению капиталистических экономических форм. Таким образом, не оправдались надежды на эти бессознательные процессы обобществления и разрушения!» И еще дальше: «В новую программу не включен и пункт эрфуртской программы, согласно которому капиталистическая монополизация увеличивает нужду, порабощение, унижение и эксплоатацию пролетариата». Социал-демократы хвалятся тем, что из их программы выброшено положение Маркса о том, что развитие капитализма означает усиление гнета, порабощения и эксплоатации пролетариата. Гильфердинг предусмотрительно распространяет тезис о «смягчении» на послевоенный империализм: «В экономическом отношении,—пишет он,—война и послевоенный период сопряжены с чрезвычайным усилением концентрационных тенденций капитала... Одновременно с этим крепнет порядок и сознательное руководство экономической жизнью... Уменьшается изменчивость условий капиталистического производства, и смягчаются кризисы или, по меньшей мере, их действие на рабочих»... Этот тезис выдвигается, несмотря на то, что империализм ведет наступление на рабочий класс, что в капиталистических странах налицо невиданная по своим размерам армия безработных.

Вот несколько тезисов социал-демократии, из которых можно увидеть, что она считает «устаревшим» положение Маркса о том, что капитализм означает обострение противоречий. Из них видно, что социал-демократы считают неправильным положение Маркса о том, что развитие капитализма означает усиление гнета трудящихся масс. Они выдвигают положения, из которых следует, что капитализм является эластичной системой, могущей ликвидировать эти противоречия, ликвидирующей и смягчающей эксплоатацию рабочего класса. Но если капитализм является такой общественной системой, которая может беспрепятственно и безгранично развивать производительные силы, если верно, что в рамках капитализма изживаются противоречия, если верно, что ослабляется давление капитала на рабочий класс, если верно, что теория обнищания масс, о которой говорил Маркс, неверна,—если все это так, то тогда уничтожаются теоретические предпосылки краха капитализма и неизбежности пролетарской революции. У Маркса вся теория обострения противоречий капитализма, усиления противоречий между имущими и неимущими классами и теория обнищания масс,—все это обосновывало и обосновывает неизбежность пролетарской революции. Социал-реформисты ревизуют здесь Маркса, капитулируют перед ревизионизмом и заявляют, будто капитализм в процессе своего развития доказал, что он может в своих рамках смягчить противоречия, улучшить положение рабочего класса и безгранично развивать производительные силы. Тем, что они стремятся оспорить неизбежность краха капитализма в результате обострения его противоречий, они хотят зачеркнуть основной аргумент в пользу пролетарской революции, в пользу ее неизбежности.

Характеризуя теперешнюю эпоху, виднейшие идеологи II Интернационала усматривают расцвет и большие перспективы империализма в том, что капитализм сейчас вступает решительнее, чем когда бы то ни было, на путь сращения его крупных экономических центров, финансовых и банковских об'единений с государством; что все больше усиливается тенденция государственно-капиталистического развития, т.-е. такого развития, когда буржуазное государство становится организатором и руководителем капиталистического производства; когда государство владеет предприятиями или обладает очень значительными регулирующими функциями по отно-

шению к производству. И вот, указывая на усиление этой тенденции в развитии капиталистического хозяйства и капиталистического общества, социал-демократы усматривают в росте госкапиталистических форм начало новой многообещающей фазы капитализма.

Государственный капитализм,—декларируют Гильфердинги,—это новая фаза, в рамках которой будут безгранично развиваться производительные силы, будут смягчаться противоречия между капиталистами и рабочими и в рамках которой будет зарождаться и вызревать «социализм», будут создаваться «социалистические» общественные формы. При чем они пытаются доказать, что и во внутренней структуре этого самого государственного капитализма и во внешних отношениях капитализма одной страны к капитализму другой, будут все время происходить процессы смягчения отношений между классами, между отдельными национальными капиталистическими группами.

Экономическую версию эволюционного «отмирания» капитализма идеологи II Интернационала дополняют версией политической, усматривая в коалиционном принципе потрясение основ буржуазного политического режима.

В своем докладе на Кильском с'езде Гильфердинг заявил: «...Покрывается ли борьба за единое государство формулой: «Капитализм или социализм?» Если мы можем достичь кое-чего для осуществления единого государства путем вхождения в правительственную коалицию, то должны ли мы сказать: нет, ни при каких условиях? Это совершенно невозможная позиция, и уже это доказывает, что с формулой «капитализм или социализм» политически в очень многих ситуациях ничего не сделаешь».

В том факте, что буржуазное государство втягивает реформистских социал-демократов, их продажных чиновников в свой государственный аппарат, в этом усматривается уже «отмирание» капитализма. Раз-де социал-демократы входят в коалицию, значит, нельзя говорить, что это просто капитализм, а что здесь есть некоторое смешение форм—буржуазной и социалистической. А на последнем конгрессе II Интернационала тот же Гильфердинг, говоря о войне, заявил, что теперь нельзя и в отношении военной опасности противопоставлять капитализм социализму, ибо-де в рамках капитализма возможно мирное преодоление войны. Оценивая теперешний капитализм и тенденции его развития, идеологи II Интернационала даже не осмеливаются назвать теперешнюю систему капиталистической. Они говорят, что противопоставление капитализма социализму «устарело». Они считают, что противоречия капиталистического развития смягчаются, и пытаются обосновать неизбежность новой фазы капиталистического развития—государственного капитализма. Они утверждают, что противоречия между классами в этой фазе капиталистического общества, которое, будто бы, одновременно является и социалистическим, в котором капитализм «переплавляется» в социализм в силу плановости хозяйства, смягчаются; что в рамках этого буржуазного общества происходит уже перерастание в новую фазу, в социалистическую фазу развития, изживаются условия и возможность империалистических войн. Они обосновывают, таким образом, вывод, что за оружие браться нечего, что «сама история» обеспечила теперь создание в рамках буржуазной демократии, в рамках теперешних отношений капитализма, новых элементов социалистического общества. Наши же программные положения исходят из старого положения Маркса об углублении противоречий, нарастании и накоплении их, из положения о том, что из этого накопления противоречий неизбежно вытекает гибель капиталистического общества, что уничтожение капитализма может быть осуществлено только пролетарской революцией, пролетарской диктатурой.

В программе Коминтерна дается анализ тех противоречий, которые подготовляют взрыв капитализма и нарастание социалистической революции. Здесь отмечается прежде всего нарастание международного социалистического движения пролетариата и движения трудящихся масс вообще, нарастание тех противоречий, которые раздирают эксплоататоров и эксплоатируемых; во-вторых, проект отмечает борьбу, которая происходит между СССР и мировым империализмом; в-третьих—борьбу, которая происходит между империалистическими и колониальными странами: и, в-четвертых,—борьбу, которая ведется между отдельными капиталистическими странами. Все эти противоречия обостряются в процессе текущего развития, все они говорят за неизбежность краха мирового капитализма, за неизбежность победы международной социалистической революции. Социал-демократы стараются эти противоречия замазать, оспорить, ограничить и тем ослабить волю эксплоатируемых к борьбе и победе над буржуазией. Возьмите, например, борьбу международного пролетариата и международной буржуазии. В нашей программе приводится целый каталог предательств социал-демократии в полосе борьбы пролетариата с международной буржуазией за время существования Коминтерна. Если вы возьмете борьбу СССР и мирового империализма, то увидите, с одной стороны, стремление социал-реформистов доказать, что империализм не хочет войны, что в рамках империализма можно избежать войны, а с другой стороны, стремление доказать, что только СССР является фактором нарушения «пацифистского» равновесия мировой системы.

В борьбе империалистических стран с колониями социал-реформисты изображают «зачинщиками» и нарушителями «мира» восстающие колониальные народы. Противоречия империалистических стран между собою, по их мнению, настолько смягчились, что о войне «кричать» не стоит.

Все те противоречия, об обострении которых говорит программа Коминтерна в главе о кризисе капитализма и неизбежном развертывании мировой революции, все эти противоречия социал-реформизм стремится замазать и создать

теорию, «доказывающую», что происходит не обострение этих противоречий, а их смягчение, что империализм вступил на путь «реалистического пацифизма».

Коммунистическая программа исходит из положения об обострении противоречий, из положения о невозможности разрешения этих противоречий без социалистической революции. Программные положения реформизма основываются на ревизионистском представлении о смягчении противоречий внутри капитализма, об эволюционном вызревании элементов социализма в рамках капитализма.

Совершенно естественно поэтому, что и в вопросах стратегии и тактики пролетариата реформизм отделяется от коммунизма непроходимой пропастью.

Большевизм стоит на той точке зрения, что борьба за массы должна обеспечить подготовку их к проведению вооруженного восстания против империализма, вооруженного восстания, являющегося высшей формой рабочего движения и приводящего к диктатуре пролетариата. Эта установка нашла яркое выражение в проекте программы Коминтерна.

Реформизм решительно отметает перспективы вооруженного восстания и пролетарской диктатуры, поскольку вся его генеральная установка имеет целью укрепить, «санировать» империализм, предотвратить революционный штурм твердынь капитализма, исключить пролетарскую революцию и «нормализировать» развитие капитализма на основах, присущих капитализму.

Не капитализм, а коммунизм—враг реформизма. И поэтому программа Коминтерна будет встречена воем и возмущением не только капиталистов, но и их реформистских прислужников.

А. Кармалитов.

К вопросу о равновесии в экономической системе СССР.

(По поводу статьи тов. Преображенского «Хозяйственное равновесие в системе СССР». «Вестник Комм. Академии» № 22).

I. Исходные пункты анализа у Преображенского.

В нашей литературе об исследовании основных законов развития переходного периода от капитализма к коммунизму спор еще вертится на вопросе о методах исследования. Дальше пока не пошли. Даже до настоящего времени, несмотря на десятилетний период существования плана, проводимого пролетариатом в деле перестройки экономической системы Союза, нет еще общепризнанных принципов этого плана, нет теории плана. А жизнь не ждет. С плохой теорией или совершенно без нее приходится решать самые актуальные вопросы строительства, приходится перестраивать, переделывать всю систему отношений. В настоящее время решаются две таких важных задачи, как пятилетний план народного хозяйства и баланс народного хозяйства. Оба эти вопроса решают конкретно всю сумму вопросов, связанных с воспроизводством в нашей экономической системе. В теоретической же литературе вопрос о воспроизводстве в СССР не только не решался, но он даже почти и не ставился. Есть только одна попытка,—правда неудачная, но все же попытка,—поставить эти вопросы; мы имеем в виду статьи Преображенского в «Вестнике Коммун. Академии» о «Хозяйственном равновесии при конкретном капитализме и в системе СССР». Статьи еще не законченные. Нас интересует в этих статьях только один вопрос, это о том, как, при каких условиях происходит равновесие в советской системе. Вопрос о воспроизводстве в СССР—новый вопрос, вопрос трудный, но наша практическая деятельность настоятельно требует решения данного вопроса. Это облегчило бы во многом конкретную работу по воспроизводству в пятилетке и балансе, которые должны будут лечь в основу нашей деятельности по перестройке производственных отношений экономической системы. Вскрытие основных закономерностей, лежащих в основе равновесия нашей системы, вскрытие основных условий воспроизводства дало бы возможность более правильно решить всю сумму вопросов, связанных с нашей экономполитикой, дало бы возможность избежать таких ошибок, которые были допущены как раз по линии теоретического анализа советской системы в балансе народного хозяйства за 1923/24 год.

Поэтому мы считаем необходимым остановиться на положениях, выдвигаемых Преображенским по вопросу о равновесии в СССР.

Вопрос о воспроизводстве в СССР тесно связан с вопросом о регуляторе хозяйственной жизни. Основная беда Преображенского в вопросе о

регуляторе заключается в смешении формы и содержания, вернее, в характеристике формы как содержания [1].

Между отдельными системами производственных отношений в нашей экономике идет борьба за регулятор, за обладание данным регулятором, а у Преображенского выходит, что идет борьба между регуляторами. В первом случае налицо борьба при наличии единства экономической системы, во втором случае борьба без наличия такого единства; в первом случае отдельные секторы, несмотря на борьбу, дополняют друг друга, во втором случае на основе борьбы исключают друг друга. Основная особенность плана в переходный период заключается в охвате всего народного хозяйства в целом, в охвате всех элементов производственных отношений. Отсюда неодинаковые отношения пролетарской экономической политики к разным секторам хозяйства в деле их переделки, в замене производственных отношений чуждых социализму социалистическими производственными отношениями. Отсюда же вытекает необходимость при рассмотрении вопроса о равновесии экономической системы СССР деления всего народного хозяйства на три сектора: 1) социалистический, 2) капиталистический и 3) простое товарное хозяйство. Преображенский к такому делению также как будто бы склоняется [2]. Преображенский пишет: «Анализ условий равновесия в системе советской экономики теперешнего периода делает необходимым деление хозяйства на три сектора: а) сектор государственного хозяйства; б) сектор частнокапиталистического хозяйства; в) сектор простого товарного производства» [3]). Сделав совершенно верную установку, автор сразу же предупреждает: «Однако, часто характер исследования будет требовать противопоставления первого сектора двум остальным, вместе взятым, поскольку два последние сектора представляют из себя об'единенный круг всего частного хозяйства вообще, а отсутствие нужных цифр о капиталистическом секторе делает при конкретном изучении воспроизводства единственно возможным именно деление на два сектора (там же). Поскольку Преображенский еще пока не дал конкретного анализа, в котором он предполагает делить все народное хозяйство на «два сектора», постольку на данном вопросе мы останавливаться не будем. Что же касается теоретического анализа, данного им, то здесь на продолжении всех без исключения разбираемых вопросов производится об'единение капиталистического сектора и сектора простого товарного хозяйства в одно целое. Такое смешение этих секторов в вопросе о равновесии, по нашему мнению, неправильно потому, что сглаживает между ними разницу, а значит, сглаживает специфическую роль каждого из данных секторов в вопросе о равновесии. Капиталистический сектор и сектор простого товарного хозяйства отличаются друг от друга как системой производственных отношений, так и характером и динамикой развития в общей системе производства, а значит, и особым положением в системе равновесия. Следовательно, первая методологическая ошибка Преображенского есть смешение двух секторов в один. Такая ошибка, по нашему мнению, вытекает из другой ошибки: из неправильной установки на роль каждого из этих секторов в их сочетании с социалистическим. У нас простое товарное хозяйство, пишет Преображенский, создает условие развития капитализма, поэтому: «Этот факт ставит государственное хозяйство в условия непрерывной экономической войны с тенденциями

[1]) Вопрос о регуляторах в постановке Преображенского хорошо разобран т. Бухариным в его книжке «К вопросу о закономерностях переходного периода». В данной связи подробно на этом вопросе мы остановиться не можем.

[2]) В виду того, что вопрос о равновесии выдвигаемый Преображенским, в нашей литературе не разбирался совершенно, придется его положения обильно цитировать.

[3]) «Вестн. Ком. Акад.» кн. 22, стр. 24.

капиталистического развития, с тенденциями к капиталистической реставрации, поддерживаемыми извне давлением на наше хозяйство со стороны мирового капиталистического рынка. Поэтому наша экономическая система не может обладать той внутренней устойчивостью, которая характеризовала страны молодого капитализма, разложившего феодальные отношения и подчинившего себе мелкое товарное производство. Это единоборство социалистических элементов хозяйства с капиталистическими, опирающимися на массив мелкого товарного производства, приводит к дуализму и в сфере регулирования, а значит, к специфическим условиям равновесия во всей системе» (стр. 23). Здесь заложены три основных мысли: 1) в нашей системе равновесие складывается на основе непрерывной экономической борьбы капиталистического и социалистического секторов; 2) частнокапиталистический сектор опирается, как на свой базис, на простое товарное хозяйство; следовательно, 3) социалистический сектор выступает как изолированный об'ект нападений со стороны капиталистического сектора, опирающегося на сектор простого товарного хозяйства при поддержке мирового капитала. Короче говоря, в основной методологической установке Преображенского при решении вопроса о равновесии в советской системе налицо экономическая смычка капиталистического сектора и сектора простого товарного хозяйства, как «базиса» первого. Социалистический сектор ведет отчаянную борьбу с капиталистическим сектором как авангардом, а также и с сектором простого товарного хозяйства, выступающего «базисом» капиталистического сектора. На основе этого—закон первоначального социалистического накопления. А отсюда целая директива: «Задача социалистического государства заключается здесь не в том, чтобы брать с мелкобуржуазных производителей меньше, чем брал капитализм, а в том, чтобы **брать больше** из еще большего дохода, который будет обеспечен мелкому производству рационализацией всего, в том числе и мелкого, хозяйства страны, интенсификацией земледелия» («Нов. Экон.», стр. 99—100). Что касается капиталистического сектора, то с него брать, конечно, по Преображенскому, надо как можно больше, но то же самое и с сектором простого товарного хозяйства. Подход один и тот же, а отсюда и смешение этих обоих секторов.

В этом, по нашему мнению, основная методологическая ошибка Преображенского, ошибка, вытекающая из непонимания того, что простое товарное хозяйство в настоящее время является базисом не только капиталистического, но и социалистического сектора. Обусловливается это ведущим началом промышленности, в основном находящейся в руках пролетариата, над сельским хозяйством (поскольку в сельском хозяйстве основная масса простых товаропроизводителей). Выражением ведущей роли крупной промышленности является своеобразный характер расслоения советской деревни [1]). Поэтому переносить за одни скобки простое товарное хозяйство с капиталистическим неправильно.

Вторая методологическая установка Преображенского в вопросе об анализе равновесия в советской системе сводится к следующему: «Наоборот, при анализе воспроизводства в нашей системе мы исходим из отклонения цен от ценностей, как из правила, если сравнивать наши цены с мировыми. Особенность нашей экономики периода первоначального социалистического накопления, с точки зрения равновесия, как раз и заключается в отсутствии эквивалентного обмена, к которому как к господствующей тенденции, тяготеет капиталистическая экономика» (стр. 24).

«С этой неэквивалентностью связано все существование государственного хозяйства, и в ней заключается одна из важнейших особенностей

[1]) Поскольку данный вопрос подробно разобран XV парт. конф. и XV парт. с'ездом, я на нем не останавливаюсь.

нашей системы на данном этапе ее развития». И дальше: «Наша система не выдержала бы эквивалентного обмена, контролируемого мировым рынком, и весь процесс реконструкции государственного хозяйства должен был бы приостановиться» (стр. 25).

Вот это вторая установка. Мы существуем, развиваемся, происходит процесс расширенного воспроизводства, вся система держится в равновесии только на основе неэквивалентного обмена: «С этой неэквивалентностью связано все существование государственного хозяйства»,—говорит Преображенский.

Вопрос о неэквивалентном обмене в теоретической концепции Преображенского играет слишком большое значение. Поэтому придется тщательным образом разобрать данный аргумент. Неэквивалентный обмен находит свое выражение в законе первоначального накопления. Поэтому мы на нем и остановимся.

II. Место неэквивалентного обмена в системе равновесия.

Преображенский ставит неэквивалентный обмен во главу угла расширения социалистического сектора. Вначале посмотрим, в каком отношении находятся разные секторы хозяйства к факту неэквивалентного обмена, посмотрим, так сказать, логическую сторону аргументации автора. «Если для государственного хозяйства, — пишет Преображенский,— неэквивалентный обмен есть материальный источник технической реконструкции и предпосылка развития производительных сил на будущие годы, то частная промышленность просто присасывается к создавшемуся положению, размещается в порах неэквивалентного обмена между советской крупной промышленностью и деревней в целях накопления, не переходящего в индустриально-производственное накопление и потому не могущего явиться ни источником снижения себестоимости, ни отправным пунктом положительной реконструкции с государственной промышленностью» (стр. 26—27).

А дальше: «И здесь (в торговле. *А. К.*) частный капитал играет преимущественно паразитическую роль в том смысле, что использует не им созданную кон'юнктуру неэквивалентного обмена, ничего не делая для достижения большей эквивалентности» (стр. 27). Получается своеобразная картинка. Неэквивалентный обмен с деревней дает возможность существовать и развиваться социалистическому сектору. В этом сущность закона первоначального социалистического накопления. Неэквивалентный обмен дает возможность и частному капиталу, занятому главным образом в торговле и промышленности, также «присасываться» и получать доходы. Следовательно, чем выше неэквивалентный обмен, тем выгоднее, при прочих равных условиях, и социалистическому сектору и сектору капиталистическому. От неэквивалентного обмена выгода обоюдная, при чем выгода для капиталистического сектора связана вообще с его существованием. Частный капитал промышленности и торговли «размещается в порах неэквивалентного обмена», как «боги Эпикура или евреи в порах польского общества» (Маркс). В первом случае выгоду для социалистического сектора Преображенский характеризовал как закон первоначального социалистического накопления, ведущего борьбу с законом стоимости, во втором случае Преображенский ничего не сказал. А надо бы было. Раз неэквивалентный обмен для социалистического сектора характеризует собой определенный закон, то почему бы не сконструировать какого-либо закона для капиталистического сектора, занятого в промышленности,—ну, скажем,

закона первоначального капиталистического накопления? Ведь с логической стороны здесь дело идет об одном и том же явлении — неэквивалентном обмене, на основе которого два сектора живут за счет одной и той же базы—деревни, общность интересов обоих этих секторов Преображенским выдвигается как постулат. Идем дальше.

Оказывается, что не весь капиталистический сектор использует неэквивалентный обмен. У Преображенского капиталистический сектор в его отношении к неэквивалентному обмену делится на две части: одна —это частный капитал в промышленности и торговле, — эта часть пользуется всеми благами неэквивалентного обмена, другая — в сельском хозяйстве: кулаки, которые «как и все крестьяне» борются с неэквивалентным обменом. Преображенский пишет: «В ином положении находится аграрная половина капиталистического сектора... Именно аграрный капитализм советской системы прежде всего и больше всего страдает от неэквивалентного обмена потому, что кулацкое хозяйство покупает больше середняцкого, а значит, больше переплачивает на наших внутренних ценах в сравнении с мировыми»... (стр. 27). «Вот почему кулацкое хозяйство так остро враждебно, так сознательно враждебно относится к теперешней экономической системе СССР, хотя от неэквивалентного обмена страдает в известной мере все крестьянство вообще, поскольку оно связано с рынком и не замкнулось в скорлупе натурального хозяйства» (стр. 27). Получается действительно своеобразный, никем еще пока не выдвигавшийся парадокс. Социалистический сектор на данной ступени развития только и живет, что за счет неэквивалентного обмена. За счет неэквивалентного обмена живет и часть частного капитала. Эта часть капитала, следовательно, сторонница неэквивалентного обмена, а поэтому, вероятно, и не так «остро враждебна к экономической системе СССР». С другой стороны, аграрная часть капитала страдает «больше всего» от неэквивалентного обмена, а вместе с ней страдает и «все крестьянство». Поэтому-то кулаки, а вместе с ними и все крестьянство, связанное с рынком, «так враждебно относятся к экономической системе СССР». Выходит, что «все крестьянство» является врагом экономической системы СССР, опирающейся на неэквивалентный обмен, а капиталистические элементы в промышленности и торговле—ее друзьями. Неэквивалентный обмен по заявлению Преображенского является основой существования нашего Союза, на нем зиждется и закон первоначального социалистического накопления, и в этом коренном, стало-быть, вопросе нам друг частный капитал и непримиримый враг — простое товарное хозяйство. Отсюда: «Борются две системы равновесия: равновесие на капиталистической основе, на основе включения в мировое хозяйство, регулируемое законом ценности, путем ликвидации советской системы и придавления пролетариата, и равновесия на основе временного неэквивалентного обмена, служащего источником социалистической реконструкции и неизбежно означающего придавление капиталистических тенденций развития особенно в земледелии» (стр. 28). Следовательно, кулацкое хозяйство, «как и все крестьянство», не заинтересованное в неэквивалентном обмене, борется за «капиталистическую систему равновесия»; социалистический сектор, как и сектор капиталистический, находящийся в промышленности и торговле, з а и н т е р е с о в а н в неэквивалентном обмене, который служит источником социалистической реконструкции, «означающей придавление капиталистических тенденций развития». Получается: 1) капиталистические элементы в промышленности против капиталистических элементов... «особенно в земледелии»; 2) «все крестьянство» за капиталистическую систему равновесия. Ну, как тут не брать с них «б о л ь ш е», чем капиталисты! Это два таких парадокса, которые могут вмещаться только в голове Преображенского.

III. Критика „закона“ с точки зрения равновесия.

Выше во втором параграфе мы только излагали точку зрения Преображенского на вопрос о действии неэквивалентного обмена на разные секторы народного хозяйства. Как известно, на основе факта неэквивалентного обмена Преображенский конструирует закон первоначального социалистического накопления. Теперь мы перейдем к критике выдвигаемых автором положений и как раз со стороны результата неэквивалентного обмена — закона первоначального социалистического накопления. Преображенский считает, что неэквивалентный обмен, на базе которого существует социалистический сектор, налицо благодаря нашей технической отсталости. «Если принудительным условием существования советского хозяйства с его государственным сектором является неэквивалентный обмен со всеми аппаратами ограждения такого обмена, как, например, монополия внешней торговли, плановый аппарат и жесткий протекционизм, то вторым принудительным условием его дальнейшего существования является постепенное преодоление этой неэквивалентности, постепенное приближение уровня наших производительных сил к уровню наиболее передовых капиталистических стран» (стр. 26). Следовательно, приближение к «уровню передовых капиталистических стран» есть преодоление неэквивалентности.

При тщательном анализе проблемы неэквивалентного обмена в работах Преображенского мы находим у него два вида неэквивалентности. Первый вид: «При капитализме неэквивалентный обмен между крупным производством и мелким, в частности неэквивалентный обмен между капиталистической промышленностью и крестьянским земледелием, вынужденным в известной мере приспособляться в области цен к стоимостным отношениям крупного капиталистического земледелия, является, если говорить о сфере чисто экономических отношений и причин, простым выражением более высокой производительности труда в крупном производстве в сравнении с мелким» («Нов. Эк.», стр. 10). Вот это один вид, одна характеристика неэквивалентного обмена, характеристика, вытекающая из более высокого состояния производительных сил в промышленности. Следовательно, если бы наше крестьянство торговало непосредственно само с иностранным капиталом неэквивалентный обмен существовал бы, вытекая из высокой техники западно-европейской промышленности. Но неэквивалентный обмен, существующий в нашем хозяйстве, имеет другие предпосылки обратного порядка, предпосылки, вытекающие из нашей технической отсталости. Преображенский пишет: «У нас неэквивалентный обмен сейчас связан прежде всего с технической отсталостью нашей промышленности, более низкой производительностью труда в ней в сравнении с передовыми капиталистическими странами» (стр. 10).

Таким образом, поскольку пролетарское государство само покупает крестьянские товары и дает взамен товары своего производства по более высоким ценам, чем капиталисты, постольку мы неэквивалентный обмен удвоиваем. Если нам удастся в техническом отношении догнать передовые капиталистические страны, тогда вторая причина, углубляющая неэквивалентность, будет устранена, но зато останется первая причина. Преображенский так и пишет: «Когда последние причины отпадут (т.-е. наша техническая отсталость. *А. К.)*, первые останутся» (стр. 11). Первая причина неэквивалентности, вытекающая из технического превосходства промышленного производства над мелким, раздробленным, не вызывает никаких сомнений. Этот факт показывает лишь преимущество крупной техники над мелкой. Остановимся на втором типе неэквивалентности, вытекающей из «технической отсталости нашего производства в сравнении с капиталистическим», вытекающей из «существа советской системы хозяйства». Тем более на нем надо остановиться потому, что о данном характере неэквивалентности и идет речь у Преображенского.

Неэквивалентность, вытекающая из нашей технической отсталости, превалирует по Преображенскому над первым типом. Прежде всего посмотрим, как обосновывает автор данный тип неэквивалентности. Способом обоснования его является связь с мировым рынком. Преображенский считает, что абстрагироваться на первой ступени анализа от экономполитики возможно, но зато нельзя абстрагироваться от связи с мировым рынком. «Отвлечься от мирового рынка значит отвлечься от наших взаимоотношений с мировым хозяйством, значит отвлечься от совершенно исключительных ценностных взаимоотношений с ним, от неэквивалентного обмена, от монополии внешней торговли, от почти запретительных таможенных тарифов, насилия, на котором буквально висит все наше промышленное развитие в период предварительного социалистического накопления» («Нов. Экон.», стр. 44). Следовательно, поскольку все наше развитие, включено в мировой рынок, постольку на первом этапе анализа абстрагироваться от него нельзя. Как же Преображенский включает нашу систему в мировой рынок? Включение его очень своеобразно. Оказывается, что цены с.-х. товаров регулируются не условиями нашего хозяйства, а законом стоимости мирового рынка. Цены с.-х. товаров определяются ценами мирового сельского хозяйства. Преображенский пишет: «Мы накопляем при этих ценах только потому, что насильственно, на основе борьбы с мировым законом ценности принудительно прикрепляем к нашей технически отсталой промышленности наш внутренний рынок...» (стр. 45). Так мировой закон ценности бушует, как слепая сила, не только на мировой арене, но он бушует также и в нашей собственной экономике — в сельском хозяйстве. Вот такое положение есть действительно теоретическое обоснование другого положения, высказанного другим автором — Троцким, который рассматривает наше сельское хозяйство как «функцию мирового хозяйства». В чем здесь ошибка? Ошибка, коротко говоря, заключается в следующем. Действительно в нашем простом товарном хозяйстве действует стоимость. Действует она и в мировой экономике. Но действие ее разное. Разница заключается в том, что в одной и той же потребительной стоимости заключено разное количество общественно-необходимого рабочего времени, а значит, и пропорции распределения, действующие в нашем крестьянском хозяйстве и устанавливающиеся на основе закона стоимости, одни, другими они являются на мировой арене, где также действует закон стоимости, но действует на другом по своему уровню базисе, на основе другой техники. Когда Преображенский говорит о смычке стоимостных пропорций нашего сельского хозяйства со стоимостными пропорциями заграницы, он абстрагируется как раз от двух условий, которые на словах как-будто бы им и признаются: это — разный технический уровень, закрепленный монополией внешней торговли. Последняя-то и не дает возможности перекинуться в нашу экономику тем пропорциям обмена, которые господствуют на мировом рынке. Поэтому понять ценообразование с.-х. товаров нашего крестьянского хозяйства на основе анализа ценообразования в Западной Европе, конечно, невозможно. А если итти за Преображенским, то это вполне возможно, так как мировой закон стоимости, по его мнению, господствует и в нашем необобществленном хозяйстве, а значит, и пропорции обмена, следовательно, и высота цен на товары этой части экономики также мировые Вот это — первая ошибка Преображенского, которая показывает на то, что включать нашу систему в мировой рынок так огульно нельзя. Преображенский же стороной необобществленного хозяйства включает нашу систему в мировое хозяйство. «Второй закон нашего хозяйства, закон ценности, — пишет Преображенский, — о котором гово-

рится не менее, чем о законе первоначального социалистического накопления, есть закон, базирующийся на втором члене соотношения, т.-е. на частном хозяйстве внутри и вне СССР» («Нов. Экон.», стр. 41—42). А мы говорим, что закон стоимости базируется только на основе внутренних производительных сил. Что же касается промышленности союза, то и Преображенский также признает, что включения в мировое хозяйство здесь нет. Таким образом, у Преображенского выходит, что у нас социалистический сектор ведет экономическую борьбу со стоимостью, которая выступает сплошной стеной, опираясь как на необобществленный сектор нашего хозяйства, так и мирового. Другими словами, монополия внешней торговли замыкает твердыми рамками лишь нашу промышленность — в частности обобществленное хозяйство. Такое положение является неправильным. В такой борьбе мы бы прежде всего были разбиты, разбиты потому, что свободное действие мирового закона стоимости повело бы за собой необобществленный сектор нашего хозяйства, что означало бы в переводе на классовый язык бурную диференциацию в сельском хозяйстве. В том-то и вся сущность, что стоимость, действующая в нашей экономике, имеет под собой более слабую базу, более слабые производительные силы, чем социалистический сектор. Наша стоимость не слита с мировой стоимостью, не часть последней, а оторвана от нее, а потому и более слаба, чем план.

Отсюда становится ясным, что абстрагироваться на первом этапе анализа от мирового хозяйства необходимо. А раз мы абстрагируемся от мировой экономики, при чем практическим выражением такого абстрагирования является монополия внешней торговли, тогда в основе нашего анализа равновесия всей системы будет лежать не неэквивалентный обмен второго варианта, а неэквивалентный обмен первого порядка, — другими словами, в основе анализа будут лежать взаимоотношения между тремя секторами нашего хозяйства, опирающимися каждый на определенный уровень производительных сил. Только с этого конца и можно подходить к вопросу о равновесии в экономической системе Советского Союза. Здесь раскрывается в вопросе о равновесии следующая картина.

Государственная промышленность имеет более высокую технику, чем крестьянское хозяйство. Между ними происходит обмен, обмен передового с отсталым. Отсталая часть экономики передает в обмене труда больше, чем получает. По другому случаю, — но как иллюстрацию можно использовать, — Маркс пишет: «То же самое может иметь место по отношению к стране, в которую отправляются товары и из которой получаются товары: именно такая страна (отсталая. *А. К.)* отдает овеществленного труда более, чем получает и все-таки получает при этом товары дешевле, чем могла бы сама их производить» (т. III, ч. 1, стр. 218). Следовательно, при прочих равных условиях крестьянству выгодно иметь товары как можно дешевле, а значит, выгодно, чтобы производительные силы промышленности росли, так как чем выше они будут, тем, при прочих равных условиях, крестьянство будет больше получать товаров. Количество потребительных стоимостей в обмен на крестьянские товары с ростом промышленности будет увеличиваться. Следовательно, такой характер неэквивалентного обмена в условиях диктатуры пролетариата, когда крестьянство не разоряется и не превращается в пролетариев, лишающихся орудий производства, для крестьянства выгоден. Поэтому индустриализация страны не противоречит интересам крестьянства; наоборот в этом главнейшем, коренном вопросе интересы рабочего класса и крестьянства совпадают. Но это только одна сторона проблемы. Если же рассматривать соотношение между промышленностью и сельским хозяйством в их движении, в динамике, диалектически, то интересы пролетариата и крестьянства совпадают и

с ростом сельского хозяйства. Рост сельского хозяйства возможен на основе его коллективизации. Поскольку же будет происходить коллективизация, постольку проблема неэквивалентного обмена совершенно снимается, а значит, снимается и разница между городом и деревней, так что в вопросе о соотношении между промышленностью и сельским хозяйством необходим анализ в двух плоскостях: 1) в росте промышленности более быстрым темпом, чем рост с.-х., что дает выгоду обоим классам, — это — проблема социалистического сектора и сектора простого товарного хозяйства, проблема смычки и 2) в росте социалистического сектора за счет сектора простого товарного хозяйства, — это — уничтожение классов, уничтожение города и деревни как двух полюсов, это — проблема обобществления простого товарного хозяйства. С этой стороны надо было подходить к вопросу о равновесии в экономической системе СССР, а не с конца «брать больше», как рекомендует Преображенский. Тогда и закон первоначального социалистического накопления не был бы альфой и омегой, при чем такой закон, который, если бы его проводить в жизнь, означал бы действительно разрыв союза пролетариата и крестьянства. Ошибка Преображенского вместе с его законом вытекает из следующей незамысловатой цепи рассуждений. В необобществленном секторе действует закон стоимости, который опирается как на этот сектор, так и на все мировое хозяйство. Следовательно, простое товарное хозяйство включено в систему мирового хозяйства. Пролетариат «насильственно» пытается его оторвать от мировой экономики. Простые товаропроизводители, желающие опрокинуть эту систему, борются с пролетарским государством. На войне — как на войне. Успешно вести войну — значит, надо ослаблять противника. Какой метод? Очень простой: «бери больше, чем капиталисты», и укрепляй себя. А теоретическим обоснованием такого подхода к простому товарному хозяйству выдвигается закон первоначального социалистического накопления. В этой цепочке надо вырвать только одно звено, тогда рушится и вся нить рассуждений. Этим звеном является связь простого товарного хозяйства с мировым рынком. Если мы простое товарное хозяйство свяжем с нашей промышленностью, что и есть на деле, тогда ведущим началом по отношению к нему будет социалистический сектор, а значит, будет налицо тяготение его к последнему, а не к мировому рынку. Отсюда — и метод анализа иной, чем у Преображенского. Экономполитика — основа, и абстрагироваться от нее нельзя; внешняя торговля — второе дело, а поэтому при «абстрактном анализе», как любит выражаться Преображенский, абстрагироваться можно и надо. И только когда уяснены основные закономерности во внутреннем соотношении между разными секторами нашего хозяйства, можно посмотреть, как эти закономерности модифицируются влиянием мирового рынка.

IV. Источники ошибок Преображенского в вопросе о неэквивалентном обмене.

Неоднократным заявлением Преображенский устанавливает, что мы в период первоначального социалистического накопления существуем только на основе неэквивалентного обмена. В вопросе о равновесии экономической системы СССР закон неэквивалентности выступает как основной закон, движущий расширенное воспроизводство социалистического сектора. Если для Маркса при капитализме, основным законом расширенного воспроизводства являлась прибавочная стоимость, то в переходной системе от капитализма к коммунизму основным законом расширенного воспроизводства, по крайней мере для первой его стадии, по Преображенскому, выступает закон предварительного социалистического накопления, опирающийся на неэкви-

валентный обмен, при чем государственное хозяйство получает ресурсы для своего расширения благодаря своей технической отсталости. Вот конкретный пример расширенного воспроизводства в социалистическом секторе. «В данном году мы из общей суммы экспорта вывозим, допустим, продуктов нашего сельского хозяйства на 400 миллионов и на эту сумму ввозим машин и сырья для промышленности. Наш плановый импорт и характер нашего включения в мировое разделение труда подчинены закону первоначального социалистического накопления. Это сразу станет нам ясно, если мы представим себе на минуту, что мы включаемся в мировое разделение труда на основе закона ценности. В этом случае на 400 млн., минус платежи и закупки внутри страны, крестьянство купило бы гораздо более дешевых товаров заграничного производства, при гораздо большем разнообразии выбора... Между тем теперь мы, ввозя, допустим, за 100 млн. крестьянского экспорта на 100 млн. машин, производство которых стоит внутри 200 млн., производим накопление основного капитала государственного хозяйства на основе закона первоначального накопления отчасти за счет мелкого производства» («Нов. Эк.», стр. 31—32).

Другими словами, беря у крестьян товаров на 100 млн. руб., мы продаем их за 100 млн. за границей. Покупаем там на 100 млн. товаров, которые на внутреннем рынке по привозе их в наш Союз стоят 200 млн. Из этих 200 млн., 100 млн. отдаем крестьянам за взятый товар, а 100 млн. бросаем на расширение основного капитала социалистической промышленности. На основе такой курсовой разницы действует закон предварительного социалистического накопления, а он-то и служит главным источником накопления. Выходит, что расширенное воспроизводство в сельском хозяйстве, если оно вообще происходит, идет из ресурсов самого сельского хозяйства. Следовательно, при анализе расширенного воспроизводства в данной части экономики надо исходить из внутренних законов производства. Наоборот, при анализе расширенного воспроизводства в социалистическом секторе, следует исходить не из внутренних законов производства этой части экономики, а из внутренних законов сферы обращения, поскольку закон первоначального социалистического накопления рождается на основе неэквивалентного обмена, т.-е. в сфере обращения. Наша же техническая отсталость является предпосылкой, которая должна витать в нашем представлении только как исходный пункт анализа. Преображенский мыслит наше положение по отношению к сельскому хозяйству аналогичным положению торгового капитала в период его господства над производством, т.-е. в период первоначального капиталистического накопления. Мы движемся между двумя пунктами, точь-в-точь как «боги Эпикура», между сельским хозяйством нашей экономики и мировым хозяйством—и используем свое положение «насилием». По поводу торгового капитала до периода промышленного капитализма Маркс писал: «Торговый капитал вначале служит только посредником в движении между двумя крайними пунктами, которые не подчинены ему, и между наперед данными отношениями, которые не им созданы» (т. III, ч. 1, стр. 314).

А стоимостные отношения, на основе которых включается наше сельское хозяйство в мировое хозяйство, нами не созданы, мы их только используем. Отсюда вытекает и второй взгляд Преображенского, гласящий, что наше сельское хозяйство, включенное в мировое хозяйство, подчинено в пропорциях обмена не нам, а мировому закону стоимости. Сельскохозяйственное производство своей формой производства независимо от нас. Наше отношение к нему аналогично отношению торгового капитала в период его господства. «Самостоятельное и преобладающее развитие капитала в форме купеческого капитала,—пишет Маркс,—равносильно неподчинению производства капиталу, т.-е. равносильно развитию капитала на основе чуждой ему и независимой от него общественной формы производства» (т. III, ч. 1, стр. 312). А поэтому: «Чистая, независимая торговая прибыль является невозможной, если продукты продаются по их стоимостям. Дешево купить, чтобы дорого продать—вот закон торговли. Следовательно, не обмен эквивалентов» (т. III, ч. 1, стр. 133). Дешево купить, чтобы дорого продать—вот закон первоначального социалистического накопления тов. Преображенского, поэтому—«не обмен эквивалентов». Такова теория познания автора «закона». Он без всякого колебания законы первоначального капиталистического накопления переносит в нашу эпоху и считает, что на основе этих законов происходит расширенное воспроизводство. «Дешево купить, чтобы дорого продать»,—это был закон торгового капитала; «дешево купить, чтобы дорого продать»—было законом меркантилистов, выражавших интересы торгового капитала; «дешево купить, чтобы дорого продать»—это остается законом и для Преображенского, который в совершенно другую эпоху с другими законами развития воскресил святые «истины» меркантилистов. Но, если ошибка меркантилистов Марксом извинялась тем, что в ту эпоху торговый капитал был чужд производства, становился над ним, являлся надстройкой над экономическим базисом того периода, то тем более непростительно Преображенскому, забывающему основное методологическое требование марксизма, которое гласит, что способ обращения определяется способом производства, а не наоборот, что обращение определяется производством, а не наоборот, что из производства надо выводить обращение, а не наоборот.

V. „Условия равновесия" Преображенского.

Мы так подробно остановились на вопросе о неэквивалентном обмене по двум причинам: 1) потому, что неэквивалентный обмен у Преображенского является основой расширенного воспроизводства в социалистическом секторе, а потому и основой теоретической конструкции равновесия всей советской системы, 2) потому, что в нашей литературе вопрос о неэквивалентном обмене совершенно еще не трактовался. Сказать, что мы исчерпали вопрос о неэквивалентном обмене, конечно, нельзя. Наша задача заключалась в том, чтобы показать неверную трактовку этого вопроса у Преображенского. В дальнейшем же задача заключается в том, чтобы показать действительное место неэквивалентного обмена в нашей системе. Но пока мы держимся Преображенского, положительное изложение данного вопроса не входит в нашу задачу. Показать место неэквивалентного обмена мы можем только на основе привлечения всех опосредствований, на основе анализа совокупности всех основных закономерностей в советской системе. Только исходя из внутренних соотношений между отдельными укладами в экономической системе Советского Союза, абстрагируясь на первом этапе анализа от мировой экономики, можно решать теоретически вопрос о равновесии в экономической системе СССР. И только тогда, когда будут вскрыты основные закономерности равновесия, выведенные из внутренних условий хозяйства, можно посмотреть, как мировая экономика модифицирует эти законы. Только такой методологический подход к данному явлению ставит его на надлежащие рельсы. Отсюда мы делаем тот вывод, что основное условие равновесия Преображенского—неэквивалентный обмен—на деле не является основным условием. А посему и все структурное построение равновесия Преображенского в нашей экономике есть неправильное построение, неправильное по методологическому подходу к данному вопросу. Остальные условия равновесия (их всех семь, включая и неэквивалентный обмен), выдвигаемые Преображенским, являются в его системе условиями второго порядка. Рассмотрим и их.

Первое условие мы уже разобрали—это неэквивалентный обмен. Во втором «условии» равновесия так же, как и в первом (неэквивалентный обмен), социалистический сектор противостоит частному сектору вообще. Здесь Преображенский берет два варианта и рассматривает их влияние на равновесие. Первый вариант. Предположим, что вместо накопления в социалистическом секторе одного миллиарда, который необходим для равновесия всей системы, будет произведено накопление только 700 млн. благодаря снижению цен, не соответствующему снизившейся себестоимости. Это может привести, во-первых, к товарному голоду, во-вторых, к воздержанию крестьян от продажи для экспорта и к увеличению крестьянского потребления. А в результате—удар как по промышленности, так и по развитию сельского хозяйства (стр. 39). Второй вариант. Преображенский рассматривает этот вопрос с другого конца—с конца, как он говорит, «мелкобуржуазной обывательщины», «склонной» перенакопление в промышленности называть «забеганием промышленности вперед»[1]. «Динамическое равновесие нашей системы,—пишет Преображенский,—имеет своей предпосылкой между прочим: 1) рост заработной платы рабочих, 2) постепенное снижение промышленных цен, 3) переоборудование и расширение всей технической базы государственного хозяйства» (стр. 40). Тогда перенакопление приведет к тому, что либо: 1) «перенакопление» окажется «кризисом производственного плана в той его части, где этот план неверно учитывал во времени выполнение первых трех задач» (стр. 40); 2) либо, мы, расширив очень второе подразделение, получим перенакопление, что приведет к отставанию технического перевооружения промышленности от общего развития страны (стр. 40); 3) либо мы слишком много бросим в I подр.; получится видимость «перенакопления», тогда как это есть «...своеобразная форма недонакопления, во всем государственном хозяйстве, взятом как целое» (стр. 41). Такое перенакопление, кроме временной заминки, ничего не создаст, зато в результате будет благодатный «скачек» (стр. 40—41). Отсюда вывод: «...перенакопление в государственном секторе, при наличии огромной задачи быстрого переоборудования и расширения основного капитала промышленности... вообще невозможно» (стр. 42), так что первый случай нарушения равновесия (недонакопление) ставит всю систему Советского Союза под опасность распада. Второй же случай (перенакопление) «иначе» отражается на системе. Здесь мы имеем дело не с чем иным, как только с плановым ляпсусом, который реальной жизнью будет все равно исправлен. С этой стороны угрозы, как в первом случае, нет. Отсюда делается вывод: «Таким образом, мы приходим к выводу, что размеры накопления в государственном хозяйстве в каждый данный год не есть величина произвольная, что определенный минимум накопления властно диктуется общими пропорциями распределения производительных сил между государственным сектором и частным, а также размерами наших связей с мировым хозяйством» (стр. 42). Положение верное, но оно недостаточно. Здесь говорится только об одной стороне «минимуме накопления», но не говорится о другой, о границах накопления в социалистическом секторе в данный конкретный отрезок времени. Не говорится потому, что, по мнению тов. Преображенского, перенакопления быть не может, а если и будет, то это лишь ляпсус плана. Вот это второе положение совершенно не верно. Что значит перенакопление или «забегание вперед»? Это означает все три «либо», о которых говорил Преображенский. Для того, чтобы в I или во II подразделении произошло «перенакопление», необходимо взять откуда-то ресурсы. Эти ресурсы могут итти: 1) либо от повышения налогов на частное хозяйство, 2) либо от повышения цен на промышленные изделия. Других факторов не дано, исключая, конечно, такой фактор, как снижение заработной платы рабочих. Исключается также фактор неравномерного распределения средств, идущих на промышленность, между I и II подр., так как в данном случае не о каком вопросе «перенакопления» речи быть не может: тут ставится вопрос о пропорциональности затрат капитального строительства между тяжелой и легкой промышленностью. Тогда в первом случае, при увеличении налогов, в простом товарном хозяйстве произойдет снижение производства и замыкание хозяйства в рамки натурального хозяйства, хозяйства будут производить на рынок только для уплаты налогов, а значит, в конечном счете будет подорвана товаризация сельского хозяйства. Капиталистический же сектор будет просто разоряться, открывая брешь особенно в торговой системе, которую надо чем-то заполнить. Во втором случае будет сокращена реальная заработная плата, с простым же товарным хозяйством произойдет то же явление, что и в первом случае. Следовательно, «перенакопление», «забегание вперед промышленности» может явиться не только «плановым» ляпсусом, но и серьезной причиной, нарушающей равновесие между промышленностью и сельским хозяйством, так что существует не только минимум накопления в промышленности, но и максимум, при чем диалектика такова, что то, что для промышленности будет являться максимумом, то для частного хозяйства является минимумом. Пропорциональное развитие всего народного хозяйства требует определенного соотношения между двумя основными частями нашего хозяйства—промышленностью и сельским хозяйством,—и нарушение этого соотношения есть «недонакопление» или «перенакопление». Чтобы решить вопрос, в каком соотношении они должны находиться, для этого необходимо исходить: 1) из технического уровня каждого сектора (вопрос о себестоимости), 2) из экономического уровня каждого сектора (вопрос об удельном их весе),—все это сочетается в 3) экономполитике пролетариата, которая решает вопросы политики цен, налогов и т. д., а значит, решает вопрос о величине накопления, так что, когда ставится вопрос о железном законе пропорциональности, из которого вытекает определенный темп накопления, то посылками от обратного, как делает т. Преображенский, доказать ничего нельзя.

[1] Мы здесь отбрасываем обвинение всей партии в «мелкобуржуазной обывательщине», поскольку партия предупреждала от такого забегания вперед, и рассматриваем вопрос по существу.

Третье условие равновесия Преображенский рассматривает при наличии связи нашей промышленности с мировым рынком. Автор строит схему воспроизводства для нашей промышленности (стр. 44), в которой I подр. занимает 40%, II—60%. Органический состав во II выше и относится как 2 : 1, в I подразделении ниже—как 3 : 2. По схеме—налицо диспропорция. Она вызвана: «1) прекращением вложения в нашу промышленность иностранного капитала; 2) сокращением непроизводительного потребления класса буржуазии; 3) амортизационными провалами основного капитала прежних лет; 4) отвлечением части средств производства на постройку новых заводов, не дающих еще продукции; 5) вследствие общей необходимости более быстрого развития накопления в I подразделении в условиях индустриализации страны» (стр. 45). Благодаря данным условиям, Преображенский считает, что чем дальше, тем все больше и больше в нашем хозяйстве будет расти дефицит на средства производства (стр. 45). Внешняя торговля имеет в этом деле решающее значение. Импорт приводит к тому, что: «Легкая промышленность вместо того, чтобы приостановить свое развертывание и ожидать того момента, когда первое подразделение сможет на основе своего собственного развития дать ей нехватающие элементы С, получает свой дефицит сразу из-за границы, т.-е. проблема разрешается во времени, тогда как решение вопроса длительным, окольным путем, путем развертывания собственного первого подразделения, означало бы рост кризиса, нагромождение одних затруднений на другие, в том числе и в области обмена государственного сектора с частным производством» (стр. 46), так что

«окольный путь», т.-е. рост первого подразделения для удовлетворения C II без импорта будет только «нагромождать затруднения» и приводить к «росту кризиса». Без заграницы существовать невозможно, так как дефицит все время растет, а значит, будет расти и наша нужда и зависимость от заграницы. То же самое и с I подразделением, так что, по Преображенскому, чем дальше, тем все больше мы будем зависимы от иностранного капитала как раз со стороны основного капитала для обоих подразделений. Как видно из изложенного, у Преображенского индустриализация носит своеобразный характер. Во-первых, совершенно неверно, что чем дальше, тем все больше и больше будет расти недостаток на основной капитал, и значит, будет расти «диспропорция» и «награмождение затруднений», выровнять которые призван только иностранный капитал. Ведь, сам Преображенский признает, что I подр. развивается более быстрым темпом, чем II подразделение. А это уже само по себе означает удовлетворение II подр. C. Наоборот, при росте производства средств потребления, недостаток в основном капитале, чем дальше, тем больше и больше, будет удовлетворяться внутренними ресурсами, а значит, и зависимость от заграницы будет ослабевать. Это не значит, что связь с заграницей должна при этом сокращаться, она будет расти, но удельный вес добываемых там средств производства в общей массе основного капитала будет падать. В этом вся сущность индустриализации со стороны отношения нашего народного хозяйства к мировому рынку.

В четвертом условии «равновесия» Преображенский рассматривает пропорциональность обмена между государственным сектором и частным, не деля последний на две его части. Здесь проводится та интересная мысль, что непроизводительное накопление смягчает товарный голод. Сокращение непроизводительного потребления означает, по Преображенскому, увеличение дефицита на средства производства главным образом во II подразделении. Для доказательства своей мысли Преображенский берет марксову схему расширенного воспроизводства и попеременно сокращают $\frac{m}{x}$ потребления капиталистов вначале в I подразд., потом во II. Если в I подразд. увеличивается накопление за счет сокращения непроизводительного потребления, то будет расти дефицит на средства производства для II подразд. Если же одновременно и во II подразд. будет сокращаться непроизводительное накопление, то дефицит на средства производства будет еще более увеличен. «Это значит,—пишет Преображенский,—что диспропорция будет расти с двух концов одновременно: и вследствие относительного сокращения обменного фонда первого подразделения и вследствие относительного и абсолютного роста C II» (стр. 59). Отсюда делается вывод, что, поскольку Октябрьская революция сократила непроизводительное потребление, постольку создана и сама диспропорция на средства производства для II подразделения. С другой стороны, выходит, что стремление рабочего государства сократить непроизводительное потребление в Союзе приводит к углублению данной диспропорции. Преображенский так и пишет: «Наоборот, когда непроизводительное потребление сокращается, растут валовой и чистый доход общества и накопление, а вместе с тем растет также и товарный голод на средства производства» (стр. 61). Отсюда вытекает очень важный вывод—вопрос о кризисах. Если, действительно, сокращение непроизводительного потребления, которое является основой всей нашей экономполитики, увеличивает дефицит на средства производства, то наше движение вперед все время должно углублять данную диспропорцию, значит, в нашей экономике с железной неизбежностью заложен динамит кризиса. Смягчать эту основную нашу диспропорцию, но не уничтожать призван мировой рынок (см. стр. 62). Такое безрадостное положение приводит к двум выводам: 1) в нашей экономике с необходимостью заложены элементы кризисов; 2) динамика воспроизводства в нашей экономике аналогична динамике воспроизводства в капиталистической системе, если же мы и делаем потуги на более быстрый темп развития за счет непроизводительного потребления, то только ценою углубления дефицита на средства производства, ценою углубления диспропорции. Ошибка Преображенского в данном вопросе вытекает из недиалектического подхода к вопросу. Во-первых, совершенно неверный методологический подход в его апелляции к схеме расширенного воспроизводства Маркса. Преображенский делает очень просто: берет схему расширенного воспроизводства Маркса, построенную для специфических условий капитализма с его специфическими условиями равновесия, производит попеременное сокращение непроизводительного потребления вначале в I, а потом и во II подразд.; пропорции оказываются нарушенными, а значит, обоснован и вывод, что сокращение непроизводительного потребления вызывает «с двух концов» дефицит на средства производства. Прежде всего следует отметить, что схемы Маркса ни для него самого, ни для кого из марксистов не являются способом доказательства, они лишь способ иллюстрации. На этот момент указал еще Ленин. Можно было бы построить другую схему, в которой, наоборот, сокращение непроизводительного потребления увеличило бы расширенное воспроизводство—и только. Апелляция к иностранному рынку для уничтожения диспропорции означает то, что в одной своей части производство создало товаров больше, чем необходимо. Их надо обменять на орудия производства средств производства за границей. В этом вопросе Преображенский явно скатывается к Розе Люксембург. Мы считаем, что, наоборот, сокращение непроизводительного потребления в условиях советской действительности, когда расширенное воспроизводство в основных своих частях (крупная промышленность) производится по плану, способствует только более быстрому темпу развития всего народного хозяйства. Не углубление диспропорции вызывает данный факт, а преимущество нашей системы перед капиталистической системой. Тем более быстрота роста нашей промышленности в сравнении с ростом капиталистической промышленности определяется между прочим фактом сокращения непроизводительного потребления; обобществление же крупной промышленности, уничтожающее противоречие между характером производства и способом присвоения, закрепленное планом, исключает железную необходимость кризисов.

А. Айхенвальд.

О некоторых устоях и некоторых противоречиях современного мирового хозяйства.

(Окончание. Начало статьи см. в предыдущем номере).

III. Особенности современного „равновесия“ мирового хозяйства.

Конечно, самый глубокий конкретный «корень зла» лежит не в том, что злокозненные американцы не хотят пускать к себе европейских товаров и не в том, что всякие полуаграрные страны злостно индустриализируются и отгораживаются пошлинами. Все это является или следствием, или отдельным выражением того основного факта, что до сих пор, т.-е. после 10 лет империалистического мира (именно не войны, а мира!) не найдено новой ступени, новой формы международного разделения труда, в то время как старая его ступень безнадежно утеряна. Старой основы хозяйственных отношений между Америкой и Европой уже нет, ибо если раньше Америка нуждалась в европейском экспорте ряда промтоваров, в европейском торговом флоте, в европейских капиталах, то теперь она сама хочет сделать Европу рынком не только для своих сельскохозяйственных, но и для своих промышленных товаров, то теперь у ней есть свой собственный торговый флот, и теперь она сама снабжает Европу капиталами. Старой основы для хозяйственных отношений между метрополиями и колониями тоже в значительной мере нет, ибо последние индустриализировались, а первые к этому факту не приспособились. Старой основы для внутриевропейских хозяйственных связей нет, ибо производственные аппараты в ряде стран выросли, перестроились, роль различных отраслей изменилась, структура удовлетворения внутреннего рынка стала другой, а потребность во внешних рынках отнюдь не уменьшилась и т. д. и т. п. Коротко говоря, страны сбиты со своих насиженных мест в системе международного разделения труда, а новых мест и пропорций нет, ибо новая пропорциональность не только еще не сложилась, но даже в перспективе пока-что не видно ее контуров.

И это еще не все, ибо положение усложнилось новыми отношениями, созданными в результате первой мировой империалистической войны. Важнейшая империалистическая страна европейского континента — Германия, оказалась в новом, своеобразном положении. У нее—крупная доля в индустриальных производительных силах мира, но нет доли в колониях (не говоря уже об «орудиях силы», способных закрепить экономически завоеванные рынки); она ввозит капитал из стран, по отношению к которым она в большей или меньшей степени является конкуренткой; она, как импортер капитала и плательщица репараций, является об'ектом эксплоатации антановско-американского капитала, хотя она сама имеет в структуре своего хозяйства возродившиеся черты империализма. Весь этот противоречивый и своеобразный переплет чрезвычайно затрудняет нахождение Германией своего места в системе международного разделения труда. Между тем, чтобы осуществить с успехом все сложные требования, пред'являемые

к современной Германии версальско-дауэсовской системой отношений, т.-е. чтобы, с одной стороны, быть достаточно скромной и не слишком угрожать в колониях и на европейском или американском рынке своим победителям, а, с другой стороны, платить по долгам и репарациям, для Германии потребовалось бы особое место в мировом хозяйстве, с особым рыночным кругом и особой специализацией. То же самое относится и к другим европейским странам, и к американо-европейским отношениям в целом: в результате войны дела сложились так, что индустриально-аграрные С. Штаты экспортируют капитал в так задолжавшуюся индустриальную Европу, что Англия без всяких на то экономических оснований территориально увеличилась, что создался ряд новых государств, что Франция оказалась получательницей многомиллионных репараций и т. д. и т. п. Одним словом, создалась целая сеть сложных и важных отношений и политико-экономического и чисто хозяйственного рода. Но вся эта сеть не имеет под собой подходящей базы, опоры. Ведь для того, чтобы все эти отношения были действительно прочны, они должны опираться на определенную производственную пропорциональность, на такие роли отдельных стран, которые соответствовали бы всей теперешней системе отношений. На деле же под все эти репарации, военные займы, кредиты, территориальные перекройки, договора, «мандаты» и т. д. и т. п. не подведено никакого оправдывающего их разделения труда. Требования всей этой системы могла бы, может быть, удовлетворить только новая, особая, очень усложненная специализация отдельных стран, новая пропорциональность в международном с.-х. и индустриальном производстве и на этой основе по-новому построенный, сильно расширившийся мировой рынок. Но ничего подобного нет, и поэтому удержание всей этой системы политико-экономических отношений требует новых методов и новых «устоев», без которых не мыслимо было бы никакое сбалансирование и уравновешивание отдельных элементов мирового хозяйства.

Конечно, мы далеки от мысли, что американские кредиты являются единственной и всеобщей панацеей от зол, создающей некоторое равновесие внутри мирового хозяйства, потерявшего старую и не нашедшего новую пропорциональность. Мы взяли только один из важных «устоев» современного положения, имеющий особое значение с точки зрения поддержания и сбалансирования международных связей. Рядом с ним есть ряд других способов соблюдения некоторого «равновесия» — способов, или стихийно и вынужденно сложившихся под кнутом кризисов, конкурентной борьбы, узости рынков и т. д., или являющихся выражением большой степени организованности национальных капитализмов (что, впрочем, не исключает одно другого). Сюда относится систематическая, ставшая почти всеобщей недогрузка производственного аппарата, внутригосударственное и интернациональное картелирование, связанное с ним ограничение продукции, распределение квот на мировом рынке, наконец, определенное «подпирание» экономических соотношений внеэкономическими мерами, в частности мерами военными и т. д. и т. п. При помощи всего этого мировой капитализм смог в известной степени «установиться», перестроиться и подтянуться. Ведь было бы наивным думать, что почти 10 лет со времени окончания войны, почти 10 лет кризисов, малых войн, соглашений, образования разных международных комбинаций, перекройки границ во всем мире и т. д. и т. п.,—чтобы этот очень «содержательный» десяток лет прошел бесследно. Какое-то сбалансирование разрывов и противоречий капитализм за это время нащупал, какие-то опорные пункты для хотя бы частичной и временной парализации «разрушительных» тенденций были им найдены, какие-то скрепы и обручи связали и соединили отдельные части мирового хозяйства, закрепляя за каждой из них ту или другую роль в новой международной расстановке сил. Конечно, без такого минимального уравновешивания отдельных элементов мирового хозяйства для него было бы немыслимо

никакое движение вперед, никакое укрепление. Суть дела состоит в том, что для создания этой новой системы пришлось использовать в качестве ее устоев все те приемы и способы, о которых мы только-что упомянули. Другими словами, суть дела в особенностях того «равновесия», которое создалось в течение послевоенного десятилетия.

Основную эту особенность мы уже видели с разных сторон: мировой капитализм до сих пор не сумел—даже ценой войны и потрясений послевоенного десятилетия—притти к такому новому пропорциональному распределению производительных сил и разделению труда, которое обеспечило бы действительную ликвидацию хотя бы самых основных старых, довоенных, и новых, повоенных, противоречий и этим самым открыло бы дорогу более всеобщему, более «широкому», более сильному под'ему мирового хозяйства. Не преодолев болезненного состояния ряда важнейших своих участков, не устранив причин диспропорций, не нащупав новой ступени международного разделения труда и нового распределения мест между странами, мировой капитализм смог, однако, благодаря своей более высокой организованности и выросшей капитальной силе Америки сбалансировать противоречия и диспропорции и создать некоторую минимальную согласованность между частями мирового хозяйства. И это новое строение мирового хозяйства носит на себе отпечаток не разрешенных, а скорее замазанных и загнанных внутрь противоречий, не ликвидированного, а скорее «консервированного» кризиса [1]. Радикально, «всерьез» не разрешено ни одно из тех противоречий и диспропорций, которые являлись причиной кризиса мирового хозяйства, но по отношению почти ко всем им сделан ряд шагов в сторону притупления, ослабления, нащупывания выхода, или, во всяком случае, временного компромиссного сбалансирования. В целом, несмотря на все диспропорции, различные способы поддерживают известное относительное «равновесие», и движение вперед становится возможным.

Нельзя считать абсолютно исключенным всякое упрочение современной системы мирового хозяйства, всякий постепенный переход от замазывания и притупления тех или других противоречий к их ликвидации на той или другой производственно-рыночной базе. Собственно говоря, весь общеэкономический расчет, вложенный в эту систему (если у ее «строителей» был и есть какой-нибудь такой расчет), и сводится к тому, что она должна сыграть временную, переходную, подготовительную роль. В самом деле, к чему сводится точка зрения Гильфердинга (который, конечно, не строил эту систему, но защищает и «обобщает» ее), если перенести ее в международную плоскость? Пока-что, временно необходимо опираться на современные способы поддержания равновесия, как бы плохи и внутреннепротиворечивы они ни были. Но при их помощи уже подготавливается новое разделение труда, создаются новые основы для высшей ступени развития производительных сил и новой структуры мирового рынка, т.-е. подготавливается переход к нормальному и гармоничному равновесию. Пройдет еще несколько лет, мировое хозяйство перейдет с рельс временно сбалансированной и неустойчивой системы на рельсы новой пропорциональности и высшей производственной структуры. Тогда все окончательно нормализуется, все неприятные «особенности» отпадут, противоречия, сейчас кажущиеся неразрешимыми, растворятся сами собой, и каждая страна найдет свое новое место, а все они вместе, «подав друг другу руки, смело двинутся вперед». Поэтому Гильфердингу кажется глупым и неправильным стремление Шахта и иже с ним приостановить завинчивание кредитного «винта»,

[1]) Тов. Бухарин в докладе на XV с'езде говорил о «структурном кризисе» мирового хозяйства. Нам кажется, что это очень удачно характеризует современное положение.

в рамках теперешнего распределения труда устранить противоречия, немедленно добиться для Германии такой доли во внешних рынках, которая дала бы ей возможность на основе собственных наличных сил выполнять хотя бы уменьшенные репарационные платежи. С этой точки зрения Шахт, действительно, не хочет итти по той дороге, которая, внешне заводя интернациональные отношения в дебри противоречий, на самом деле подготавливает их выход на единственно верный путь. Не менее не прав кажется и Пэйш со своими мрачными предсказаниями о том, куда заведет мир неумеренное пользование американскими кредитами и со своими наивными уговорами «пускать» европейские товары в Америку: он тоже не понимает, что пока временное равновесие не может не прибегать к подобным способам, но что в течение их действия будет подготовлена новая ступень международных отношений, и тогда дело будет не в доброй воле американцев, а в экономической необходимости. Вообще гильфердинговский подход, если и не дальновиднее, то во всяком случае спокойнее и увереннее Шахта. Гильфердинг твердо верит, что все к лучшему в этом лучшем из миров: он уверен, что капитализм найдет выход из нагромождающихся противоречий и что они сами окажутся только ступенями в деле достижения высшей ступени развития мирового хозяйства. Все неразрешенные противоречия и особенности окажутся только наваждением проклятой войны, ее отголоском, который исчезнет через несколько лет. Гильфердинг хочет «смотреть в корень» и вместо надежд на улучшения и заплаты теперешнего положения он ждет от капитализма нового взлета, радикально разрешающего теперешние проблемы.

Вообще говоря, подобный исход был бы мыслим по двум линиям: с одной стороны, новая ступень международного разделения труда могла бы явиться развитым и усложненным внутрипромышленным разделением труда. Отдельные страны специализировались бы на определенных родах, типах, отраслях индустрии. Не трудно понять, какое огромное значение имело бы это для мирового рынка. С другой стороны, выход мыслим и в форме нахождения или расширения «третьей сферы»—новых рынков в неиндустриальных странах. Лучше всего действовало бы соединение обоих этих путей. Можно, вероятно, изобрести еще какие-нибудь отвлеченные возможности выхода из «структурного кризиса» к нормальному равновесию, но названные два пути представляются нам наиболее естественными и «подходящими».

Однако, если из эмпиреев отвлеченной возможности спуститься в мир реально имеющих место процессов, то тут придется убедиться в том, что и для этих двух путей имеется пока-что очень тощее количество фактов. Конечно, производительные силы мирового хозяйства не стоят на месте. Мы можем указать на рационализацию европейской, главным образом немецкой, промышленности, на бурный рост новых отраслей, на серьезные научно-технические изобретения. Может быть, можно найти некоторые намеки на постановку вопроса о специализации отдельных индустриальных стран. Любопытно, например, что на последнем пленуме торгово-промышленного с'езда в Германии вновь подчеркивалось, что Германия может завоевать себе необходимое место на мировом рынке только через высококачественную немецкую работу, ибо в отношении массовой продукции успешная конкуренция с Америкой немыслима. Одновременно Германия рядом своих новых успехов в области химической индустрии (разжижение угля, развитие азотистой индустрии и др.) может выдвинуться на особую роль в снабжении мирового химического рынка.

Другого типа стремления отыскать себе новое (или вернее укрепить старое) место под луной можно найти в Англии. Здесь прежде всего заметна некоторая переориентация индустрии на внутренний рынок: новые отрасли, работающие на этот последний, чувствуют себя довольно хорошо в противо-

положность основным экспортным индустриям. Рядом с этим интерес представляет так наз. «Импайр Девелопмен», т.-е. движение, ставящее своей целью создать из Британской империи прочное хозяйственное единство, замкнутое по отношению к внешнему рынку единой таможенной границей, развивающееся на английский капитал—в общем, построенное по типу С.-Американских С. Ш. Пожалуй, единственно, что придает этому движению—в общем явно утопичному—хотя бы слабую тень реальности—это некоторый рост относительного значения колониальных рынков для Англии. Доля английского вывоза в колонии и доминионы выросла в общеанглийском вывозе с 39,18% (1925 г.) до 42,56% (1927 г.). Но и это расширение рынков было только кажущимся, ибо все дело в том, что на других внешних рынках дела Англии ухудшились: по абсолютной величине экспорт Англии в колонии остался почти без изменения (287 млн. ф. в 1925 г. и 286 млн. в 1927 г.). Реальнее под'ем американского экспорта в отсталые страны: при росте вывоза (а не стабилизации или падении, его, как в Англии) С. Штаты в общем увеличивают долю своего экспорта, падающего на Ю. Америку и Азию (Ю. Америка 1913 г.—5,9%, 1925 г.—8,2%, 1926 г.—9,2%, 1927 г.[1])—9,5%; Азия: 1913 г.—5,1%, 1925 г.—9,9%, 1926 г. — 11,8%, 1927 г.[2]) — 11,7%). Наоборот, в немецком экспорте доля восточных и отсталых стран не только не растет, но даже в ряде случаев абсолютно и относительно падает (вывоз в Азию в 1925 г. дал 7,9% общего вывоза, а в 1927 г.—7,6%; в Австралию—в 1925 г.—0,1%, в 1926 г.—0,4%, в 1927 г.—опять 0,1%; в Бразилию в 1925 г. было вывезено на 200 млн. марок, а в 1927 г. на 162, и т. п.[3]). Таким образом, по части открытия новых рыночных сфер в отсталых странах дело обстоит довольно слабо. Никаких действительно новых перспектив последние годы не дали, единственный успех здесь может констатировать лишь Сев. Америка. Что касается Европы, то пока нет никаких признаков того, что отсталые страны своим развитием начали компенсировать, хотя бы незначительную долю того ущерба, который Европа потерпела за годы войны и послевоенного кризиса; а о том, насколько серьезен этот ущерб, можно напомнить хотя бы тем примером, что английский текстильный вывоз на Дальний Восток (составлявший 61% этой самой крупной экспортной статьи Англии) упал к 1925 г. до 44% своего довоенного уровня!

Таким образом, нельзя пока сказать ни того, что мировой капитализм открыл новые или существенно расширил старые рынки в отсталых странах, ни того, что он нашел новые направления развития производительных сил, выводящие промышленность из противоречивого положения: если говорить о международных отношениях и мировом рынке, то пока-что серьезные, многообещающие успехи окажутся «достигнутыми» скорее в области стремлений и теорий, чем в действительности.

Но, может быть, если у нас пока нет практических данных о подготовке «оздоровления» и «нормализации» отношений внутри современного мирового хозяйства, то такое оздоровление вытекает из самой сути дела? Может быть, его неизбежность может быть доказана a priori, теоретически?

Нам кажется, что дело обстоит здесь скорее наоборот. Ту систему мирового хозяйства, которую империализм мог создать в результате войны и послевоенного периода, он создал. Несмотря на ее глубокую противоречивость, движение производительных сил вперед оказалось возможным в ее рамках, хотя это развитие и идет несколько особым типом, ритмом, «зигзагом», чем до войны. «В целом» капитализм двигается уже вперед и, вероятно, в самые ближайшие годы будет продолжать это делать. Центр вопроса не в том, будет ли капитализм в целом топтаться на одном и том же месте или итти вперед, а в том, как будет происходить это последнее движение. Если «консервирование», запрятывание внутрь, балансирование противоречий особыми капитально-кредитными, хозяйственно-организационными, даже внеэкономическими и т. п. методами вместо их коренной ликвидации является временным наследием войны, если неустойчивость и концентрированная противоречивость послевоенного равновесия есть только мимолетная ступень в восстановлении довоенной прочности капитализма, то через несколько лет ненормальные явления в мировой кон'юнктуре сойдут на-нет, все придет к прежнему состоянию, и развитие будет итти так, как оно шло и до начала «эпохи империалистических войн и пролетарских революций». Если же мы имеем здесь дело не только с временным наследием войны, но и с некоторыми типовыми, характерными способами установления империалистического равновесия, выявляющимися в результате первого кризиса всей системы, то особенности в способах сбалансирования и типе движения мирового хозяйства окажутся настолько плотно к нему «прилипшими», что отделаться от них будет не так-то просто. В этом случае новые способы сбалансирования, новый ритм и тип хозяйственного движения в различных странах—и новая неустойчивость и «искусственность» равновесия — могут остаться вплоть до того, как развитие отдельных частей мирового хозяйства приведет к новому взрыву противоречий, который сметет это равновесие и поставит все вопросы по-новому.

[1]) Первые 8 месяцев (Данные по «Berliner Tageblatt» № 25).
[2]) Там же.
[3]) По «Berliner Tageblatt» № 154.

Нельзя, разумеется, огулом зачислять все лихорадочные проявления непосредственно-кризисного или послекризисного состояния мирового хозяйства за последние 10 лет в новые, специфические «особенности» современного империализма. Так, действительно, можно легко очутиться в положении человека, открывшего «новый закон», или «характерную особенность», исчезающую через пару месяцев после своего возведения в эту высокую степень. Но поскольку война и революционный кризис последних 14 лет представляют собой некоторый переход количества в качество, некоторый поворот в развитии империализма, постольку нет ничего более плоского и социал-демократического, как попросту сводить все те качественные особенности в структуре мирового империалистического хозяйства, которые об'ясняют его неустойчивость и глубинную противоречивость, к вывихам и временно-наносным явлениям. В самом деле, война была своего рода попыткой империализма устранить старую свою структуру и нащупать новую, дающую возможность более энергичного роста. Первый раз ряд важнейших действительно мирохозяйственных проблем должен был быть решен новым методом — «военной конкуренцией». Этот новый метод обанкротился если не целиком (если бы он обанкротился целиком, то никакой «стабилизации» не могло бы быть), то в своих существеннейших частях. Поражение передовой Германии, имевшей, казалось бы, с точки зрения «капиталистическо-хозяйственной справедливости» право не победу над Францией, Англией, Италией; обострение, самое злейшее, проблемы германского экспорта, знаменитой проблемы «made in German», которую как раз и призвана была разрешить война; запутав и усложнив дело тут, война не смогла, однако, спасти Англию, хотя она и дала этой загнивающей империалистической державе добавочный куш в виде новых колоний, мандатов и т. п.; всем этим война создала (или усилила) диспропорцию между хозяйственно-капиталистической силой и военно-колониально-рыночной долей как для Германии (в сторону не соответственно малой величины второй по отношению к первой), так и в Англии (в обратную сторону). Из России, которая могла бы стать отдушиной для разрешения ряда противоречий, война и мировой кризис создали Союз Социалистических Республик. Из полуколониальных стран (Китай) — вместо пре-

вращения их в новый или резервный рыночный фонд—получился источник нарушения равновесия и спокойствия и в более или менее закрепленных за метрополиями колониях. К этому добавился еще ряд особых американо-европейских, тихоокеанских и других «узлов».

Коротко говоря, война была специфической формой кризиса, попыткой особым внеэкономическим способом разрешить ставшие невыносимыми экономические противоречия; но она ряд из них сумела «разрешить» или по-реакционному, или же вообще только кажущимся образом; другие хозяйственные противоречия она ограничила, обезопасила, отнюдь не уничтожив самой сердцевины дела. По-новому, по-военному созданное распределение между странами «мест под луной» и система взаимоотношений между ними и поддерживаться должны не только старыми, но и какими-то новыми «устоями». Настолько же, насколько военно-милитаристический переплет и «военная конкуренция» не являются конкретными особенностями пары десятилетий (скажем 1910—1930 гг.), но самой структуры империализма, настолько же не могут быть случайными и «преходящими» те способы балансирования, к которым вынуждают прибегать эти военно-милитаристические методы. За империалистической войной следует не просто «мир и процветание», но империалистический «мир» и империалистическое «процветание». Внеэкономическими методами, насильственно, противоречиво, хозяйственно-реакционно установленное и сколоченное новое мировое хозяйство не может обойтись в поддержании своего «равновесия» без особых способов уравновешивания всего здания.

В самом деле, империализм ставит и разрешает проблемы мирового хозяйства не в старом порядке свободной конкуренции, а в своем, особом, военно-милитаристическом и государственном порядке. Такая роль внеэкономических факторов в вопросах хозяйственного равновесия по самой сути дела консервирует противоречия, задерживает и затрудняет их рассасывание: поскольку разделение всяческих квот закреплено политически, организационно, юридически, военно, постольку его не так-то просто привести в соответствие с разделением труда и производственной пропорциональностью. Нечего и говорить, что очень трудно «подгонять» международное разделение труда под требования военно-политического равновесия и данного распределения квот. Помочь тут могут,—и как мы видели, на деле помогают,—два обстоятельства:

Во-первых, повышенная экономическая организованность капитализма его увеличивающаяся способность сопротивления диспропорциям и другим помехам развитию мирового хозяйства. Рост монополизма, интернациональное картелирование, государственно-капиталистические тенденции,—все это не может не облегчать задачу сбалансирования противоречий между распредлением квот и производственной пропорциональностью: все это сдерживает выявление противоречий, связывает силы, которые своей острой конкурентной борьбой могут вызвать кризис, откладывает момент, когда дальнейшее развитие диспропорций становится немыслимым.

Во-вторых, выросший об'ем свободных капиталов, которыми распоряжается мировой капитализм и которые служат ему в качестве особых резервов — подвижных резервов покупательной силы, резервов поддержки и балансирования интернациональных отношений, резервов накопления и т. д. (эту сторону дела мы и разбирали выше).

Оба эти обстоятельства сами способны только консервировать или притуплять противоречия и диспропорции, хотя бы так, чтобы создалась возможность известного роста мирового хозяйства. Этот рост может вовести эти не разрешенные, а только «сбалансированные», загнанные внутрь противоречия на такую высокую ступень, при которой их кризисное явление потрясает не только капиталистический рынок, но и все буржуазное общество. Но, с другой стороны, отнюдь не обязательно, чтобы сумма «консервированных» противоречий все время росла вместе с их взрывчатой силой. Неправильно каждое из современных противоречий об'являть «неразрешимым», а каждый устой, каждый метод балансирования — столпом, без которого империализм вообще не сможет существовать. Совсем не в этом дело. Раз производительные силы движутся вперед, раз мировая торговля растет, значит не исключено, что некоторые диспропорции и противоречия будут на деле ликвидироваться и соответственные особые «устои» отпадут. В частности, от этого отнюдь не гарантированы те конкретные противоречия и «устои», о которых была речь в настоящей статье. Но рост производительных сил мирового хозяйства будет происходить в новой обстановке и пойдет по новым путям — в обстановке консервированного кризиса, «особых» способов балансирования, неустойчивого равновесия; путями внеэкономического разрешения важнейших вопросов экономической структуры мира, государственно-«организованных» способов хозяйствования, усиленно-автаркического направления политики в ряде стран и т. д. и т. п. А раз так, значит, этот же рост производительных сил выдвинет и разовьет новые противоречия и диспропорции и создаст необходимость в новых «особых устоях». Одной своей стороной рост империалистического мирового хозяйства будет изменять современную расстановку сил и современное «расположение» противоречий и диспропорций. Одни диспропорции, противоречия сойдут на-нет, особая роль того или иного «разновеска» отпадет, но другие создадутся вновь, и другой «разновесок» приобретет особое значение. Совсем пропасть, полностью ликвидироваться все диспропорции не смогут даже «на мгновение», и не смогут поэтому стать лишними те империалистические скрепы, которые удерживают эти противоречия от взрыва. Вся империалистическая «надстройка», все те формы, в которых растут производительные силы отдельных стран — высокие таможенные стены, раздробленные государственные «организмы», военным путем распределенные рыночно-колониальные квоты, — все это обязательно наложит свой отпечаток на изменения в международном разделении труда. Под влиянием этих и других империалистических способов развития (и одновременно, на другой стороне, задержки) производительных сил на том международном разделении труда, которое будет результатом ряда лет развития, будут лежать родимые пятна диспропорциональности, дисгармоничности, противоречивости. Сам империалистический механизм движения производительных сил будет воспроизводить усиленную противоречивость современной структуры мирового хозяйства, и сам же он будет балансировать и сдерживать весь комплекс старых и новых противоречий, прибегая при этом ко всем доступным экономическим и внеэкономическим методам.

Идеальной пропорциональности в разделении труда полного соответствия распределения производительных сил и распределения военных, территориальных, рыночных квот и обязательств империализм не имел и раньше и не может иметь и в будущем. Сколько-нибудь правильная пропорциональность была бы мыслима или при полной свободе конкуренции сплошь по всему земному шару, или при законченном ультра-империализме. «Переходный» империализм со свойственным ему механизмом движения производительных сил не сможет создать международное разделение без глубочайших диспропорций и противоречий; он не сможет разрешать все эти противоречия по мере их возникновения теми или иными более или менее тряскими передвижками в международном разделении труда — слишком негибка та броня организационных, военных, финансовых, капитальных и т. п. отношений, которая сдерживает и скрепляет всю систему. Он будет накоплять диспропорции и воспроизводить теперешнюю усиленную противоречивость

строения мирового хозяйства. И всеми доступными ему экономическими и внеэкономическими методами он будет балансировать, сдерживать и консервировать весь комплекс старых и новых несоответствий, невязок, противоречий. В известные периоды хозяйственного развития напряженность и об'ем этого комплекса может уменьшаться, но в другие она будет возрастать до тех пор, пока не будет достигнута такая высокая ступень развития противоречий, когда даже все «особые» устои и скрепы не выдерживают, когда дальше откладывать нельзя и когда поэтому неслыханно напряженные империализмом противоречия вырываются наружу в виде капиталистического кризиса, переросшего в кризис капитализма. Но и до этого самый тип империалистического «равновесия», а значит, и самый тип и ритм империалистического хозяйственного развития, будет носить на себе особый отпечаток напряженности, неустойчивости и скрытой противоречивости. Эти черты отмечают и будут отмечать статику и динамику «паразитического», «загнивающего», «умирающего» капитализма.

В. Мотылев.

Источники экономического превосходства Соединенных Штатов.

Исключительная быстрота хозяйственного развития Соединенных Штатов представляет выдающийся факт экономической истории. Сопоставление темпа развития С. Ш. с темпом развития западно-европейских государств обнаруживает значительное превосходство американского темпа на протяжении почти всей истории С. Ш. Ни в одной из европейских стран темп развития производительных сил не был **систематически** таким высоким, как в С. Ш. Благодаря этому об'ем народного имущества и продукции возрастал настолько быстро, что в 80-х годах С. Ш. догнали, а затем и превзошли уровень крупнейшей индустриальной державы XIX века — Англии. Капиталистическая система хозяйства развила в С. Ш. максимальный темп роста производительных сил, возможный в рамках этой системы [1]).

Эта исключительная быстрота развития капиталистического хозяйства в С. Ш. привлекла уже в 70-х годах прошлого столетия внимание Маркса и была им отмечена, как выдающийся факт. В письме к Николаю-ону в 1879 г. Маркс писал о «**неслыханно быстром** промышленном развитии, земледельческом прогрессе и пр.» С. Ш. и отмечал, что «С. Ш. в настоящее время значительно перегнали Англию в **быстроте** экономического прогресса» [2]). В письме к Зорге в 1881 г., в связи с критикой Генри Джорджа, Маркс поставил вопрос об источниках этой быстроты: «**Чем об'яснить**, что в С. Ш., где относительно, т.-е. в сравнении с цивилизованной Европой, приобретение земли было, и то лишь до известной степени, и теперь еще доступно для народных масс, капиталистическое хозяйство и связанное с ним порабощение рабочего класса **развилось быстрее и в более циничной форме, чем в каком-либо ином государстве**» [3]).

Превосходство американского темпа над европейским еще более проявилось в последней четверти XIX и начале XX века, когда на фоне обнаружившейся в этот период в передовых капиталистических странах тенденции к замедлению темпа развития производительных сил в С. Ш. эта тенденция проявилась позже (в 90-х годах) и в гораздо более слабой степени. Разница в **соотношении** темпов развития оказалась еще более значительной. Кроме того, к началу 90-х годов С. Ш. достигли такого высокого **абсолютного** об'ема основных капиталов и продукции промышленности, что

---

[1]) Статистическую характеристику темпа развития С. Ш и сопоставление его с европейским см. в нашей статье: «Темп развития капит. хозяйства и его закономерности», журнал «Эконом. Обозрение», 1928 г., № 5

[2]) К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма, перевод В. Адоратского, изд. «Московский Рабочий», стр. 243, разрядка наша

[3]) Там же, стр. 247, разрядка наша.

даже слегка снизившийся в последующие десятилетия темп прироста означал, однако, в абсолютных цифрах бурный рост. Эти десятилетия характеризовались поэтому поразительным ростом хозяйственной мощи С. Ш. «С. Ш.,—писал Ленин в 1913 г.,—не имеют равного себе соперника ни по быстроте развития капитализма в конце XIX и начале XX века, ни по достигнутой уже ими наибольшей высоте его развития, ни по громадности площади, на которой применяется по последнему слову науки оборудованная техника, учитывающая замечательное разнообразие естественно-исторических условий, ни по политической свободе и культурному уровню массы населения. Эта страна — во многих отношениях образец и идеал нашей буржуазной цивилизации» [1]).

Этот поразительный рост хозяйственной мощи С. Ш вызвал в начале XX века у части буржуазных европейских экономистов и политиков тревогу и страх. В 1902 г. английский журналист Мекензи выступил с книгой,— «Американские завоеватели, их планы, тактика и успехи», в которой описывал в панических, явно преувеличенных выражениях господство Америки на английском рынке. В Европе начали появляться работы об «американском нашествии», «американской опасности», «американизации мира» [2]). Однако, эти работы посвящались больше характеристике хозяйственной мощи С. Ш. и вытекающих отсюда опасностей для Европы, чем выяснению и с т о ч н и к о в превосходства американского темпа. Лишь империалистическая война, обнаружившая кризис капитализма и вызвавшая огромный рост удельного веса С. Ш. в мировом хозяйстве, поставила перед европейскими экономистами и политиками вопрос об источниках этого превосходства С. Ш. Капиталисты Западной Европы пытаются сейчас подражать хозяйственным принципам и методам С. Ш., надеясь найти таким путем выход из экономических тупиков. В связи с этим усилились попытки открыть «секрет» американского превосходства [3]). Интерес к вопросу об источниках этого превосходства усилился в последнее время и в С. Ш. в связи с растущими там противоречиями и диспропорциями, замедляющими хозяйственное развитие. В ряде новых исследований и работ по истории хозяйства С. Ш. американские историки и экономисты пытаются выяснить источники этого превосходства в прошлом, их характер и тенденции.

Вопрос этот представляет, по нашему мнению, исключительный интерес и для марксистов. «Неслыханная быстрота» хозяйственного под'ема С. Ш. является одним из самых ярких проявлений неравномерности капиталистического развития. Выяснение источников этой быстроты должно пролить свет на источники неравномерности, играющей столь важную роль в развитии противоречий капиталистического хозяйства. С другой стороны, выяснение характера этих источников на протяжении истории С. Ш. должно облегчить анализ дальнейших перспектив развития этой могущественной капиталистической державы. Наконец, выяснение этих источников и их характера имеет существенное значение для анализа проблемы темпа развития СССР.

---

[1]) Ленин. Собрание сочинений, т. IX, стр. 185.

[2]) В этом отношении показательны названия нижеследующих книг, вышедших почти одновременно: 1) B. Thwait. «The American Invasion» («Американское нашествие»), London, 1902. 2) Ch. Furness. «The American Invasion» («Американское нашествие»), 1902. 3) Lenschau. «Die Amerikanische Gefahr» («Американская опасность»), Berlin, 1902. 4) Prager. «Die Amerikanische Gefahr» («Америк. опасность»), Berlin, 1902. 5) W. Stead. «Die Amerikanisierung der Welt» («Американизация мира»), Berlin, 1902. 6) Ип. Озеров. «Америка идет на Европу», 1903 г.

[3]) В этом отношении любопытна брошюра двух английских инженеров, ездивших в С. Ш., чтобы открыть этот «секрет». См. Б. Аустин и Ф Ллойд «Американское хозяйственное чудо или секрет высокой заработной платы», ГИЗ, 1927 г.

1. Роль географической среды.

Начнем с вопроса о роли географической среды. Это тем более целесообразно, что ряд исследователей считает условия географической среды решающим или одним из решающих источников превосходства темпа развития С. Ш.

Действительно, географическая среда С. Ш. представляет поразительное сочетание благоприятных природных условий. Несмотря на интенсивнейшую эксплоатацию естественных богатств на протяжении всей истории С. Ш., они продолжают обладать огромной частью ресурсов земного шара.

Занимая около 6% общей поверхности земного шара и имея около 6% населения земного шара, они обладают 45,2% учтенных мировых энергетических ресурсов, при чем запасы угля составляют 47,1% мировых, нефти — 7,3%, гидроэнергии — 11,7%, древесины — 6,7% [1]). На ряду с этим, запасы железной руды составляют 19,5% мировых. Сочетание огромных запасов высокосортных железных руд с крупнейшими запасами угля и наличие богатейших в мире запасов меди и богатых ресурсов свинца, цинка, алюминия и т. п. создавали исключительно благоприятные условия для развития промышленности. Наличие же огромных пространств плодородных земель и разнообразие климатических и почвенно-водных условий создали благоприятные условия для развития многообразных сельскохозяйственных культур, в том числе почти всех технических культур (за исключением каучука), необходимых для развития промышленности. Наконец, богатство судоходными реками и озерами обеспечивало дешевые водные пути для перевозки товаров.

Это многообразие естественных богатств С. Ш. одним из государственных деятелей, Франклином Лэйном, было охарактеризовано следующим образом: «За исключением одного или двух второстепенных минералов С. Ш. производят все минералы, необходимые для промышленности, — между тем, этого нельзя сказать ни об одной другой стране... Мы можем построить броненосец или автомобиль (за исключением шин), железную дорогу или завод целиком из продуктов американских рудников или лесов... Наша почва и климат настолько разнообразны, что мы можем производить все зерновые продукты, фрукты, овощи, волокна, известные в умеренной зоне и многие, находящиеся в субтропической. И все это увенчано ресурсами гидравлической энергии, которые могут дать производству 60.000.000 лошадиных сил» [2]).

Это исключительное сочетание природных условий настолько поражает экономистов и политиков, что некоторые из них склонны считать его решающей причиной превосходства С. Ш. Так, например, проф. Дж. Смит заявляет: «С. Ш. представляют самостоятельный мир (world in itself). Они имеют большое обилие и разнообразие природных ресурсов и очень благоприятный климат. Эти условия сделали их богатейшей нацией в мире и создали возможность развития разнообразных производств» [3]). Решающую роль естественных условий признают иногда даже авторы, понимающие значение социально-экономических условий. Так, например, Эд. Каудрик, выясняющий ряд социально-экономических источников, тем не менее заявляет: «Первым, быть может, по важности является тот факт, что С. Ш. представляют государство, обильно снабженное сырыми материалами и энергетическими ресурсами [4]).

---

[1]) В. Вейц. «Производительные силы мирового хозяйства», изд. «Ком. Ак.», 1927 г., стр. 79—84 и 207.

[2]) Цитируем по книге T Van Metre. «Economic History of the United States», New-York, 1924, стр. 6.

[3]) Там же, стр 14.

[4]) E. Cowdrick. «Industrial History of the United States», New-York, 1923, стр. 37.

Такой же взгляд развивают некоторые экономисты в СССР, — в частности, С. А. Фалькнер. В своей работе «С. Ш. в мировом хозяйстве» он резюмирует свои взгляды следующим образом: «Этот быстрый темп экономического развития Америки обусловливался в конечном счете ее огромными естественными ресурсами, прогрессирующее и легкое использование которых приводило к энергичному росту производительных сил страны и ко все повышающейся норме накопления капиталов» [1]). Так как С. А. Фалькнер в этой работе почти не выясняет социально-экономических условий развития С. Ш., то роль естественных ресурсов оказывается у него решающей.

Эта точка зрения нашла сторонников и среди марксистов. Так, например, покойный Иосиф Иванов в своей интересной работе о мировом хозяйстве доказывал, что давление запасов каменного угля, железной руды и других природных богатств является основной причиной перемещения центра мирового хозяйства в С. Ш., «стягивания» мирового хозяйства «в огромный северо-американский центр» [2]).

Является ли, однако, такая точка зрения подлинно марксистской? Отражает ли она подлинные источники превосходства С. Ш.?

Вспомним прежде всего классическое определение роли географической среды в общественном развитии, которое дал Плеханов.

«Свойство общественного человека определяется в каждое данное время степенью развития производительных сил, потому, что от степени развития этих сил зависит весь строй общественного союза. Таким образом, это строение определяется, в последнем счете, свойствами географической среды, дающей людям большую или меньшую возможность развития их производительных сил. Но раз возникли известные общественные отношения, дальнейшее их развитие совершается по своим собственным внутренним законам, действие которых ускоряет или замедляет развитие производительных сил, обусловливающее историческое движение человечества. Зависимость человека от географической среды из непосредственной превращается в посредственную. Географическая среда влияет на человека через общественную» [3]).

Если верно, что общественные отношения могут ускорять или замедлять развитие производительных сил, что географическая среда может влиять лишь через общественную, то совершенно очевидно, что в обеспечении того или иного темпа развития производительных сил примат принадлежит не географической среде, а социально-экономическим условиям. Естественные богатства сами по себе не обеспечивают быстрого хозяйственного под'ема страны, если отсутствуют социально-экономические условия, облегчающие их использование. Наоборот, скудость естественных богатств не исключает возможности быстрого развития страны, если социально-экономические условия обеспечивают всестороннее и эффективное использование этих богатств. Ведь Россия и Китай развивались очень медленно, несмотря на огромные естественные богатства; наоборот, Япония развивалась со второй половины XIX века очень быстро, несмотря на скудость естественных ресурсов. Очевидно, решающую роль играли социально-экономические условия. Исключительные естественные богатства С. Ш. лишь постольку могли влиять на темп хозяйственного развития, поскольку социально-экономические условия обеспечивали их эксплоатацию. Не отрицая значительной роли географической среды в экономическом под'еме С. Ш., мы считаем,

[1]) С. А. Фалькнер. «С. Ш. в мировом хозяйстве», изд. «План. Хоз.», 1926 г., стр. 173.

[2]) И. Иванов. «Мировое хозяйство, как единый производственный организм», «В. К. А.», книга 6-я.

[3]) Н. Бельтов (Плеханов). «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», изд. «Белтрестпечать», 1923 г., стр. 219.

однако, что этот фактор не мог играть решающей роли, так как его влияние зависело от социально-экономических условий.

Необходимо, таким образом, перейти к выяснению той «общественной среды», в которой происходило развитие производительных сил в С. Ш.

2. Незначительность и недолговечность элементов феодализма.

Возникновение капитализма в Западной Европе происходило в недрах феодальной системы хозяйства. Развитие его тормозилось многообразными препятствиями, вытекающими из существа этой системы. Борьба растущего капитализма с феодализмом, длившаяся целую историческую эпоху, находила свое завершение в буржуазно-демократических революциях. Однако, ни одна из буржуазно-демократических революций не могла быть доведена буржуазией до конца. Разрушая феодальную систему, буржуазные революции не устраняли всех ее элементов. В том или ином об'еме существенные элементы феодализма сохранялись, претерпевая превращения под влиянием капитализма, но оказывая в свою очередь существенное влияние и на него.

Таким элементом феодализма в эпоху капитализма является прежде всего частная собственность на землю. «При предположении капиталистического способа производства, — говорит Маркс, — капиталист является не только необходимым, но и господствующим агентом производства. Напротив, землевладелец при этом способе производства является совершенно излишним. Для капиталистического способа производства нужно только, чтобы земля не была общей собственностью, чтобы она противостояла рабочему классу, как не принадлежащее ему средство производства, а эта цель достигается вполне, если земля становится государственной собственностью и государство, следовательно, получает земельную ренту. Землевладелец, столь важный агент производства в древнем и средневековом мире, в промышленном мире представляет из себя бесполезный нарост» [1]).

Результатом земельной собственности являлся высокий уровень земельных цен и абсолютной ренты. Кроме того, в большинстве капиталистических стран долго сохранялись, а в некоторых и сейчас еще существуют такие прямые пережитки феодализма, как крупное дворянское землевладение, фидеикомисс, отработочная система, трехполье. Маркс и Ленин выявили с достаточной ясностью отрицательное влияние всех этих элементов феодализма на развитие капитализма. На этом вопросе мы остановимся еще подробнее.

Сохранение элементов и пережитков феодализма в экономике вызвало их сохранение и в государственном строе и политике. В большинстве государств долго сохранялись, а в некоторых и сейчас существуют такие пережитки феодализма, как наследственная монархия, палаты лордов, господ и т. п. Политические партии крупного землевладения проявляли во многих буржуазных государствах величайшую активность в защите элементов феодализма; своим влиянием на государственную власть и ее политику они тормозили, задерживали развитие капитализма.

Существенные особенности феодальной идеологии, ее консерватизм и авторитарность нашли поэтому свое отражение и во всех прочих надстройках буржуазного общества. Если в эпоху буржуазных революций буржуазия отваживалась на борьбу с феодальной идеологией, то с развитием классовых противоречий она становится незаинтересованной в продолжении этой борьбы, и происходит сращивание буржуазной идеологии с феодальной. Консерватизм и авторитарность пропитывают надстройки буржуазного общества, а это тормозит развитие буржуазной предприимчивости.

[1]) К. Маркс. «Теории прибавочной ценности», т. II, ч. 1, изд. «Прибой», 1924 г., стр. 138.

Таким образом, остатки и пережитки феодализма оказывали многообразное влияние на развитие капитализма. Ослабляя движущие силы этого развития, они замедляли, ослабляли его темп.

Условия развития капитализма в С. Ш. существенно отличались в этом отношении от европейских. Феодализма, как развернутой и всеобъемлющей системы, в С. Ш. никогда не существовало. Усилия колонизаторских компаний и английского короля насадить искусственно феодализм путем наделения отдельных лиц большими участками земли вызвали распространение в XVII веке в некоторых провинциях крупных владений феодального типа. (В Виргинии, Нью-Йорке и др.), *но не сумели придать им прочный характер и решающую роль в экономике страны.* Лишь в южной части крупные поместья приобрели господство, но на основе рабовладельческой системы.

Обилие свободных земель отклоняло поток иммигрантов в такие области, где можно было легко превратиться в собственников обрабатываемых земель. «Кто окажется таким глупцом, чтобы стать низким арендатором, когда достаточно переправиться через Гудзон, чтобы за пустяки купить хорошее поместье в Джерсее»,—писал один из правителей Нью-Йорка [1]). Под давлением трудности привлечения арендаторов собственники крупных поместий вынуждены были предоставлять свои земли в аренду за ничтожную арендную плату и даже раздавать их частично бесплатно в интересах поощрения спроса на остальные участки. Искусственность насаждения арендных отношений при обилии свободных земель была настолько очевидна, что арендаторы, получив землю, выплачивали арендную плату неохотно и нерегулярно.

Борьба против этих искусственно насаждаемых элементов феодализма была одной из причин революции 1775—81 гг. Результатом этой революции было изгнание ториев (консерваторов, поддерживавших Англию) из страны и конфискация и раздел крупных поместий феодального типа.

В одной лишь провинции Нью-Йорк стоимость конфискованной земли составляла 3.600.000 долларов.

«Подобно тому, как Французская революция 1789 г. и Российская 1917 г. уничтожили крупное землевладение и вызвали радикальные перемены в аграрных отношениях этих двух народов, так и 1775—81 гг. характеризовались переменами в аграрных отношениях 13 колоний столь же реальными, хотя и не столь эффектными (spectacular). Все институты (institutions), которые не соответствовали местным аграрным условиям, осуждены были на уничтожение в процессе всеобщего под'ема. На протяжении полутораста лет европейцы старались насаждать в Америке феодальную систему Старого Света, и в большинстве колоний были основаны крупные поместья... Изгнание ториев не только удалило наиболее консервативный класс из страны, но и сделало возможным раздробление больших земельных владений» [2]).

В ближайшие годы после революции были законодательным путем отменены все феодальные нормы наследования. Таким образом, революция уничтожила слабые элементы феодализма и изгнала их сторонников.

Вместе с тем, революция усилила движение против рабства и к концу XVIII века большая часть штатов запретила ввоз рабов. Рабовладельческие крупные поместья сохранились лишь на юге. Здесь влияние рабства было

[1]) Цитируем по книге K. Coman. «The Industrial History of the United States», New-York, 1923, стр. 37.

[2]) H. Faulkner «American Economic History», New-York, 1924, стр. 162—163. В главе VIII этой книги дана характеристика влияния революции на аграрные отношения.

во многом тождественно с влиянием феодализма. Рабовладельческое хозяйство тормозило технический прогресс и обусловливало хищническую эксплоатацию земли. Так как, кроме того, капиталы инвестировались преимущественно в рабовладельческие плантации, то промышленность и пути сообщения развивались медленно. Все это замедляло темп развития южных штатов и вызывало их отсталость по сравнению с остальной частью Соед. Штатов. Гражданская война 1861—65 гг., уничтожившая рабство, подорвала основу существования крупных плантаций и вызвала рост арендных отношений и развитие отработочной системы в форме издольщины. Таким образом, уничтожение рабства, поскольку оно не сопровождалось национализацией земли и наделением ею негров, вызвало развитие той же системы отношений, которую оставлял в Европе распад феодализма. Поэтому Ленин, критикуя в 1913 г. утверждение Гиммера, что Соед. Штаты не ведали феодализма и чужды его экономическим пережиткам, возражал, что «экономические пережитки *рабства* решительно ничем не отличаются от таковых же пережитков феодализма, а в бывшем рабовладельческом юге Соед. Штатов эти пережитки *очень сильны до сих пор*» [1]).

Однако, развитие издольщины ограничивалось бывшим рабовладельческим югом Соед. Штатов и не оказало существенного влияния на Соед. Штаты в целом. *За исключением этих местных пережитков, фактически не сохранилось элементов феодализма.* Частная собственность на землю, как мы убедимся, до последних трех десятилетий существовала лишь формально. Энгельс мог поэтому писать в письме к Зорге 1890 г.: «Америка—государство чисто-буржуазное и без всякого феодального прошлого и очень горда своим чисто-буржуазным строем» [2]).

Развитие капитализма в подавляющей части С. Ш. не замедлялось, не тормозилось элементами и пережитками феодализма. Капитализм развивался в чистой среде мелкого товарного хозяйства, не стесняемого оковами феодализма. Энгельс оспаривал поэтому в письме к Николаю-ону утверждение Струве, что бедственные последствия новейшего капитализма в России будут побеждены с такой же легкостью, как в С. Ш. «Он совершенно забывает при этом,—возражает Энгельс,—что С. Ш. представляют новое, буржуазное государство с самого своего начала; что они были основаны мелкими буржуа и крестьянами, бежавшими от европейского феодализма с целью установить чисто-буржуазное общество» [3]). Это критическое замечание Энгельса показывает, какое большое значение он придавал этой особенности развития Соед. Штатов.

3. Свободные земли и земельная рента.

Обилие свободных плодородных земель и процесс их освоения оказали многообразное влияние на хозяйственное развитие С. Ш. Процесс освоения свободных территорий происходил почти на всем протяжении истории С. Ш. Этот процесс осуществлялся путем непрерывного продвижения на Запад. «Постоянное продвижение на Запад,—заявляет Г. Фолкнер,—было важнейшим фактором жизни и истории народа [4]). Еще более решительно высказывается проф. Ф. Тэрнер: «Американская история вплоть до наших дней была в огромной степени историей колонизации Великого За-

[1]) Ленин. Собрание сочинений, т. IX, стр. 191.

[2]) К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма, перевод В. Адоратского, изд. «Московский Рабочий», стр. 273.

[3]) Там же, стр. 311.

[4]) H. Faulkner, назв. соч., стр. 117.

пада. Наличие пространств свободной земли, их непрерывное освоение и движение американских поселений на Запад об'ясняют развитие С. Ш.» [1]). И, действительно, оно наложило свой отпечаток на все развитие С. Ш.

Движение на Запад приняло организованный характер после революции 1775—81 гг. В виду притязаний семи штатов на территорию, расположенную к западу до реки Миссисипи, конгресс решил, по настоянию остальных шести штатов, передать право распоряжения этой территорией центральному правительству. Это положило начало планомерному проведению политики заселения Запада и насаждению там частной собственности на землю. О величине территорий, заселявшихся на протяжении дальнейшей истории С. Ш., дают представление следующие цифры: в 1790 г. территория С. Ш. составляла 891.135 кв. миль, при чем подавляющая часть этой территории не была еще заселена; в 1803 г. эта территория увеличилась на 827.987 кв. м.; в 1819 г.—на 72.101 кв. м.; в 1845 г.—на 389.166 кв. м., в 1846 г.—на 286.541 кв. м.; в 1848 г.—на 529.189 кв. м.; в 1853 г.—на 29.670 кв. м. [2]).

Вскоре после революции был установлен порядок продажи земли с аукциона всем желающим по минимальной цене в 1 долл. за акр и небольшую доплату за размежевание участка. В 1796 г. цена для отдельных поселенцев была повышена до 2 долл. за акр, но была допущена рассрочка на 4 года. Хотя цена эта продолжала оставаться доступной даже для рабочих, этот акт вызывал такое недовольство, что в 1821 г. цена была снижена до 1,25 долл. за акр, но право пользования рассрочкой было крайне ограничено.

Тем не менее, движение за бесплатное распределение свободных земель продолжало нарастать. Соответствующие законопроекты не утверждались, однако, в виду сопротивления рабовладельческого юга, заинтересованного в сохранении свободных земель для обеспечения возможности расширения рабовладельческих плантаций. Закон о бесплатном наделении землей, известный под названием «Акта о гомстэдах» («Homestead Akt») был утвержден президентом Линкольном лишь в 1862 г., во время гражданской войны с рабовладельческим югом. Этот закон предоставлял право б е с п л а т н о г о получения участка земли как гражданам С. Ш., так и лицам, заявляющим о желании стать таковыми. Но участок переходил в собственность этих лиц лишь после пяти лет проживания на нем или его обработки. Несмотря на это ограничение, имевшее своей целью передачу участков земли непосредственно земледельцам, лучшие участки все же превращались в об'ект спекуляции. Тем не менее, закон содействовал быстрому заселению Запада. О размерах движения на Запад можно судить по следующим данным:

Движение населения по районам [3]).

Районы:	1810 г.	1830 г.	1860 г.
Центральные северо-восточные.	272.324	1.470.018	6.926.884
Центр. северо-западные . . .	19.783	140.455	2.169.832
Центр. юго-западные	77.618	246.127	1.747.667
Горные	—	—	174.923
Тихоокеанские	—	—	444.053

Эти районы представляют собой свободные территории, лежащие на Запад от территории 13 основных штатов. Таким образом, таблица показывает, что движение на Запад вызывало быстрый рост населения в колонизуемых областях. В последующую эпоху заселение шло еще быстрее.

[1]) Там же, стр. 117.
[2]) См. Isaak Lippincott. «Economic Development of the United States», New-York, 1927, стр. 165.
[3]) I. Lippincott, назв. соч., стр. 160.

В 1860 г. в областях к западу от Миссисипи проживало 4.536.000 человек, что составляло около $^1/_7$ всего населения С. Ш., а в 1910 г. в тех же областях проживало около 27.248.000 чел., что составляло уже почти $1/3$ населения С. Ш.

Таким образом, процесс освоения свободных земель продолжался на протяжении всей истории С. Ш. Б л а г о д а р я э т о м у, у с л о в и я р а з в и т и я с е л ь с к о г о х о з я й с т в а и в с е г о х о з я й с т в а в ц е л о м в С. Ш. к о р е н н ы м о б р а з о м о т л и ч а л и с ь о т е в р о п е й с к и х.

В европейских государствах первая эпоха развития промышленного капитализма характеризовалась развитием системы парцеллярной собственности и арендных отношений. Недостаток земли, относительное перенаселение, ставили мелкого арендатора в такую зависимость от землевладельца, что последний оказывался способным повысить арендную плату до крайнего предела, оставляя часто крестьянину лишь физический минимум. Маркс выясняет это на примере Ирландии: «Фермер здесь—в общем мелкий крестьянин. То, что он уплачивает в виде арендной платы земельному собственнику, зачастую поглощает не только часть его прибыли, т.-е. его собственного прибавочного труда, на который он имеет право, как владелец своих собственных орудий труда, но и часть той нормальной заработной платы, которую он получал бы при других условиях за такое же количество труда» [1]). При таких условиях подавляющая часть продуктов крестьянского труда переходила к паразитическим слоям и растрачивалась ими непроизводительно, а возможность развития сельского хозяйства исключалась.

С другой стороны, при преобладании парцеллярной собственности цена земли росла независимо от нормы процента вследствие спроса массы безземельных крестьян, а цены продуктов сельского хозяйства стояли на низком уровне, вследствие конкуренции массы мелких производителей друг с другом. Все это ухудшало положение крестьянства и вызывало застойность сельского хозяйства.

Далее, развитие капитализма в сельском хозяйстве вызывало появление и быстрый рост абсолютной ренты. На ряду с этим росла и диференциальная рента вследствие перехода к использованию худших участков земли. И абсолютная и диференциальная рента при арендных отношениях переходили в руки паразитических слоев. Таким образом, часть общественной прибавочной стоимости растрачивалась непроизводительно и возможности накопления капитала ограничивались.

В с е э т о о т с у т с т в о в а л о в С. Ш. Ч а с т н а я с о б с т в е н н о с т ь н а з е м л ю н о с и л а з д е с ь в с л е д с т в и е о ч е р ч е н н ы х в ы ш е п р и ч и н ф о р м а л ь н ы й х а р а к т е р. Во-первых, в виду обилия свободных земель формальное существование частной собственности не могло ограничивать прилива капитала в сельское хозяйство. Во-вторых, в виду почти полного отсутствия до последней четверти XIX века аренды (за исключением быв. рабовладельческого юга), землевладелец и предприниматель соединялись в одном лице. Эти условия оказали многообразное влияние как на развитие сельского хозяйства, так и на развитие народного хозяйства С. Ш. в целом.

В о - п е р в ы х. Эти условия прежде всего делали невозможным существование в С. Ш. а б с о л ю т н о й р е н т ы. В «Теориях прибавочной стоимости» Маркс говорит по этому поводу следующее: «...Мы об'ясняем образование абсолютной земельной ренты сопротивлением землевладельцев,

[1]) Маркс, «Капитал», т. III, ч. 2-я, изд. 1923 г., стр. 166.

именно тем, что последние в сельском хозяйстве препятствуют капиталистическому выравниванию ценностей товаров в цены производства. Если мы устраняем это действие землевладения, это препятствие, специфическое препятствие, на которое наталкивается конкуренция капиталов в этой области, то мы, конечно, устраняем предположение, при котором существует земельная рента... Нечто похожее происходит в колониях, даже когда там существует легальное землевладение, поскольку правительство раздает земли безвозмездно, как это вначале имело место в английских колониях, и даже в том случае, когда правительство фактически насаждает землевладение, когда оно продает землю, но чрезвычайно дешево, как, например, в С. Ш., где платят около доллара за акр» [1]).

Абсолютная рента имеет, как известно, своим источником излишек прибавочной стоимости над средней прибылью, производимый в сельском хозяйстве вследствие низкого органического строения капитала. При существовании абсолютной ренты этот излишек переходит в руки паразитического слоя землевладельцев и потребляется непроизводительно. При наличии же возможности свободного прилива капиталов в сельское хозяйство этот излишек должен вовлекаться в процесс образования общей нормы прибыли. Норма прибыли должна поэтому оказаться выше.

«Допустим,—говорит Маркс,—что в стране, как, например, С. Ш., число конкурирующих фермеров еще столь незначительно и присвоение земли в собственность еще столь формально, что каждый находит место для того, чтобы без позволения прежних обрабатывающих землю собственников или арендаторов вложить свой капитал в обработку земли. При таких обстоятельствах в течение довольно продолжительного времени возможно, — за исключением участков, положение которых в густо населенных местностях дает им монополию,—что прибавочная ценность, производимая фермером свыше средней прибыли, не реализуется в цене его продукта, и он вынужден делить ее с братьями-капиталистами... *В этом случае всеобщая норма прибыли повысилась бы, потому что пшеница и т. д. продавалась бы, подобно другим, промышленным товарам, ниже своей ценности*» [2]).

Таким образом, отсутствие абсолютной ренты в С. Ш. повышало среднюю норму прибыли, а низкие цены сельскохозяйственного сырья и других сельскохозяйственных продуктов стимулировали развитие промышленности. Низкий уровень цен продуктов сельского хозяйства усиливался еще тем обстоятельством, что при обилии свободных земель, в первую очередь использовывались лучшие участки земли с низким уровнем издержек производства.

Вместе с тем, вследствие отсутствия до последней четверти XIX века арендных отношений, диференциальная рента выступала не как особая форма дохода землевладельцев, а в виде обычной сверхприбыли, остающейся у предпринимателя. Таким образом, в отличие от Европы, эта сверхприбыль не поступала в руки паразитического класса, а оставалась у фермеров.

Все это содействовало ускорению *темпа накопления*. Более высокий уровень нормы прибыли и дешевизна продуктов сельского хозяйства создавали *возможность* усиления темпа накопления, а ряд других условий, о которых речь будет ниже, превратил эту возможность в необходимость, в *неизбежность* [1])

Во-вторых. В европейских государствах высокий уровень цен на землю и их постоянный рост вызывали значительные затраты капиталов на покупку земли и *отвлекали их тем самым от приложения в сельском хозяйстве.* Кроме того, в европейских государствах развилась система ипотечного кредита, погашение ссуд которого падало в большинстве случаев на доход хозяйства, также вызывая отлив средств от сельского хозяйства. Всего этого в С. Ш. до последней четверти XIX века не было. Возможность получения участка земли бесплатно или за ничтожную плату *делала возможным применение всего капитала непосредственно в сельскохозяйственном производстве.* Вообще в С. Ш., в отличие от Европы, не создался особый паразитический слой землевладельцев, так как там собственник земли и предприниматель соединялись обычно в одном лице. Развивваяся во второй половине XIX века спекуляция землей вызывала сравнительно незначительный рост цен на земли сельскохозяйственного пользования и не играла в С. Ш. такой отрицательной роли, как в Европе.

Быстрый и значительный рост цен на землю происходил лишь в крупных городах и вдоль важнейших железных дорог. Однако, вследствие особенностей развития С. Ш., крупные состояния, образовавшиеся благодаря этому у собственников городских земель, использовывались ими для обширной предпринимательской деятельности и явились одним из источников образования крупных капиталов.

В-третьих. Развитие арендных отношений затрудняло в европейских государствах вложение капиталов в земельные участки. Тот факт, что по истечении срока аренды произведенные в земле улучшения переходили к собственнику земли, препятствовал часто вложениям, ибо арендаторы воздерживались от вложений, если они не могли вернуться целиком до окончания срока аренды. «...Это,—говорит Маркс,—одна из величайших помех рациональному земледелию, потому что фермер избегает всяких улучшений и затрат, раз нельзя ожидать, что они целиком возвратятся до истечения срока его аренды» [2]). С другой стороны, система аренды делает арендатора заинтересованным в максимальной эксплоатации арендованных участков, что ускоряет истощение почвы.

В С. Ш. соединение предпринимателя и землевладелвца в одном лице устраняло это препятствие и делало возможным рациональное земледелие. Это преимущество до второй половины XIX века не могло оказывать существенного влияния, ибо обилие плодородной, свободной земли поощряло экстенсивную систему хозяйства. Но во второй половине XIX века это преимущество оказало благотворное влияние на развитие сельского хозяйства, поощряя его интенсификацию.

Таким образом, формальный характер частной собственности на землю в подавляющей части С. Ш. имел огромное влияние на их развитие,

[1]) К. Маркс. «Теории прибавочной ценности», том II, часть 2, стр 46—47. То же самое Маркс утверждает там же, стр. 95, а также в части 1, стр. 133. Отсутствие абсолютной ренты в С. Ш. отмечал также Каутский. См. его «Аграрный вопрос», изд. «Пролетарий», 1926 г., стр. 208.

[2]) К. Маркс. «Теории прибавочной стоимости», том II, часть 1, изд. «Прибой», стр 133, разрядка наша. То же самое Маркс утверждает в томе III, стр. 325.

[1]) Вот что писал по этому поводу К. Каутский: «Чем же об'яснить этот баснословный рост капитала? Прежде всего, конечно, тем, что в Америке нет такой крупной общественной силы, с которой капитал должен был бы делиться своей прибавочной стоимостью и которая непроизводительно растрачивала бы свою долю. Благодаря наличности огромных пространств свободной земли в С. Ш. не было до последнего времени крупной земельной ренты, не было класса землевладельцев, который подобно европейским феодалам присваивал бы часть прибавочной стоимости и тратил бы ее на свое личное потребление. (Я не считаю владельцев южных плантаций, которые исчезли с наступлением капиталистического режима)». См: К. Каутский. «Американский и русский рабочий», изд. «Знание», 1906 г., стр. 19—20.

[2]) К. Маркс. «Капитал», том III, ч. 2 я, изд. 1923 г., стр 160.

усиливая темп накопления в стране, обеспечивая обширную базу дешевого сельскохозяйственного сырья для промышленности и дешевые продукты для широких масс, поощряя применение капиталов в сельскохозяйственном производстве, содействуя развитию рационального земледелия.

«Мы видим здесь чрезвычайно наглядно,—писал Ленин в своей работе о капитализме и земледелии в С. Ш.,—не раз уже отмечавшуюся нами особенность С. Ш., состоящую в наличности незанятых свободных земель. Эта особенность... об'ясняет чрезвычайно широкое и быстрое развитие капитализма в Америке. Отсутствие частной собственности на землю в известных районах громадной страны не устраняет капитализма,—к сведению наших народников!—а, наоборот, расширяет базу для него, ускоряет его развитие» [1]).

4. Недостаток рабочей силы, заработная плата, технический прогресс.

Прямым результатом очерченного выше движения на Запад, вызывавшего постоянный отлив туда рабочей силы, явился недостаток рабочей силы, изжитый лишь в последней четверти XIX века и оказавший огромное влияние на особенности капиталистического развития С. Ш. Легкость получения земли и превращения в независимого фермера создавала почти постоянный недостаток рабочей силы на рынке труда. «Сегодняшний наемный рабочий,—писал об этом Маркс,—завтра становится независимым, ведущим самостоятельное хозяйство крестьянином или ремесленником. Он исчезает с рабочего рынка, но только не в работный дом. Это постоянное превращение наемных рабочих в независимых производителей, которые работают не на капитал, а на самих себя и обогащают не господина-капиталиста, а самих себя, в свою очередь оказывает чрезвычайно вредное воздействие на состояние рабочего рынка» [2]). Маркс приводит далее сообщение Уэйкфильда об одном англичанине, который, отправляясь в Новую Голландию, взял с собой три тысячи рабочих и слуг, но по приезде туда оказался без единого слуги, так как все они покинули его. «Они скоро перестают быть наемными рабочими,—писал с возмущением Уэйкфильд в 1833 году,—они скоро превращаются в независимых крестьян, или даже в конкурентов своих прежних хозяев на самом рынке наемного труда» [3]).

Между тем, нужда в рабочей силе в колониальный период обострялась необходимостью очистки земли от леса, прокладки дорог, постройки домов, мостов и т. п. С развитием же сельского хозяйства и промышленности нужда в рабочей силе продолжала нарастать. С этой нехваткой рабочей силы предприниматели пытались бороться в колониальный период прежде всего путем найма рабочих в Европе по контракту и путем ввоза рабов. Нанятые по контракту (indentured) рабочие обязывались проработать у предпринимателя несколько лет, он же брал на себя стоимость их перевозки в Америку. Хотя эти меры частично удовлетворяли нужду в рабочей силе, они оказались все же совершенно не достаточными, так как рабочие по контракту по окончании срока своего обязательства стремились превратиться в самостоятельных производителей, а труд рабов, вследствие его низкой производительности, оказывался далеко не всегда выгодным. Лишь на юге, где преобладали табачные и хлопковые плантации, труд рабов нашел широкое распространение.

Поэтому колониальные власти и предпринимательские слои пытались бороться с недостатком рабочей силы и другим путем—путем введения

[1]) Ленин. Собрание сочинений, том IX, стр. 247.
[2]) К. Маркс. «Капитал», том. I, изд. 1920 г., стр. 794.
[3]) Там же, стр. 794—795.

платы на землю и искусственного ограничения этим способом доступа к ней неимущим слоям. «Теория колонизации» Уэйкфильда, разоблаченная Марксом в последней главе первого тома «Капитала», представляла собою выражение и обоснование этих стремлений предпринимательских слоев. «По этому плану,—торжествующе восклицает Уэйкфильд,—предложение труда будет постоянным и регулярным потому, во-первых, что все переселяющиеся рабочие,—так как ни один из них не в состоянии купить себе земли, пока он не проработает известное время за деньги,—сообща работали бы по найму и таким образом производили бы своему хозяину капитал для применения еще большего количества труда» [1]).

Тот факт, что до 1862 г. существовал очерченный выше порядок продажи свободных земель по определенным ценам, частично отражал это стремление затруднить неимущим слоям переход к независимому труду и обеспечить тем самым предложение их рабочей силы на рынке труда. Однако, наличие огромных пространств свободной земли исключало возможность установления высоких цен. Цена же в 1,25—2 доллара за акр не могла быть существенным препятствием для перехода к независимому труду, хотя, несомненно, вынуждала неимущих лиц работать некоторое время в качестве наемных рабочих, чтобы скопить необходимые средства. Нижеследующий любопытный отрывок из официального отчета 1832 г. дает интересную характеристику сравнительной легкости превращения рабочего в фермера даже после закона 1831 г., почти отменившего рассрочку платежей.

«Земля продается теперь участками в 80 акров по 1,25 долл. за акр. Хороший участок в 80 акров может быть куплен за 100 долл. В каждом из штатов на запад от реки Огайо рабочий может заработать в день 75 центов и если предположить, что жизнь ему стоит 25 центов в день,—а это в нашей обильной стране является вполне достаточной цифрой,—то он может, проработав 200 дней или около 8 месяцев, заработать на покупку фермы. Так, как число рабочих дней в году, учитывая плохую погоду, не составляет больше 200, то можно уверенно утверждать, что рабочий может купить участок в 80 акров, проработав 1 год... Заработок ремесленников много выше; те, кто работает в наиболее употребительных профессиях, как плотники, кузнецы, сапожники,—крайне нужны. Лицо, принадлежащее к этой группе, может заработать средства, необходимые для покупки 80 акров, в 6 месяцев» [2])

Все это превращало недостаток рабочей силы на рынке труда С. Ш. в хроническое явление (за исключением, конечно, периодов кризисов), изжитое лишь в последней четверти XIX века. Условия развития капитализма в С. Ш. и в этом отношении резко отличались от европейских.

В Европе капитализм развивался в условиях постоянного наличия резервной армии труда. Это обстоятельство держало заработную плату на сравнительно низком уровне и облегчало производство абсолютной прибавочной стоимости. Низкий уровень заработной платы и возможность усиленного производства абсолютной прибавочной стоимости тормозили технический прогресс.

Наоборот, в С. Ш. недостаток рабочей силы вызывал рост заработной платы. Маркс отметил в первом томе «Капитала», что об'ем привычных потребностей, определяющий стоимость рабочей силы, зависит «и от того, при каких условиях, а следовательно, с какими привычками и жизненными притязаниями сформировался класс свободных рабочих» [3]). В С. Ш. рабочий класс сформировался в условиях, обеспечи-

[1]) К. Маркс. «Капитал», том I, изд. 1920 г., стр. 997.
[2]) Цитируем по книге W. Jennings. «A History of Economic Progress in the United States», New-York, 1926, стр. 234.
[3]) К. Маркс. «Капитал», том I, гл. 4, раздел 3.

вавших сравнительно высокий уровень заработной платы и стоимости рабочей силы. «В колониальных странах закон спроса и предложения благоприятен для рабочих. Этим об'ясняется относительно высокая нормальная заработная плата в С. Ш.» [1]). Действительно, еще в конце колониального периода, в третьей четверти XVIII века, средняя заработная плата сельских рабочих составляла 40 центов в день, плотников—около 50 центов, судостроительных рабочих—90 центов, кузнецов—70 центов [2]). Принимая во внимание дешевизну жизни в С. Ш. в тот период, нельзя не признать этот уровень заработной платы сравнительно высоким.

В XVII веке делались попытки бороться с ростом заработной платы путем ее официального нормирования по примеру Англии. Однако, попытки эти не увенчались успехом и были скоро оставлены.

В начале XIX века заработная плата квалифицированных рабочих колебалась в городах от 1—2 долларов в день. Несмотря на продолжительный рабочий день и подчас антисанитарные условия труда, положение американских рабочих настолько отличалось от европейских, что некоторые европейцы восторженно описывали положение рабочих в С. Ш. [3]). На протяжении же XIX века заработная плата возрастала весьма значительно [4]).

Недостаток рабочей силы и высокий уровень заработной платы явились важнейшими движущими силами процесса м е х а н и з а ц и и и а в т о м а т и з а ц и и производства в С. Ш. Исключительная быстрота и размах этого процесса, являющиеся важнейшей особенностью экономического развития С. Ш. и важнейшим источником превосходства его темпа, обусловлены главным образом этими факторами. Недостаток рабочей силы делал предпринимателей крайне заинтересованными в изобретении и применении машин, заменяющих рабочую силу. В этом же направлении действовал и высокий уровень заработной платы. Капиталисты бывают заинтересованы в применении лишь таких машин, стоимость которых меньше суммы заработной платы заменяемых ими рабочих. Так как в С. Ш. заработная плата была сравнительно высока, то, с одной стороны, задача введения таких машин существенно упрощалась, и, с другой стороны, влияние их на понижение издержек производства оказалось гораздо значительнее.

Вот что пишет по этому поводу американский экономист А. Лау: «Применение машин выгодно лишь там, где преобладает высокий уровень заработной платы. Отмечалось, что «при сооружении железных дорог и каналов в Индии применение машин невыгодно и излишне вследствие низкого уровня той заработной платы, за которую рабочий может быть нанят для рытья земли и сооружения насыпей». Наоборот, в Америке сооружение железных дорог, рытье каналов и другие подобные работы могут быть с большей выгодой выполняемы при помощи паровых лопат, землекопных и т. п. машин, чем при помощи армий рабочих. Отношение, существующее между применением машин и стоимостью рабочей силы, сжато выражено одним выдающимся французским автором: «Предприниматель,—говорит он,—рассматривая вопрос о покупке машины, стоящей 2.000 ф. ст., заменяющей 4 рабочих и окупающейся в 10 лет, не станет колебаться по поводу этой покупки в стране, где зарплата составляет 100 ф. ст. в год. Машина даст экономию в 200 ф. ст. в год. Однако, в стране, где заработная плата составляет 40 ф. ст., предприниматель не может применить этой машины, потому

[1]) К. Маркс. «Заработная плата, цена и прибыль».

[2]) E. Cowdrick, назв. соч., стр. 43.

[3]) См., например, выдержку из описания H. Martineau в назв. соч. W. Jennings'a, стр. 303.

[4]) Подробные данные о зарплате и ценах по районам в первой половине XIX века, см. у W. Jennings'a, назв. соч., стр. 302—304. Данные о движении зарплаты и цен во 2-й половине XIX века, см у H. Faulkner'a, назв. соч., стр. 605, или у К. Conan, назв соч., стр. 306.

что она вызовет ежегодный убыток в 40 ф. ст.». Этим можно об'яснить в немногих словах, почему американский предприниматель так быстро отказывается от устаревшей машины и всегда стремится заменить ее другой, могущей выполнять работу дешевле и лучше. Машиной, стоившей 1.000 ф. ст. и с'экономившей в 5 лет 1.200 ф. ст. зарплаты, предприниматель может пожертвовать в конце этого периода без того, чтобы ощущать это, как потерю денег. Он не теряет денег. Он добывал их при помощи этой машины, и если он может получить лучшую, которая окупится в ближайшие пять лет и с'экономит 1.500 ф. ст. в издержках производства, то он ощутит затрату на нее, как выгодную» [1]).

Далее. Рост заработной платы лишал капиталистов части тех благоприятных возможностей реализации прибавочной стоимости, которые вытекали из факта отсутствия абсолютной ренты. С другой стороны, очерченные выше условия лишали их возможности наступления по линии производства абсолютной прибавочной стоимости. Все это вынуждало их к усиленному применению методов производства о т н о с и т е л ь н о й прибавочной стоимости, т.-е. к п о в ы ш е н и ю п р о и з в о д и т е л ь н о с т и и и н т е н с и в н о с т и т р у д а, путем механизации и автоматизации производства, ускорения движения машин, рационализации процесса труда и т. п. С о в о к у п н о с т ь э т и х у с л о в и й о б у с л о в и л а и ф о р с и р о в а л а т е х н и ч е с к и й п р о г р е с с а м е р и к а н с к о г о х о з я й с т в а.

Первые стадии этого прогресса облегчались тем обстоятельством, что С. Ш. начинали его со ступеней, достигнутых уже Англией. Несмотря на стремление Англии сохранить конструкцию новых машин в секрете и на издание английским правительством с этой целью в период 1765—1789 гг. целой серии законов, запрещавших эмиграцию квалифицированных рабочих и вывоз машин и их частей,—эти изобретения были быстро перенесены эмигрантами в С. Ш. и нашли там широкое применение. Так, например, первая прядильная фабрика системы Аркрайта была сооружена в С. Ш. в 1789 г. английским эмигрантом, служившим у Аркрайта в Англии и эмигрировавшим в С. Ш. с целью использования там широких возможностей промышленного предпринимательства.

Вообще, эмиграция из Западной Европы в С. Ш. оказала огромное влияние на ускорение их технического прогресса. До 80-х годов XIX века эмиграция в С. Ш. происходила почти целиком из Англии, Ирландии, Германии и Скандинавских стран, и среди эмигрантов были поэтому значительные массы квалифицированных рабочих. Лишь в 80-х годах усиливается, а в 90-х начинает преобладать эмиграция из Италии, Австро-Венгрии и России [2]). Иммигранты из стран развитого промышленного капитализма п е р е н о с и л и в С. Ш. т е х н и ч е с к и е д о с т и ж е н и я с в о и х с т р а н и содействовали их применению и распространению. С другой стороны, иммиграция поставляла развивающейся промышленности г о т о в ы е к а д р ы к в а л и ф и ц и р о в а н н ы х р а б о ч и х. В то время, как в других государствах создание кадров квалифицированной рабочей силы представляло собой длительный процесс, С. Ш. получали значительные кадры квалифицированных рабочих из промышленных стран Западной Европы. Так как среди иммигрантов преобладало взрослое трудоспособное население, вовлекавшееся сразу в процесс общественного труда, то американское хозяйство не несло расходов по воспитанию и обучению значительных кадров своей рабочей силы. П р о ц е н т с а м о д е я т е л ь н о г о н а с е л е н и я о к а-

[1]) A. Low. «Protection in the United States», London, 1904, стр. 68—70.

[2]) См. об этом: P. Leroy-Beaulieu. «The United States in the Twentieth Century», 1906, стр. 16—18.

зывался сравнительно высоким, а это содействовало ускорению темпа накопления.

То обстоятельство, что С. Ш. начинали свой технический прогресс со ступеней, достигнутых государствами Западной Европы, значительно повышало эффективность капитальных затрат и исходный уровень производительности труда.

Однако, подлинный источник под'ема С. Ш. все же не в этих заимствованиях, а в интенсивности и размахе их собственного технического прогресса.

Крайняя заинтересованность американских предпринимателей в механизации и автоматизации производства содействовала широкому развитию в С. Ш. изобретательства. Американские предприниматели не только тратили огромные средства на содействие изобретательской деятельности специальных научноисследовательских учреждений, инженеров, но и всячески поощряли развитие изобретательства среди рабочих масс, благодаря этому кадры изобретателей оказались весьма обширными. Быстрота развития изобретательства и его размах характеризуются следующими данными о росте количества патентов [1]):

Периоды.	Количество.
1790—1800 гг.	276
1844— 50 „	6.480
1850— 60 „	25.200
1860— 70 „	71.800
1890—1900 „	221.500

Благодаря такой быстроте технического прогресса машины снашивались «морально» в С. Ш. гораздо быстрее, чем в Европе. Вследствие этого американские предприниматели, в отличие от европейских, предпочитали дешевые машины, не отличавшиеся часто особой прочностью, но выгодные своей дешевизной и способностью к быстрой амортизации. Это понижало иногда качество продукции, но зато делало возможным быстрый переход к новым типам машин и соответственное понижение себестоимости.

В отличие от европейских государств, процесс механизации производства захватил в С. Ш. не только промышленность, но и сельское хозяйство. Недостаток и дороговизна рабочей силы вызывали изобретение и применение в сельском хозяйстве многообразных машин, заменяющих рабочую силу и повышающих производительность труда. До 1880 г. было выдано свыше 10.000 патентов на орудия и машины, предназначенные для сельского хозяйства. Наиболее важными из них в американских условиях оказались молотильные, жатвенные и сноповязальные машины. «При помощи этих усовершенствованных сельскохозяйственных машин,—говорит Е. Богарт,—среднее количество зерна, которое может быть снято, обмолочено и приготовлено для рынка... одним человеком в день, увеличилось приблизительно с 4-х бушелей в 1830 г. до 50 бушелей в 1880 г. В результате производство пшеницы в С. Ш. возросло на голову населения с 5,6 бушелей в 1860 г. до 9,2 бушелей 1880 г. В то же время стоимость пшеничного хлеба для потребителя была значительно понижена» [2]).

Широкое применение машин в сельском хозяйстве и интенсивное развитие изобретательства привели к качественному превосходству многих типов американских машин над европейскими. Так, например, на международной выставке в Париже в 1855 г. американская жатвенная машина

[1]) Данные взяты у Faulkner'а, назв. соч., стр. 554.

[2]) E. Bogart. «The Economic History of the United States», New-York, 1916, стр. 310—311.

сжала акр овса в 21 мин., в 3 раза скорей европейских; американская молотилка обмолотила в час 740 литров, в то время, как ее конкурент—английская молотилка—лишь 410 [1]).

Основные особенности технического прогресса в С. Ш.—его исключительный темп и размах, широкое развитие изобретательства, всесторонняя механизация процессов погрузки, перегрузки, передвижения грузов, внедрение машин в сельское хозяйство, тенденция к всестороннему использованию естественных богатств и энергетических ресурсов,—все это является следствием очерченных выше условий, а также условий рынка, к выяснению которых мы сейчас перейдем. «Большая электрификация» т.-е. строительство грандиозных районных электрических станций, сыгравшая такую колоссальную роль в хозяйственном под'еме С. Ш., явилась естественным результатом этой общей тенденции американского хозяйства к механизации производства, к использованию сил природы. «Американская изобретательность, американская способность к сберегающим труд процессам и машинам,—писал Генри Джордж,—суть результаты сравнительно высокой заработной платы, которая преобладала в С. Ш. Если бы наши производители были обречены на жалкое вознаграждение египетского феллаха или китайского кули, мы бы черпали воду руками и переносили товары на плечах» [2]).

Решающее значение недостатка и сравнительной дороговизны рабочей силы на развитие процесса механизации в С. Ш. было констатировано в середине прошлого века Марксом. В 1846 г. в одном из писем Маркс отмечал, что «в Северной Америке машина была введена как благодаря конкуренции с другими народами, так и благодаря недостатку рабочих рук, т.-е. благодаря несоответствию между промышленными потребностями Сев. Америки и ее населением» [3]). В «Теориях прибавочной стоимости», отметив, что машины «нигде не применялись в таком большом количестве, как в Америке, где они, так сказать, служат для домашнего употребления», Маркс заявляет: «Именно Америка, которая применяет гораздо больше машин, нежели Англия, где постоянно господствует перенаселение, показывает, как мало применение машин зависит от цены продуктов питания, но оно может зависеть от относительного недостатка рабочих, как в Америке, где относительно небольшое население, занимает огромные территории. Так мы читаем в «Nation» (9 сент. 1862 г.) в статье о выставке: «Человек есть животное, производящее машины... Если мы рассматриваем американца, как представителя человека, то получаем великолепное определение. Один из главных пунктов в системе американца состоит в том, что никогда не делать руками того, что можно произвести машиной. От движения люльки до производства гроба, для доения коровы, для порубки леса, для пришивания пуговицы, для голосования за президента—у него имеется машина почти для всякой вещи. Он изобрел машину, чтобы не нужно было разжевывать пищу. Чрезвычайный недостаток рабочих сил и вытекающая отсюда высокая ценность их (несмотря на низкую ценность продуктов питания! *Маркс*), а также врожденный интерес поощряли этот дух изобретения. Произведенные в Америке машины вообще по ценности стоят ниже произведенных в Англии... Они обычно скорее представляют вспомогательные средства, сберегающие труд, чем изобретение, делающее возможным доселе невозможное (а пароходы! *М.*)... В американском дворе не много можно найти, кроме машин» [4]).

[1]) H. Faulkner, назв. соч., стр. 236.

[2]) Генри Джордж. «Прогресс и бедность», книга девятая, глава II, стр. 522, издания под ред. А. К. Шеллера.

[3]) К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма. Перев. В. Адоратского, изд. «Московский Рабочий», 1922 г., стр. 10.

[4]) К. Маркс. «Теории прибавочной ценности», том II, часть 2, изд. «Прибой», стр. 229—230.

5. Емкость рынка, протекционизм, массовое производство.

Такой исключительный темп технического прогресса сопровождался, естественно, быстрым ростом производительности труда и об'ема производства. Совершенно очевидно, что он был возможен поэтому лишь при условии соответствующего роста емкости рынка. Проблема рынка, проблема реализации товаров, является одной из центральных проблем капиталистической системы производства. Противоречие между производством и потреблением и анархия производства затрудняют в капитализме реализацию товаров, замедляя тем самым темп роста капиталистического хозяйства.

В С. Ш., однако, в силу ряда своеобразных условий, частью уже очерченных выше, эти противоречия и трудности проявлялись в ослабленной форме. Эти условия обеспечивали возможность быстрого и значительного расширения как подразделения средств производства, так и подразделения средств потребления.

Потребление, являющееся основным элементом пропорциональности, возрастало в С. Ш. быстрее и значительнее, чем в других капиталистических странах в силу сравнительно высокого уровня зарплаты и значительного об'ема покупательской способности фермеров.

«В Америке развитие индустрии встречало все более разрастающийся рынок. Это опять-таки об'ясняется главным образом наличностью множества свободных земель, равно как незначительностью налогов, лежащих на американских земледельцах. Стоило только эти девственные земли сделать доступными для обработки, как благодаря естественному приросту и иммиграции население стало быстро возрастать, расширяя таким образом внутренний рынок для промышленности» [1].

Значительная емкость потребительского рынка и ее быстрый рост создавали основу для соответствующего роста емкости рынка в целом. Она создавала возможность очерченного выше размаха технического прогресса, ибо вызываемый им в конечном счете рост производства предметов потребления в общем соответствовал растущей емкости рынка. С другой стороны, процессы механизации и электрификации производства создавали в свою очередь разраставшийся рынок для средств производства, оказывая огромное влияние на расширение емкости рынка в целом.

Крупнейшую роль в рассширении емкости внутреннего рынка сыграло сооружение железных дорог и каналов. О размахе и темпе этого строительства можно судить по следующим цифрам: в 1830 г. длина железнодорожных путей составляла 32 мили, в 1840 г.—2.818 м., в 1860 г.—30.626 миль, в 1900 г.—198.964 м. В 1914 г. длина железнодорожных путей в Соединенных Штатах превзошла длину их во всей Европе. Такой размах строительства обусловливался очерченными выше факторами. Это грандиозное строительство расширяло рынок, не только потому, что оно связывало воедино экономические районы, усиливало товарооборот между ними, развивало товарное хозяйство, но и потому, что это строительство создавало разраставшийся рынок для тяжелой индустрии. «...Железные дороги, нуждающиеся в огромном количестве различных продуктов, явились важным потребителем для промышленности» [2]. Кроме того, как правильно отмечает И. Липпинкотт, «расширяя рынок, они прокладывали пути для развития интенсивной конкуренции, которая в свою очередь становилась мощным стимулом для введения новых методов и для улучшения организационных форм хозяйства. Железные дороги облегчали также размещение производства в наиболее благоприятных местах» [1].

[1] К. Каутский. «Американский и русский рабочий», изд. «Знание», 1906 г., стр. 21.
[2] Там же, стр. 23.

Существенное значение для расширения емкости внутреннего рынка имело также то обстоятельство, что огромная территория С. Ш. с ее быстро растущим населением не имела никаких внутренних перегородок и препятствий для развития товарооборота. «Континентальные С. Ш.,— утверждает Э. Каудрик,—представляют собой самую большую сплошную территорию в цивилизованном мире, где торговля свободна и неограничена. Этот внутренний рынок, имеющийся у производителей, не только велик географически, но и богат по своей покупательной способности» [2]. Немецкий профессор Ю. Гирш в своих впечатлениях о посещении С. Ш. даже восторженно восклицает: «Никаких таможен на расстоянии нескольких часов пути, никаких паспортных, никаких политических затруднений, имеющихся в «балканизированной» Европе!» [3]. Действительно, если сравнить условия развития Западной Европы на протяжении ее истории в этом отношении с С. Ш., то становится очевидным огромное значение экономического и политического единства этой громадной страны для ее экономического под'ема.

Не имея внутри никаких перегородок, С. Ш. были в то же время окружены высокой стеной таможенных пошлин, ограждавших их внутренний рынок от конкуренции других стран. Господство протекционизма во внешнеторговой политике С. Ш. на протяжении значительных периодов их истории представляет собой одну из особенностей их экономического развития. Длительное господство протекционизма не могло привести в С. Ш. к техническому застою в силу очерченных выше условий, ускорявших технический прогресс. Поэтому протекционизм в С. Ш. мог сыграть положительную роль, расширяя внутренний рынок для продуктов американской промышленности. Эта роль протекционизма даже переоценивается американскими экономистами. Вот как, например, кончает свое исследование о протекционизме в С. Ш. А. Лау: «Каждый раз, когда С. Ш. отходили от их традиционной политики протекционизма, это вызывало бедствия; каждый раз, когда С. Ш. отрекались от свободы торговли и возвращались к протекционизму,—снова зажигались горны, молчавшие ткацкие станки начинали сотрясаться с обновленной энергией, в безжизненные токарные станки вселялась новая жизнь, фермер процветал не меньше промышленного рабочего, работы было много и заработная плата высока. Все это является существенными мотивами, чтоб убедить сторонников протекционизма, что он представляет собою целесообразную политику для американского народа» [4]. Лау явно преувеличивает здесь роль протекционизма, приписывая ему, самому по себе, такое влияние. Совершенно очевидно, что его длительное существование в С. Ш. оказало положительное влияние лишь благодаря специфическим социально-экономическим условиям, господствовавшим в них.

Затрудняя при помощи протекционизма проникновение иностранных товаров на свой внутренний рынок, С. Ш. вместе с тем широко использовали внешнюю торговлю для вывоза продуктов сельского хозяйства. Благодаря отсутствию абсолютной ренты и в силу высокой производительности сельскохозяйственного труда цены сельскохозяйственных продуктов были в С. Ш. ниже европейских. Вследствие этого, экспорт продуктов сельского хозяйства из С. Ш. легко преодолевал препят-

[1] I. Lippincott, назв. соч., стр 470.
[2] E. Cowdrick, назв. соч., стр. 240.
[3] Ю. Гирш. «Успехи организации американского хозяйства», изд. «Время», 1926 г., стр. 14.
[4] A. Low, назв. соч., стр. 163.

ствия на европейских рынках. Таким образом, сельское хозяйство имело не только обширный внутренний рынок, но и значительный внешний.

Благотворное влияние на емкость внутреннего рынка оказывал также относительно низкий уровень налогового бремени. Так как, с одной стороны, С. Ш. получали значительный доход от таможенных пошлин и продажи свободных земель и, с другой стороны, до последней четверти XIX века военные расходы были в них незначительны, то американские граждане не несли тех тяжелых налогов, которые обременяли европейцев. «...С. Ш. находились в том более выгодном положении, что оставались все время в стороне от европейской политики, что гарантировало их от внешних нападений и избавило от необходимости разоряться на военные расходы. Их флот, как и сухопутная армия, были крайне ничтожны... Поэтому не удивительно, что в С. Ш., свободных от этого страшного налогового бремени (земельной ренты и военных расходов. *В. М.)* капитал накопляется гораздо быстрее, чем в Европе» [1]).

Наконец, в определенные периоды на расширение емкости внутреннего рынка оказывала также влияние развившаяся в С. Ш. специфическая система поощрения спроса и в особенности продажи товаров в рассрочку. Ее широкое развитие было возможно благодаря сравнительно высокому уровню заработной платы рабочих и доходов фермеров и сравнительной надежности их заработка.

Все эти условия и обеспечивали ту обширную емкость внутреннего рынка, которая поглощала быстро растущую продукцию народного хозяйства. Эта емкость внутреннего рынка создавала необходимость и возможность массового производства. Поэтому в С. Ш. рано возникла и нашла широкое применение идея стандартизация промышленной продукции и специализации производства. На развитие стандартизации в машиностроительной промышленности оказал также влияние недостаток рабочей силы. «Недостаток рабочей силы в Америке,—говорит Г. Фолкнер,—содействовал также развитию здесь раньше, чем в какой-либо другой стране, стандартизации машин и их частей, позволяющей быстро производить сложные механизмы в больших количествах путем производства каждой части отдельно и последующей их сборки. Это делает возможным замену частей и понижает расходы при применении машины» [2]).

Так как стандартизация производства и его специализация существенно понижали издержки производства и делали возможным понижение цен, то они в свою очередь расширяли внутренний рынок. С другой стороны, повышая прибыль предпринимателей, они ускоряли накопление капиталов.

6. Роль надстроек.

В предыдущих разделах статьи мы пытались выяснить социально-экономические факторы, обусловившие превосходство американского темпа над европейским. На основе этих условий в С. Ш. выросла соответствующая система надстроек. Развиваясь на основе экономического базиса, надстройки приобретают, как известно, относительную самостоятельность, самостоятельное движение, оказывающее обратное воздействие на экономическую основу. «Политическое, правовое, философское, религиозное, литературное, художественное и т. д. развитие,—писал Энгельс в 1894 г. в одном из своих писем,—основано на экономическом, но все они оказывают влияние друг на друга и на экономическую основу. Дело обстоит совсем не так, что только экономическое положение является единственной активной причиной, а остальное является лишь пассивными фактами, нет, тут взаимодействие на основе экономической необходимости, которая в конце-концов проявится» [1]). В другом письме в 1890 году на примере влияния государственной власти на экономическое развитие Энгельс выясняет соотношение базиса и надстройки подробнее: «Обратное действие государственной власти на экономическое развитие может быть троякого рода. Она может действовать в том же направлении, тогда дело идет быстрее»... [2]). Таким образом, в тех случаях, когда надстройки действуют в одном направлении с базисом, их воздействие должно ускорять процесс экономического развития.

Процесс формирования надстроек в С. Ш., происходивший на основе очерченных выше социально-экономических условий, создал в С. Ш. своеобразную систему надстроек, игравшую огромную роль в ускорении темпа экономического развития, ибо они действовали в одном направлении с базисом.

Прежде всего огромную роль сыграло то обстоятельство, что в С. Ш. иммигрировали элементы, являвшиеся пионерами буржуазного способа производства и носителями буржуазной идеологии. «...С. Ш. представляют новое, буржуазное государство с самого своего начала; ...они были основаны мелкими буржуа и крестьянами, бежавшими от европейского феодализма с целью установить чисто-буржуазное общество» [3]). Это обстоятельство обеспечило пышный расцвет в С. Ш. буржуазной идеологии в ее сравнительно чистом виде.

Политический строй С. Ш. и их государственные учреждения носили поэтому ярко выраженный буржуазный характер. В отличие от европейских государственных учреждений, политика и деятельность которых отражали часто интересы и идеологию феодально-дворянских слоев населения и тем самым тормозили развитие производительных сил, государственная власть С. Ш. проводила ярко выраженную буржуазную политику, ускоряя тем самым развитие капиталистической системы хозяйства.

С другой стороны, бурный процесс колонизации страны и освоения ее богатств содействовал развитию среди населения предприимчивости, инициативы, подвижности, а необходимость механизации, электрификации и стандартизации производства — склонность к улучшению техники и организационных форм и к изобретательству. Эти качества американского населения, сыгравшие столь важную роль в ускорении темпа экономического под'ема С. Ш., являются результатом той экономической основы, на которой они развивались.

«Характер американцев,—говорит И. Липпинкотт,—создавал благоприятную атмосферу для роста производства вследствие той легкости, с какой они приспособляются к новым условиям. Одно ее проявление—в готовности к новым идеям, другое—в легкости, с какой они поддаются влиянию новых потребностей. Население этой страны проявляло наибольшую готовность отказаться от старых средств производства, если открыты лучшие методы; таким образом, традиции прошлого играли очень малую роль» [4]). Следует отметить, что эта «готовность» к новым идеям в действительности носила весьма односторонний характер. Она проявлялась лишь в области организационно- и технико-производственной. В области социально-политической достижение С. Ш. максимального развития буржуазных форм и гос-

[1]) К. Каутский. «Американский и русский рабочий», стр 20—21.
[2]) H. Faulkner, назв. соч., стр. 553.

[1]) К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма. Перевод В. Адоратского, ст. 315.
[2]) Там же. Стр. 283.
[3]) Там же, стр. 311.
[4]) I. Lippincott, назв. соч., стр. 471.

подства буржуазной идеологии делало подавляющую часть американцев весьма мало готовыми к новым идеям.

Буржуазные авторы, восторгающиеся личными качествами американцев, не всегда понимают зависимость этих качеств от об'ективных социально-экономических условий. Вот что утверждал, например, Г. Робертс на собрании американской экономической ассоциации: «Развитие С. Ш. является новым доказательством того, что главнейшими факторами индустриального развития страны являются интеллектуальный и моральный характер народа... Высшая производительная способность находится в руках самых энергичных, самых предприимчивых, умственно-подвижных, тех, кто вместо того, чтоб быть связанными рутиной и стариной, постоянно исследуют и обладают духом инициативы» [1]).

Совершенно очевидно, что здесь факторы производные приняты за основные. Эти качества американцев, несомненно, сыграли свою роль, но именно потому, что они возникли на соответствующем экономическом базисе и *действовали в одном направлении с ним, ускоряя тем самым его развитие*. Поэтому прав, например, Г. Фолкнер, заявляющий, что недостаток рабочей силы является, «быть может, частичным об'яснением американской философии прославления труда и пуританской ненависти к лености, проявившейся во многих колониальных законах» [2]). Именно в социально-экономических условиях надо искать источники особенностей американского характера и американской идеологии.

В частности, эти условия нашли свое отражение в американской *системе образования и воспитания*, оказавшей огромное влияние на хозяйственное развитие С. Ш. Основные особенности этой системы—раннее и широкое развитие в С. Ш. сети просветительных учреждений; широкое развитие специального и, в частности, сельскохозяйственного образования; тесная связь системы образования с нуждами производства; курс на развитие в детях предприимчивости, воли, подвижности, — все это обусловлено очерченной в статье социально-экономической средой: курс на всестороннюю механизацию и электрификацию производства требовал культурного, технически-грамотного рабочего. С другой стороны, социально-политический строй, выросший на очерченной нами социально-экономической основе, требовал приобщения широких масс к буржуазной культуре и подчинения их буржуазной идеологии. Это делало капиталистов и государственные учреждения щедрыми в расходах на народное просвещение.

Все эти условия об'ясняют, почему в С. Ш. буржуазная идеология оказывала такое влияние на народные массы и приобрела относительную устойчивость. Это влияние буржуазной идеологии на известные слои рабочих масс Энгельс в письме к Зорге в 1890 г. характеризовал следующим образом: «...Они еще очень консервативны, и только жизненный опыт сумеет избавить их от старых традиционных предрассудков; консервативны же они так потому, что Америка—государство чисто-буржуазное и без всякого феодального прошлого и очень горда своим чисто-буржуазным строем» [3]). Буржуазное влияние на пролетариат, усиливавшее в нем консервативные элементы, явилось в свою очередь одним из факторов усиления американского капи-

---

[1]) Цитируем по брошюре И. Озерова—«Америка идет на Европу». 1903 год, стр 66. В этой брошюре И. Озеров выражал бурные восторги качествами американцев, не сумев, однако, понять и об'яснить социально-экономических корней этих качеств. Ту же поверхностность он проявил в переработанном издании этой брошюры, вышедшей в 1908 г. под многообещающим заглавием. «Чему учит нас Америка?».

[2]) H. Faulkner, назв. соч., стр. 72.

[3]) К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма. Перевод В. Адоратского, стр. 273.

тализма, ибо понижало боеспособность пролетариата и облегчало капиталистам производство относительной прибавочной стоимости.

* * *

Итак, мы пришли к выводу, что источники превосходства С. Ш.—в тех своеобразных социально-экономических условиях, в той специфической «общественной среде», в которой происходило развитие капитализма в С. Ш. Лишь в силу этих социально-экономических условий естественные богатства С. Ш., ее географическая среда, могли проявиться и оказать свое влияние на хозяйственное развитие С. Ш.

Длительное господство этих условий в С. Ш. и грандиозное развитие на их основе производительных сил и соответствующих надстроек породило *огромную резервную мощь американского капитализма*. Его резервные силы настолько значительны, что на протяжении последних трех десятилетий им принадлежала решающая роль в ослаблении нараставших противоречий, препятствий и диспропорций.

Последние три десятилетия были периодом постепенного *отмирания* социально-экономических условий, вызывавших превосходство С. Ш. *Характеристика процесса этого отмирания выходит за пределы настоящей статьи*. Очевидно, однако, следующее. Постепенное отмирание источников превосходства С. Ш. должно приводить к постепенному *ослаблению превосходства темпа развития* С. Ш. Хотя резервные силы американского капитализма задерживают развитие этого процесса, тем не менее замедление темпа развития С. Ш., начиная с 90-х годов, доказывает, что монополистическая стадия капитализма порождает и в С. Ш. тенденцию к застою.

Если, таким образом, даже в С. Ш. обострение противоречий вызывает замедление темпа развития, то в Европе эта тенденция должна, естественно, проявляться еще непреодолимее. Стремление европейских капиталистов найти выход из хозяйственных тупиков путем подражания американским принципам хозяйственного строительства в условиях Западной Европы вряд ли может привести к каким-либо результатам. Американские принципы хозяйственного строительства развились в С. Ш. благодаря определенным социально-экономическим условиям, и лишь в этих условиях применение их было экономически целесообразным и эффективным. Применение этих принципов в западно-европейских государствах оказывается поэтому далеко не всегда экономически полезным для капиталистов.

Рассмотрим, например, «основные принципы промышленной организации», формулированные двумя видными английскими инженерами на основании изучения 24 передовых американских предприятий.

«1) Успех предприятия зависит в большой мере от строжайшего соблюдения системы, при которой служебные назначения производятся исключительно по заслугам и способностям работника.

2) Выгоднее увеличить общую сумму доходов путем сокращения розничных цен при одновременном сохранении или улучшении качества с последовательным увеличением сбыта, чем путем попытки сохранения или повышения уровня цен.

3) Быстрота оборота позволяет обойтись с сравнительно небольшими основными и оборотными капиталами.

4) Производительная способность каждого рабочего может быть увеличена без всякого ограничения приспособлений, имеющих целью сбережения времени и труда.

5) Предпочтительно, чтоб рабочие получали вознаграждение находящееся в известной зависимости от выработки, а не твердой ставки, т.-е.

чтобы сумма заработной платы, получаемая отдельным работником, ни в какой мере не была ограничена.

6) Всяческой поддержки заслуживает обмен опытом между конкурирующими фирмами.

7) Устранение расточительства—один из важнейших факторов достижения народного благосостояния.

8) Тщательное внимание должно быть обращено на улучшение быта работников.

9) Производство изысканий и опытов — первый залог новых достижений» [1].

Совершенно очевидно, что курс на высокую зарплату, понижающиеся цены, ускорение оборота капитала, внимание к быту работников и т. п. возможны и выгодны были на передовых предприятиях С. Ш. лишь благодаря огромной емкости внутреннего рынка, механизации и стандартизации производства и его массовому характеру, росту интенсивности труда и т. д. Так как условия Западной Европы существенно отличаются даже от современных условий С. Ш., то применение таких принципов там оказывается нецелесообразным.

Лишь система хозяйства СССР, переходная от капитализма к социализму, делает возможным широкое использование ряда прогрессивных принципов организации производства, развившихся в С. Ш. Система хозяйства СССР обладает многообразными преимуществами над капиталистической системою хозяйства. Это делает возможным, при условии реализации этих преимуществ, значительное превосходство темпа развития СССР не только над европейским, но и над американским [2]).

---

[1]) См. Б Аустин и Ф Ллойд.—«Америк. хоз чудо или секрет высокой зарплаты» ГИЗ, 1927 г.

[2]) См. об этом нашу статью—«Проблема темпа развития СССР», «Большевик», 1927 г., № 23—24 Настоящая статья представляет собою главу из подготовляемой к печати работы «Проблема темпа развития СССР», сжатое изложение которой дано в № 23—24 «Большевика».

И. Батаев.

Роль деревенских парторганов в работе среди с.-х. и лесных рабочих.

Исключительное внимание партии, заостренное XV партс'ездом на вопросе о работе в деревне, ставит перед парторганами вопрос об усилении повседневного внимания работе среди батрачества.

Роль и значение батрачества, как части рабочего класса и основной силы пролетарской диктатуры в деревне, достаточно определенно формулированы в ряде постановлений партийных с'ездов и ЦК партии. Но эти постановления далеко еще не реализованы волостными органами и почти не отразились в практической работе деревенских партийных ячеек, которые должны руководить на местах практической работой союза сельхозлесрабочих. Поэтому сейчас стоит серьезный вопрос, как союз сельхозлесрабочих и деревенские партийные ячейки сумеют реализовать те партийные решения, которые мы имеем по работе среди с.-х. и лесных рабочих, как они сумеют претворить их в жизнь, чтобы добиться в ближайшее время серьезных успехов в этой области. Конечно, трудности в этой работе колоссальные, в особенности в части проведения работы среди батрачества. Мы имеем громадную армию (в большинстве еще неорганизованную) наемных рабочих в деревне. Воспитать, организовать и экономически защищать этих рабочих—задача не легкая.

Если мы обратимся к цифрам о наличии наемного труда в деревне, то мы увидим следующую картину (хотя эти цифры не претендуют на абсолютную точность, но они все же, приблизительно, определяют, какое место занимает наемный труд в деревне):

1) в совхозах постоянных, сезонных, сроковых и поденных рабочих—780.000 чел.;

2) в крестьянских хозяйствах годовых, сроковых и помесячных (без поденных)—1.800.000 чел.;

3) пастухов и подпасков, сельских сторожей и т. п. в сельских обществах—780.000 чел.;

4) наемных рабочих в мелких сельских (промышленно-подсобных) предприятиях и сельской кооперации—300.000 чел.

Итого—3.660.000 чел.

Помимо этого, мы имеем работающих:

а) в лесном хозяйстве (охрана, лесокультурные работы, рубка, возка, сплав, первичная обработка—шпалотесы, клепчари, смолокуры и т. п.)—1.600.000 чел.;

б) в ловецком и звероловческом хозяйстве (рыбные промыслы, охота)—150.000 чел.

Всего количество лиц наемного труда в деревне, работающих в сельском и лесном хозяйстве по СССР, выражается в 5.410.000 чел. [1], (в это число не входит поденная рабочая сила в крестьянских хозяйствах), при чем нужно учесть еще то, что в подавляющем большинстве продолжительность работы по найму в крестьянских хозяйствах и обществах в среднем в году 6—7 месяцев.

Вот какова армия наемного труда, которую должен охватить и обслуживать союз сельхозлесрабочих.

Если анализировать имущественный и социальный состав этой рабочей силы, то данные показывают, что у подавляющего большинства ее основным средством к существованию является заработная плата. Об этом говорят данные об имущественном положении рабочих в сельском и лесном хозяйстве: не имеют ни земли, ни скота в среднем по СССР 36%, а если взять отдельные районы, где применяется большое количество рабочей силы, то там этот процент еще выше. Например, на Северном Кавказе—54%, в Сибири—54,5%, в Узбекской и Туркменской ССР—59,1%, ЗСФСР—56,7%.

Если же привести цифры имеющих землю без скота, то получим следующее: имеют землю, но без посева и скота по СССР—5,5%, а с посевом и без скота—29,1%. Вышеуказанные две группы, т.-е. пролетарии и полупролетарии в среднем по СССР составляют 70,6%, если же взять районы с интенсивными культурами (хлопководство, табачные плантации, скотоводство и проч.): Сибирский край, Среднюю Азию, Северный Кавказ и др.—то там пролетарский состав их доходит от 60% до 70%, а в Закавказье, Низовье Волги, Дальне-Восточном краю число их свыше 70% [2]. Социально-имущественный состав основной массы наемных рабочих в деревне позволяет охватить и вовлечь ее в ряды союза сельхозлесрабочих.

О росте союза сельхозлесрабочих XV парт'езд говорит: «Признать необходимым усилить работу союза сельхозлесрабочих по организации еще неорганизованных батраков, а равным образом облегчить вовлечение в союз сельхозлесрабочих тех еще невовлеченных полупролетарских элементов в деревне, для которых работа по найму является основным источником существования».

Эта директива ставит перед органами партии и союза сельхозлесрабочих колоссальную задачу охватить в ближайшее время союзным членством основную массу (в большинстве еще неорганизованную) с.-х. и лесных рабочих—батрачество, пастушество и др. группы, основным источником существования которых является продажа своей рабочей силы.

Если союз сельхозлесрабочих под повседневным руководством партии имеет значительные успехи в области организации, экономической защиты и воспитания с.-х. и лесных рабочих, в области роста союза, создания сети низовых деревенских ячеек союза, выявления и подготовки батрацкого актива, то эта работа им проделывалась подчас без ведома и помощи деревенских парт'ячеек.

За четыре года число вовлеченных в ряды союза с.-х. и лесных рабочих увеличилось в четыре раза, а именно: на 1/I 1924 г. в союзе состояло членами 280.600 человек, а к январю 1928 г. мы имеем свыше 1.200.000 человек, из которых число членов союза, работающих в крестьянских хозяйствах, 495.000 (в том числе 139.000 человек безработных).

При таком огромном количестве наемной рабочей силы, социальный состав которой большею частью пролетарский и полупролетарский, перед нами стоит вопрос об усилении темпа охвата, так как количество вовлеченных в ряды союза батраков, пастухов по сравнению с общим числом наемного труда пока составляет лишь 28%.

[1] Все цифровые данные в этой статье взяты из материалов ЦК союза сельхозлесрабочих на 1/VII 1926 г.

[2] По данным отдела статистики труда в сельском и лесном хозяйстве на 26 г.

К сожалению, мы не располагаем цифровыми данными об общем количестве наемного труда, занятого в кулацких и зажиточных крестьянских хозяйствах, но безусловно даже и эта группа батраков далеко не полностью вовлечена в ряды союза. В связи с этим задача союза в первую очередь вовлечь в свои ряды массу с.-х. и лесных рабочих, работающих в кулацких и зажиточных крестьянских хозяйствах и в мелких промышленных предприятиях деревни.

Трудности охвата и обслуживания массы с.-х. и лесных рабочих на пути союза сельхозлесрабочих не малые. При общей поддержке партии, особенно деревенских ячеек, при их повседневном руководстве и помощи, задача, поставленная перед союзом, будет им выполнена, и мы сумеем в ближайшие годы охватить и вовлечь в ряды союза основную массу наемного труда в деревне. Тут нужно отметить, что *чем больше будет организована эта масса и вовлечена в союз, чем больше батрачество будет влито в общую семью рабочего класса, тем больше будет его влияние на общественную жизнь в деревне. Пока огромная масса с.-х. и лесных рабочих в деревне союзом полностью не охвачена, до тех пор союз не в состоянии в полной мере осуществить задачи, возложенные на него партией, как на опору пролетарской диктатуры в деревне.* Поэтому сейчас партийным и союзным органам, особенно деревенским парт'ячейкам, нужно поставить перед собой всерьез вопрос о полном выполнении решений XV партс'езда.

Нужно, чтобы это усвоили местные организации и осознали полностью ту линию, которая взята партией в этом вопросе.

В условиях классовой борьбы в деревне, когда кулачество стремится овладеть влиянием на бедняков, оно всеми мерами старается ослабить роль батрачества, как опоры пролетарской диктатуры в деревне.

Мы имели не мало явлений, когда активного батрака, ведущего общественную работу в деревне, кулаки увольняли с работы. Наконец, не редко встретишь случаи, когда кулаки не принимают на работу членов союза, членов партии, комсомола, а если работающие вступают в члены союза или комсомола, то их с работы увольняют. Поэтому с вымогательством кулака, с его применением экономического воздействия на батрака (увольнение с работы за его общественную деятельность) нужно всеми силами бороться. Успешность этой борьбы будет обеспечена лишь тогда, когда само батрачество будет организовано, а это зависит во многом от того, в какой мере деревенские парт'ячейки и деревенские коммунисты повседневно будут руководить союзом и помогать ему в этом деле.

Эту огромную политическую задачу можно будет выполнить лишь тогда, когда мы будем иметь крепкие союзные организации, когда они будут в достаточной мере сильны, чтобы суметь претворить в жизнь мероприятия, намеченные партией и соввластью в области защиты, организации и классового воспитания с.-х. и лесных рабочих, и через них влиять на крестьянские массы.

По линии союза сельхозлесрабочих сейчас идет реорганизация его органов. Союз принимает новые организационные формы на основе решения ЦК партии, приближая свои организации непосредственно к массам с.-х. и лесных рабочих. Для того, чтобы полностью охватить наемный труд деревни, чтобы распространить влияние союза на все районы, где имеется достаточное количество рабочей силы и достаточная экономическая база, нужно иметь в узловых пунктах (селах) крепкую сеть сельрабочкомов. Работая на местах

и проводя в жизнь намеченные партией и союзом мероприятия в вопросе зареорганизации и укревления союзных органов (а именно: расширение и закрепление деревенских органов, решительное выдвиженчество с.-х. и лесных рабочих на руководящую практическую работу союза по всей линии союза и приближение органов союза к массам, т.-е. построение их независимо от партийного и административного деления),— мы видим, что эти мероприятия полностью себя оправдали. Мы имеем десятки тысяч низовых союзных ячеек, но эти ячейки были во многом недостаточно закреплены. Успех в этой работе может быть лишь тогда, когда парторганы, особенно деревенские низовые парт'ячейки, уделят больше внимания работе союза сельхозлесрабочих.

В мартовском решении ЦК партии говорится следующее: «...Партийным организациям, в особенности волостным комитетам и сельским ячейкам, уделить больше внимания работе среди батрачества и работе органов союза сельхозлесрабочих. Партийные органы, избегая мелочной опеки и вмешательства в повседневную текущую работу союза, должны усилить общее руководство, проводя свои директивы через соответствующие фракции союзных организаций...»

Эту партийную установку нужно на местах решительно проводить в жизнь. Деревенским парторганам необходимо повседневно руководить, помогать органам союза. Деревенские партийные и комсомольские ячейки, как близко знающие массу, сумеют оказать большую помощь союзу в деле охвата в ряды союза еще не охваченных с.-х. и лесных рабочих, в деле их экономической защиты, культурного воспитания и проч. Партия придает исключительное значение союзу сельхозлесрабочих, от успешной работы которого в значительной мере зависит дальнейшее укрепление пролетарской диктатуры в деревне.

Успехи в работе союза мы будем иметь лишь тогда, когда во всех органах союза руководителем будет актив из с.-х. и лесных рабочих, когда этот актив вольется не только в союзный аппарат, но будет также в советских и кооперативных организациях.

Еще XIV партс'езд говорил: «Успех союза будет обеспечен лишь в той мере, в какой он сумеет в ближайшее время создать союзный актив действительно из сельскохозяйственных рабочих и перейти к строению всех своих органов снизу доверху на началах нормальной выборности. Для выполнения всех этих задач необходима со стороны всех партийных, профессиональных и советских органов самая широкая поддержка работы Всеработземлеса».

При проведении в жизнь этой категорической директивы партии мы встречаемся с некоторыми затруднениями, заключающимися в том, что руководство организациями союза в большей мере находится у работников не из среды с.-х. и лесных рабочих, а пришедших со стороны. Эти товарищи, которые явились пионерами организации союза, теперь не всегда понимают новый курс в работе союза и новые методы в работе, которые надо в связи с этим проводить. На руководство союзом возложена большая ответственность. Вопрос об активе должен стать актуальным во всей работе союза.

Мы имеем свыше 65.000 выборного союзного актива и свыше 20.000 сельхозлесрабочих, выбранных в советские и кооперативные органы, если же взять платных работников, то по предварительным данным осенних перевыборов 1926 г., мы имели всего 11.699 чел., из них: с.-х. и лесных рабочих 40,7%, прочих рабочих 20,1%, служащих и специалистов 39,2%.

Еще характернее цифры по волкомам (райкомам) на 1/X—1925 г. и 1/I—1927 г. В руководящих деревенских союзных органах (райкомах, волкомах), по данным ЦК союза сельхозлесрабочих, было:

на 1/X—25 г. с.-х. и лесных рабочих 50,9%, прочих рабочих 12,9%, служащих и специалистов 36,2%;

на 1/I—27 г. с.-х. и лесных рабочих 52,5%, прочих рабочих 16,7%, служащих и специалистов 30,8%.

На постоянной платной работе в этих же союзных органах было:

на 1/X—25 г. с.-х. и лесных рабочих 20,6%, прочих рабочих 21,7%, служащих и специалистов 57,7%;

на 1/I—27 г. с.-х. и лесных рабочих 26,5%, прочих рабочих 22,4%, служащих и специалистов 51,1%.

Эти цифры показывают медленный рост выдвиженчества из с.-х. и лесных рабочих и выделение из выдвинутых в союзные органы с.-х. и лесных рабочих на постоянную платную руководящую работу. Количество платных работников из с.-х. и лесных рабочих на 1/I—27 г. составляет лишь немногим более ¼ всех платных работников райкомов (волкомов), а по отношению ко всем союзным органам—лишь 40,7%.

Правда, тут нужно отметить, что с 1927 г. мы имеем решительный перелом в вопросе выдвижения. Уже III пленум ЦК союза сельхозлесрабочих в мае 1927 г. дал строжайшую директиву о выдвижении. Он сказал: «В оценке работы союзных органов необходимо исходить не только из достижений в организации, защите и воспитании масс, но и из тех результатов, которые этими союзными органами достигнуты во выдвижению профсоюзного и советского актива из с.-х. и лесных пролетариев».

В осуществление этих решений мы имеем решительный курс выдвижения на местах батрацкого актива и подготовку его (проведены губернские, уездные, районные профкурсы батраков, созданы центральные батрацкие курсы и пр.).

Опыт работы показывает, что в тех союзных органах, где работает батрак, пастух или с.-х. и лесной рабочий, работа значительно лучше, чем в организациях союза с работником не батраком. Союзные работники из с.-х. и лесных рабочих лучше понимают массу и масса их, чем работники не из этой среды: хотя они и более развиты и грамотны и проч., но они не знакомы ни с бытом батрака, а иногда и с сельским хозяйством, не всегда имея ясную классовую линию в работе союза, не могут обеспечить правильного руководства, а подчас даже искривляют линию партии и союза.

Отсюда ясно, что одной из основных задач партийных органов и органов союза сельхозлесрабочих в деревне является выдвижение из среды сельхозлесрабочих батраков на практическую и руководящую работу, в первую очередь в союзные органы, а также и в советы, кооперацию, ККОВ и др. общественные и советские организации.

Деревенские парт'ячейки, находясь в деревне и проводя повседневную работу среди той или другой группы с.-х. рабочих, лучше всего знают тот актив, который выявляется в процессе работы. Они самым внимательным образом должны выявлять новый кадр активного батрачества, вырастающего в рядах союза, для того, чтобы эти новые силы вливать в советские, партийные и общественные органы. Если батрак подает надежды, развивается, нужно практически помочь ему, ведя с ним специальную работу в деле приложения его сил к практической общественной работе в деревне.

Еще характернее данные о вовлечении с.-х. и лесных рабочих в партию.

Мы имеем в СССР общее число членов и кандидатов партии в деревне—крестьян 116.189 чел. (перепись в январе 1927 г.), а с.-х. и лесных рабочих (всех групп) всего лишь 15.667 чел., что составляет 1,4% по отно-

шению ко всем членам партии, а по отношению к членам партии деревенских ячеек—около 10%.

В то время, когда в рядах союза имеется миллионная масса с.-х. и лесных рабочих, — мы имеем кадр рабочей силы в совхозах, лесничествах и проч., десятки тысяч выборного союзного актива, работающего в союзных органах, — партийная прослойка в них является незначительной.

Еще рельефнее данные отдельных губерний.

Например, в Рязанской губернии число деревенских членов и кандидатов партии 2.565 чел., а из них батраков и с.-х. и лесных рабочих 62, или только 2,4% по отношению к членам и кандидатам партии деревни. В рядах союза сельхозлесрабочих в этой же губернии свыше 13.000 чел., а всего работающих батраков и пастухов по губернии свыше 25.000 чел. и, наконец, имеем выборного союзного актива в сельсоветы 379 чел., по низовой периферии союза 822 чел., а работающих на платной работе в деревенских союзных органах 145 чел.

Аналогичное положение мы имеем и в других губерниях. Например, в Тульской губернии общее число батраков, избранных в сельсоветы (всесоюзная партийная перепись 1927 г.), 155 чел., вовлечено в кооперацию 659 чел., народных заседателей 107 чел., а работающих по найму с.-х. рабочих в губернии свыше 18.000 чел., в партии же с.-х. и лесных рабочих всего 70 чел. Можно привести не один пример, доказывающий наличие актива с.-х. рабочих, из которого не малый кадр можно вовлечь в партию, но он остается за пределами партии лишь потому, что парторганы на местах этим занимались слишком слабо.

XV партс'езд, учитывая этот момент, сказал: «Сосредоточить внимание на подготовке и вовлечении в партию главным образом того батрацкого и бедняцкого актива, который вырастает в союзе сельхозлесрабочих, в группе бедноты, на практической работе в советах, кооперации, делегатских собраний крестьянок и т. д.».

Эта директива XV партс'езда обязывает усиленно заняться вопросом вовлечения в ряды партии активного кадра батрачества, с.-х. и лесных рабочих.

Проделанная партией и союзом сельхозлесрабочих работа по выдвижению батрачества на практическую работу союза показала, что среди батрачества есть не плохой кадр работников, который рвется в партию и к общественной работе. Поэтому темп вовлечения батрачества в партию должен быть еще больше усилен с тем, чтобы в ближайшее время охватить активную часть батрачества — в первую очередь тех, которые находятся на практической работе союза и выдвинуты в советские и общественные организации.

Деревенские парт'ячейки должны отдельных коммунистов закрепить за отдельными активными батраками, чтобы они их изучили, занялись их развитием и потом поручились за них при вступлении их в партию.

Деревенские парторганы должны быстрее продвигать заявления батрачества, организовать специальные кружки для проработки устава и программы партии и проч.

Вливая в деревенскую парт'ячейку активных батраков и бедноту, являющихся пролетарской и полупролетарской частью деревни, этим мы коренным образом изменим социальный состав парт'ячеек деревни и повлияем на общее направление их работы в деревне. Таким образом мы опролетаризируем деревенские парт'ячейки, усилим рабочее крыло деревенских парт'ячеек, усилим работу в области организации и классового воспитания батрачества и с.-х. и лесных рабочих вообще.

Главная задача деревенских парт'ячеек — поставить правильное руководство работой деревенских органов союза сельхозлесрабочих. Деревенские партийные ячейки редко заслушивают доклады партийцев, работающих в союзных организациях, не знают иногда, что они делают, а если и заслушивают, то в большей части дают им общие формальные указания, часто не проверяя выполнения порученных им заданий.

Мы почти не имеем учета опыта в области руководства и работы деревенских партийных ячеек по работе среди батрачества. Поэтому местные парторганы должны давать деревенским парт'ячейкам больше практических заданий по работе среди батрачества и главное систематически проверять выполнение ими заданий, тем самым усиливая их ответственность за эту работу.

Парт'ячейки должны повседневно руководить всей работой органов союза сельхозлесрабочих (конечно, не беря на себя мелочную опеку). По основным вопросам союзной работы должна быть помощь деревенских парт'ячеек: в трудлоговорной работе, в защитной, в ликвидации неграмотности, в культработе, в организации курсов (пастушеских, в совхозах и др.), вовлечении в партию и проч. Например, в трудговорной работе деревенские парт'ячейки смогут оказать серьезную помощь. Они лучше знают кулаков, знают, кто скрывает работающих у них батраков, какие требования можно пред'являть к каждому нанимателю (отдельно к кулацким и отдельно к середняцким), проводя при этом классовый принцип. Деревенские парт'ячейки должны на каждый период работы наметить конкретный план помощи союзным органам, в частности, в трудговорной работе, с тем, чтобы батраки были полностью охвачены договорами.

Деревенские парт'ячейки должны помогать союзу и батрачеству, чтобы во-время платилась заработная плата. При возникновении конфликта между батраком и нанимателем батрак часто не знает, куда обратиться, как быть. И в этом случае партийные и комсомольские ячейки и отдельные коммунисты и комсомольцы лучше и быстрее помогут батраку разрешить конфликт через примкомиссии или нарсуды.

В вопросе найма пастухов деревенские парт'ячейки должны помочь союзу сельхозлесрабочих через партийцев, работающих в советах, через группы бедноты и т. п., чтобы в первую очередь нанимали батраков-активистов, членов партии, комсомола, членов союза, чтобы общества выделяли уполномоченного для заключения договора с союзными органами, чтобы не было очередного столования, чтобы при найме пастух не устраивал попойки, что еще имеет место, и проч., и проч. При повседневном руководстве и помощи деревенских парт'ячеек мы улучшим положение батраков и пастухов.

Для того, чтобы иметь серьезные успехи в области организации и воспитания с.-х. и лесных рабочих, требуется повседневное внимание к их экономической защите не только со стороны союза сельхозлесрабочих, но и со стороны всех местных советских органов.

Нужно самое строгое наблюдение за этим и контроль парторганов, особенно деревенских.

Об этом говорится в решениях XV партс'езда: «Следить за тем, чтобы неуклонно проводился в жизнь кодекс о труде в отношении с.-х. рабочих и работниц в хозяйствах кулацкого типа, и привлекать нарушителей кодекса к строжайшей ответственности.

Следить за неуклонным проведением в жизнь «Временных Правил» в крестьянских хозяйствах с подсобным наемным трудом, привлекая нарушителей «Временных Правил» к строжайшей ответственности».

Эта категорическая директива верховного органа партии должна быть со всей строгостью проведена в жизнь. Мы еще не смогли надлежа-

щим образом развернуть защитную работу среди с.-х. и лесных рабочих. Сама масса еще недостаточно знакома с существующим законодательством, в силу чего и недостаточно подготовлена к защите своих интересов.

Вокруг вопроса защиты, являющегося основным в деле организации с.-х. рабочих, мы еще не сумели сосредоточить все партийное и общественное мнение деревни. Хотя союз сельхозлесрабочих имеет достижения в части охвата свыше двух миллионов с.-х. и лесных рабочих договорами, но защитная работа является далеко еще не достаточной. Слабо осуществляется защитная работа и органами НКТ.

XV партс'езд особенно подчеркивает защиту батрачества в кулацких хозяйствах. Поэтому защитная работа как союза сельхозлесрабочих, так и органов труда должна в первую очередь охватить промышленные и кулацкие хозяйства, в особенности в районах массового найма батрачества. Мы должны следить за неуклонным проведением кодекса законов о труде в этих хозяйствах. Конечно, успех этой работы будет обеспечен лишь при одновременном усилении всей союзной работы среди этой группы батрачества.

Для успешного проведения защитной работы нужно правильно поставить работу примирительных органов. У нас еще имеется масса отрицательных явлений в работе примирительных комиссий. Дела не рассматриваются по месяцам, часто к ним относятся формально, и они не дают тех результатов, какие должны дать. Например, в Азеевском сельсовете, Рязанской губернии, заявление батрачки, работавшей у кулака в течение 9 месяцев, несмотря на ряд напоминаний с ее стороны, со стороны сельрабочкома сельхозлесрабочих и даже со стороны секретаря парт'ячейки, лежало неразобранным более двух месяцев, при чем по выяснении этого дела оказалось, что причиной задержки разбора ее заявления примирительной комиссией являлось полное игнорирование интересов батрачества со стороны председателя сельсовета Абаева.

Директивы партии о защите с.-х. рабочих у нас есть. Нужно их как следует проводить в жизнь. Парторганам, особенно деревенским, нужно следить за их проведением.

Волостные и деревенские парторганы часто не придают того значения работе союза сельхозлесрабочих, какое придает ей партия в целом. При всяких кампаниях: сбор сельхозналога, недоимки и проч., уже не будем говорить о перевыборах сельсоветов, кооперации и проч. кампаниях, проводимых в деревне, часто союзные работники непосильно нагружаются общественной работой в ущерб основной их работе среди с.-х. и лесных рабочих.

Весьма не редки случаи, когда союзные работники месяцами полностью отрываются от союзной работы на проведение различных кампаний.

Все эти моменты необходимо учесть. Нужно, чтобы работа среди батрачества не была ослаблена и занимала то место, которое ей уделено в постановлениях руководящих парторганов.

Еще XIV партс'езд говорил: «Всеработземлес является одним из важнейших проводников союзного влияния в деревне, поэтому его успехи и недостатки являются решающими во всей работе деревни».

Наконец, мы имеем постановление ЦК ВКП(б) о работе среди с.-х. и лесных рабочих, опубликованное в «Правде» (3 марта 1927 г.), которое обстоятельно отмечает все стороны этой работы. Необходимо это решение сделать достоянием всей деревенской партийной массы, чтобы она знала и усвоила те директивы, какие имеются по работе среди батрачества. Тем самым мы быстрее обеспечим практическое осуществление этих директив в жизни.

ДИСКУССИОННЫЙ ОТДЕЛ.

Х. Гуревич.

Политика прибылей промышленности.

(По директивам ВСНХ к составлению перспективного плана)[1]

В настоящее время в центре и на местах развертывается большая работа по составлению пятилетнего плана народного хозяйства. Пятилетние планы, составленные до сего времени, не были рассмотрены правительством и представляют лишь материалы или проекты перспективного плана. Пятилетний план, разрабатываемый в настоящее время, должен пойти на рассмотрение и утверждение правительства. Это обстоятельство, естественно, подчеркивает значение разрабатываемого плана, а вместе с тем и значение критического освещения показателей плана по мере их опубликования в печати.

В настоящей статье мы коснемся вопроса о политике прибылей, как она выявляется по директивам ВСНХ к составлению перспективного плана.

Прежде всего надо отметить, что эти директивы представляют собой большой шаг вперед по сравнению с предшествующими проектами перспективного плана. Достаточно указать, что по директивам ВСНХ промышленное производство расширится в 1931—32 году на 140% сравнительно с об'емом производства 1926—27 года, в то время как по последнему варианту ВСНХ (Контрольные цифры пятилетнего плана развития промышленности) оно соответственно расширялось на 108%. Таким образом, по директивам промышленная продукция 1931—32 года почти в два с половиной раза превысит продукцию 1926—27 года. При указанной выше разнице между приростами продукции капитальные затраты по директивам в неизменных ценах лишь на 18,2% превышают намеченные по контрольным цифрам пятилетнего плана ВСНХ. Далее, согласно директивам в течение пятилетия по всей промышленности вводится 7-часовой рабочий день, и получают вместе с этим широкое распространение добавочные смены.

Но вернемся к вопросу о прибылях. Политика прибылей должна исходить из установки на увеличение массы прибыли и рентабельности госпромышленности при значительном снижении цен за счет еще большего снижения себестоимости и роста продукции и при надлежащем повышении зарплаты, снижении рабочего дня и улучшении качества продукции.

Прежде всего сопоставим размеры прибылей и капитальных затрат по данным директив и контрольных цифр пятилетнего плана. Конечно, такое сопоставление весьма относительно, но все же представляет интерес.

	Сумма капитальн. затрат за 5 лет (27—32 гг.) в ценах 26/27 года		Прибыль за 5 лет	
	абсол.	в %	абсол	в %
По контрольн. цифрам пятилетн. плана ВСНХ СССР	8.255 млн	100	4.758	100
По директивам План.-Эконом. Управления ВСНХ СССР	9.760 „	118,2	6.105	128,3

[1]) «Торгово-Промышленная Газета», № 97, 1928 года.

Прибыль увеличивается сравнительно с контр. цифрами пятилетнего плана на 28,3%. Капитальные затраты—на 18,2%. Но увеличение прибыли само по себе еще мало говорит. Важно сопоставить это увеличение с рядом других показателей, и прежде всего показателей снижения цен, снижения себестоимости, повышения зарплаты. Ниже даем такое сопоставление:

	Снижение цен	Снижение себестоим.	Повышение зарплаты в черв. выраж.
По контр. цифрам пятилетнего плана ВСНХ	21,3%	24,2%	24,6%
По директивам ВСНХ	22,6%	26,6%	25,0%

Итак, мы видим, что увеличение прибыли происходит при большем снижении отпускных цен, при большем снижении себестоимости, при чем повышение зарплаты, благодаря большему снижению цен, в реальном выражении должно сказаться сильнее.

С принципиальной стороны (не касаясь величины самих цифр) такая установка совершенно правильна.

Далее, коснемся вопроса, как проектируются размеры прибылей по группе «А» (отрасли, производящие по преимуществу средства производства) и по группе «Б» (отрасли, производящие по преимуществу средства потребления).

Из 6.105 млн. рублей прибыли по промышленности за 5 лет—по группе «А» будет получено 1.320 млн. руб. или 21,6% всей прибыли, а по группе «Б»—4.785 млн. р. или 78,4% всей прибыли. Итак, чуть ли не 4/5 всей прибыли будет получено по группе «Б», в то время как по производимой продукции группа «Б» занимает в 1927/28 году 60,6% и к концу пятилетия, согласно директивам ВСНХ, будет занимать 56,4%. Тут мы видим определенную установку на большую рентабельность по группе «Б», что в свою очередь обусловлено установкой на меньшее снижение цен по группе «Б», чем по группе «А».

Директивы ВСНХ в разделе, посвященном вопросу о ценах и накоплениях, говорят по этому поводу следующее:

«В отношении снижения цен должна быть взята установка на возможно большее снижение цен на промышленные товары. О д н а к о, п о л и т и к а ц е н д о л ж н а и н д и в и д у а л и з и р о в а т ь с я в о т н о ш е н и и о т д е л ь н ы х о т р а с л е й п р о м ы ш л е н н о с т и, в о т н о ш е н и и т я ж е л о й и л е г к о й и н д у с т р и и. По отраслям группы «А», в частности на строительные материалы, должно быть намечено максимальное снижение цен, именно: на орудия и средства производства и материалы, потребляемые обобществленным сектором, и на орудия и средства производства, потребляемые бедняцким и середняцким сектором крестьянского хозяйства (сел.-хоз. машины, тракторы, удобрения и т. д.). На последние товары допустимо в некоторых случаях снижение цен ниже себестоимости, т.-е. реализация по убыточным ценам в целях наибольшего стимулирования рационализации сельского хозяйства. На прочие товары отраслей группы «А», употребляемые необобществленными секторами, снижение цен должно быть намечено в размерах меньших, чем снижение себестоимости».

В духе изложенного, по директивам ВСНХ снижение цен по группе «А» за пять лет к 1931/32 году намечено на 26% при снижении себестоимости на 27%. Разница в пользу снижения себестоимости (образующая прибыль) на 1%. При этом снижение цен по группе «А» на 3,4% б о л ь ш е, чем среднее по промышленности (26%—22,6%).

По группе «Б» снижение цен намечено на 21% (против 26% по группе «А») при снижении себестоимости на 26,3%. Разница в пользу снижения себестоимости тут уже на 5,3% (против 1% по группе «А»). При этом

снижение цен по группе «Б» на 1,6% м е н ь ш е, чем среднее по промышленности (22,6%—21%).

Такая установка на большее снижение цен и в связи с этим меньшую рентабельность по группе «А» правильна, так как, с одной стороны, прибыль с госпредприятий (транспорт, госпромышленность и т. д.) является переложением средств в пределах одного и того же госсектора и так как, с другой стороны, преимущественное снижение цен на средства производства поможет вывести нашу отсталую деревню на путь технического и вообще агрикультурного прогресса. В этом, между прочим, одно из преимуществ для сельского хозяйства социалистической индустриализации, проводимой пролетариатом, перед капиталистической индустриализацией, проводимой буржуазией, разоряющей крестьянство.

Конечно, установка на большее снижение цен на средства производства, стимулирующая большее расширение производственного потребления за счет личного, не означает пренебрежения к снижению цен на средства потребления. Здесь речь идет лишь о д и ф е р е н ц и а ц и и э т о й о б щ е й у с т а н о в к и н а с н и ж е н и е п р о м ы ш л е н н ы х ц е н. И дальнейшее изложение покажет, что политика прибылей по директивам ВСНХ недостаточно учитывает эту важную задачу навей экономполитики.

Для этого разберемся, как проектируется директивами ВСНХ отношение прибыли к товарной продукции в неизменных ценах, или, иначе говоря, как проектируется размер прибыли в копейках на единицу товара стоимостью 1 рубль в неизменных ценах.

По этому поводу имеется специальное постановление СТО от 19 августа 1927 г. Согласно этому постановлению

«с развитием промышленности масса прибыли, как правило, должна расти, при чем рост должен итти за счет увеличения массы товаров, а также за счет рационализации производственного процесса и оборота, при снижении абсолютной величины прибыли в отпускной цене на единицу товара».

Отсюда видно, что п о л и т и к а п р и б ы л е й д о л ж н а п о м о г а т ь д е л у с н и ж е н и я ц е н, так как абсолютный размер прибыли на единицу товара должен уменьшаться, что, естественно, сводится к уменьшению отпускных цен частично за счет прибылей.

Сопоставим динамику процентного отношения прибыли к продукции в неизменных ценах по нескольким годам по контрольным цифрам пятилетнего плана и директивам:

	1926/27 г.	1927/28 г.	1931/32 г.
По контрольным цифрам пятилетнего плана ВСНХ:			
1) Товарная продукция по оптово-отпуск. ценам 1926/27 г.	6.539,4 млн.	7.836,2 млн.	13.916,2 млн.
2) Прибыль	645,5 „	677,0 „	1.295,2 „
3) Процентное отношение прибыли к товар. продукции	9,87%	8,64%	9,31%

Мы видим, что по сравнению с 1926/27 г. размер прибыли на единицу товара стоимостью 1 рубль (мы можем так говорить, поскольку взяли продукцию в неизменных ценах) в 1931/32 году незначительно, но все же уменьшится (9,31% или копеек против 9,87% или копеек).

Но если мы сравним 1931/32 год не с 1926/27, а с 1927/28 годом, то картина получится иная. Процентное отношение прибыли к товарной продукции в неизменных ценах или абсолютная величина прибыли на единицу товара стоимостью 1 рубль увеличивается с 8,64% или копеек до 9,31% или копеек. Тут политика прибылей не соответствует директиве о снижении абсолютной величины прибыли на единицу товара.

Д и р е к т и в ы В С Н Х н е и с п р а в л я ю т э т о г о д е ф е к т а, что мы увидим из нижеследующего сопоставления процентного отно-

шения прибыли к товарной продукции в неизменных ценах. В директивах ВСНХ нет данных о товарной продукции в неизменных ценах, но имеются данные о товарной продукции по отпускным ценам соответствующих лет, т.-е. с учетом снижения цен. Кроме того, имеются показатели снижения отпускных цен. Благодаря этому можно при пересчете перейти к товарной продукции в неизменных ценах. И вот что получается:

	1927/28 г.	1931/32 г.	1932/33 г.
1) Товарная продукция по отпускным ценам соответствующих лет в млн. .	7.935	12.630	14.060
2) Снижение цен к уровню 1926/27 г., принятому за 100	95,1%	77,4%	72,7%
3) Товарная продукция по оптово-отпускн. ценам 1926/27 г.	8.343	16.317,8	19.339,8
4) Прибыль	790	1.545	1.860
5) Процентное отношение прибыли к товарной продукции или размер прибыли в копейках на 1 штуку продукции в неизменных ценах стоимостью 1 рубль	9,47	9,47	9,62

Таким образом, и здесь абсолютная величина прибыли на единицу товара в неизменных ценах стоимостью 1 рубль не снижается, а даже незначительно повышается в 1932/33 г. (9,62% или копеек против 9,47% или копеек). Так что через пять лет на одну и ту же штуку товара прибыли будет приходиться несколько больше (9,62 коп. минус 9,47 коп. = 0,15 коп. на единицу товара стоимостью 1 рубль в неизменных ценах).

Таким образом, директивы при установлении политики прибылей исходили из интересов накопления при недоучете задач по снижению отпускных цен. В постановлениях XV с'езда имеются предостережения против одностороннего подхода к вопросу о накоплениях, например: «В вопросе о темпе развития необходимо равным образом иметь в виду крайнюю сложность задачи. Здесь следует исходить не из максимума темпа накопления на ближайший год или несколько лет, а из такого соотношения элементов народного хозяйства, которое обеспечивало бы длительно наиболее быстрый темп развития».

В резолюциях с'езда также неоднократно говорится о важности для нас задачи снижения цен, например: «...Политика рационализации и низких цен, устанавливая равновесие между городом и деревней, неизбежно повлечет за собой длительное ускорение темпа развития. Ибо эта политика, расширяя потребление масс и обеспечивая соответствующее давление на весь производственный аппарат, будет служить гарантией против всякого загнивания и монополистического паразитизма».

А вот оттуда же и другая не менее четкая формулировка: «Отпускные цены на продукцию промышленности должны систематически снижаться, обеспечивая последовательное сжатие раствора «ножниц», т.-е. изживание диспропорции цен на продукты промышленности, с одной стороны, сельского хозяйства—с другой, и диспропорции между уровнем наших цен и цен мирового рынка».

Повторяю, важность задачи снижения промышленных цен красной нитью проходит через директивы XV с'езда партии.

А вот что говорит о политике прибылей в связи с задачей снижения цен упоминавшееся уже постановление СТО:

«Политика прибылей в промышленности в целом и в отдельных ее отраслях должна исходить из директивы относительно снижения цен и необходимости определенной массы накопления для расширенного воспроизводства на основе плана индустриализации».

Однако, как мы видели, директивы недоучли задачи снижения цен в намечаемой ими политике прибылей. Это тем более важно подчеркнуть, что положение с ценами у нас (по данным Контрольных цифр пятилетнего плана ВСНХ) следующее:

Средне-годовой индекс отпускных цен ВСНХ:

Отрасли промышленности	1926/27 г.	1931/32 г.
Горная	1,504	1,360
Силикатная	2,218	1,466
Металлическая	1,711	1,268
Электротехническая	1,778	1,003
Химическая	1,745	1,324
Текстильная	2,063	1,769
Кожевенная	1,626	1,320
Лесная и деревообрабатывающ. .	2,578	2,062
Бумажная	1,807	1,252
Пищевкусовая	2,147	1,587
Вся промышленность	1,931	1,524
В том числе:		
А) Изделия производственно-технического потребления .	1,750	1,351
Б) Изделия личного потребления.	2,080	1,670

Контрольные цифры 5-летнего плана ВСНХ говорят по этому поводу: «Таким образом, мы видим, что хотя индекс и значительно понижается против существующего, он все же должен отстать от общетоварного индекса иностранных государств, где он для настоящего момента колеблется от 1,36 до 1,50».

Как уже указывалось, директивы ВСНХ намечают снижение отпускных цен к 1931/32 году на 22,6% против 21,3%, намечавшихся Контрольными цифрами пятилетнего плана ВСНХ. Добавочное снижение, как видим, незначительное, и картина, выше охарактеризованная Контрольными цифрами пятилетнего плана, в общем остается в силе и по директиве ВСНХ.

Это еще больше подчеркивает значение изысканий возможностей большего снижения цен. Конечно, центр тяжести здесь лежит в снижении издержек производства, в снижении себестоимости, но и политика прибылей должна намечаться с бо́льшим учетом снижения цен.

Далее попутно замечу следующее. В директивах дана потребность промышленности в средствах на 1927/28—31/32 гг., а также указаны источники покрытия. Ниже приводятся соответствующие данные:

Потребность в средствах на 1927/28—31/32 гг.

1. На капитальные работы	8.344	млн. руб.
2. На увеличение оборотных средств . . .	2.700	" "
3. На финансирование сельскохоз. базы . .	660	" "
Итого. . . .	11.700	млн. руб.

Источники покрытия:

1. Прибыль и амортизация	9.385	млн. руб.
2. Чистые вложения из госбюджета . . .	925	" "
3. Увеличение краткосрочного банковского кредита	1.394	" "
Итого. . . .	11.704	млн. руб.

Здесь обратим внимание на два момента: на чистые вложения из госбюджета в размере 925 млн. руб. и на финансирование сельскохозяйственной сырьевой базы в размере 660 млн. руб.

Сальдо взаимоотношений между промышленностью и бюджетом складывалось в течение последних трех лет следующим образом:

	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
Сальдо взаимоотношен в пользу промышленности (с судостроением, но без электростроительства)	100,8 м. р.	156,8 м. р.	194,5 м. р.

Из этих данных видно, что сальдо в пользу промышленности (чистые вложения из бюджета) в течение трех последних лет составляет кругло 450 млн. руб., при выявляющейся тенденции к повышению его (сальдо 1927—28 г. чуть ли не в два раза больше, чем в 1925—26 г.).

По директивам ВСНХ чистое сальдо из госбюджета намечается по годам следующим образом:

1927/28 г.	200 млн. руб.
1928/29 „	230 „ „
1929/30 „	195 „ „
1930/31 „	150 „ „
1931/32 „	150 „ „
Всего за 5 лет .	925 млн. руб.

Таким образом, мы видим, что сальдо взаимоотношений промышленности с бюджетом намечается с тенденцией к снижению (начиная с 1929—30 г.), при чем общая сумма его за пять лет не представляется преувеличенной, учитывая указанную выше практику предыдущих лет и те огромные задачи, которые стоят перед промышленностью в течение планируемого пятилетия.

Но относительно не преувеличенные размеры чистых вложений из бюджета при относительно значительном финансировании с.-х. сырьевой базы промышленности наводят на мысль о том, что следовало бы несколько больше налечь на бюджет и меньше на прибыли. Конечно, дискутабельность этих соображений не может поколебать основных мыслей и расчетов статьи по поводу политики прибылей.

Конечно, здесь речь идет не о том, чтоб исключить или уменьшить финансирование сельскохозяйственной сырьевой базы.

Такое финансирование необходимо по ряду причин и прежде всего, как указывают директивы ВСНХ, чтобы обеспечить промышленность «сельскохозяйственным сырьем, в связи с проектируемым существенным увеличением роста продукции отраслей легкой индустрии, а также учитывая большие накопления в промышленности и госбюджете, благодаря общему более быстрому развитию народного хозяйства (в особенности, благодаря увеличению акцизных поступлений, в связи с большим развертыванием подакцизных отраслей легкой индустрии)».

В заключение повторяю—*политика прибылей, спроектированная директивами ВСНХ, должна быть выправлена в смысле уменьшения размера прибыли на единицу товара в целях большего снижения цен на промышленные изделия, чем это намечено директивами.*

Е. Колокольцева.

Нужны ли сменные цеховые ячейки?

В № 10 «Большевика» помещена статья т Дымшица «О сменных цеховых парт'ячейках» В этой статье т. Дымшиц требует повсеместного перехода на систему сменных цеховых ячеек От ориентации на цех, говорит он, «нужно переходить к ориентации на смену, от цех'ячеек — к созданию сменных цех'ячеек». Вся эта фраза в статье набрана разрядкой и стало-быть подчеркнута как ее основная мысль. Между тем опыт сменных ячеек пока еще совершенно незначителен и не дает еще достаточно данных для требования безоговорочной повсеместной реорганизации ячеек. Этот вопрос требует еще самой тщательной проверки, самого внимательного анализа опыта. Тов. Дымшиц ссылается на примеры с цех'ячейками: тоже, мол, пугались трудностей. В этом предвидении трудностей, по-нашему, нет ничего грешного, хотя бы потому, что анализ трудностей и ошибок поможет их и здесь, как во всяком другом деле, устранить.

Не возражая против организации сменных цех'ячеек для опыта на ряде предприятий, хотя и являясь противником перехода на сменные ячейки как системы, проводимой обязательно и повсеместно, думаю, что этот опыт, не приведя к реорганизации низовых ячеек, все же окупится, если поможет найти кое-какие новые способы улучшения массовой работы в сменах.

Начинать нужно, *именно с лучшего приспособления массовой работы к условиям предприятий, работающих по сменам, и тут нужно провести ряд мероприятий, а не начинать с дробления ячейки в цеху.*

Такое дробление будет иметь, несомненно, значительные минусы, о которых нужно подумать. Подумать надо в той плоскости, *есть ли действительно необходимость пойти на такую реорганизацию или же обслуживание сменных предприятий массовой работой легче разрешается иным путем.*

Но сначала остановимся на доводах за организацию сменных ячеек, приведенных в указанной статье т. Дымшица.

Надо прямо сказать, что, несмотря на то, что сменные цеховые ячейки тов. Дымшиц усиленно предлагает буквально как панацею от всех слабостей и недостатков партийно-массовой работы, по прочтении статьи остается совершенно определенное впечатление о ее голословности и недоказательности приводимых в ней аргументов.

Автор начинает с того утверждения, что в настоящее время цеховая ячейка уже «не может являться наиболее гибкой формой организационного охвата рабочих партийным руководством и партийным влиянием». Все спасение в перемене «ориентации» от цех'ячеек к сменным ячейкам.

Прежде всего нельзя противопоставлять массовую работу по сменам работе в цеху. Сменная массовая работа—*это только способ улучшения всей работы в цеху*, являющемся хотя и *частью* предприятия, но частью *внутренне законченной, с определенным производственным заданием*, с определенным составом рабочих.

Цеховые ячейки существуют, как узаконенные уставом организации, 3½ года, а фактически несколько раньше. За этот не слишком длительный период цеховые ячейки показали способность оправдать свое назначение.

Выйдя из периода внутренней сборки, они принялись за участие и осуществление партийного влияния во всей многообразной жизни цеха. Однако, не следует переоценивать этих успехов. В работе цеховых ячеек еще преобладают кампанейские методы, нет достаточного уменья повседневно закреплять свои достижения. Есть не мало и таких цеховых ячеек, особенно на текстильных предприятиях, которые даже не совсем закончили организационный период. Есть цех'ячейки, которые организованы значительно позже XIV с'езда партии.

Именно в том, что цеховые ячейки еще не вполне овладевают руководством в цеху, еще слабоваты, должны еще много поработать над собой, — в этом, а не в том, что они якобы отжили свой век,—как думает т. Дымшиц, — причина недостатков партийно-массовой работы.

Здесь у автора простая переоценка значения форм работы. Но мы не должны забывать, что не в результате только новых форм, а главным образом по мере роста и повышения квалификации низовых партийных кадров, успехов социалистического строительства и роста культурности масс будут расти все быстрее и успехи партийной работы.

Какие же конкретные аргументы за организацию сменных цеховых ячеек приведены товарищем Дымшицем?

«Именно при системе сменных цех'ячеек, — читаем мы, — может быть обеспечен не случайный рост партии, а сугубо подготовленный, организованный и качественно выдержанный». «И может быть, — говорится дальше, — как раз тем, что сменные ячейки только сейчас кое-где начинают появляться, об'ясняется тот факт, что до сих пор мы привыкли вовлекать в партию кампанейским путем и значительно меньше — методом индивидуальной вербовки».

Все это преувеличено и крайне обобщено.

Мы имеем вовсе не случайный рост партии, и все дело в том, чтобы улучшать работу по вовлечению в партию. И дело опять-таки зависит от того, насколько окрепли те или иные ячейки, каков состав и культурный уровень обслуживаемой ими массы.

Известно, например, что в предприятиях металлической промышленности, работают ли они по сменам или не по сменам, партпрослойка относительно числа рабочих в 1½—2 раза больше, чем на текстильных, а рост ячеек на металлических заводах идет более планомерно, ровно и качественно лучше, чем на текстильных фабриках. (На металлических предприятиях партпрослойка составляет 15—20%, иногда больше, на текстильных— 8—10% к числу рабочих). И это вовсе не потому, что среди металлистов мало высококвалифицированных рабочих, о которых т. Дымшиц слишком опять-таки огульно говорит, что «именно этот слой рабочего класса наиболее подвержен всякого рода цеховым пережиткам».

Как раз наоборот, благодаря тому, что металлисты более культурны, что среди них больше квалифицированных рабочих, партработа и вовлечение в партию идут лучше. В партию же не идут те высококвалифицированные рабочие, которые благодаря своим высоким заработкам и личному благосостоянию слишком уходят в свой домашний быт, или старики, которые помнят кое-какие поблажки и привилегии, оказывавшиеся этим одиночкам старыми хозяевами.

Тов. Дымшиц прав, когда считает, что воспитание отсталых рабочих это — «упорная, длительная, повседневная и, пожалуй, ежечасная больше-

вистская работа», но голословен, когда добавляет, что «эта работа по плечу только сменным ячейкам». По плечу только низовым ячейкам, независимо от того, сменные они или цеховые, вряд ли была бы такая работа, если бы за ними не стояла вся партия, которая, как известно, не только через низовые ячейки, но и через все свои звенья, вплоть до высших, ведет воспитательную работу среди масс и руководит ими.

Основное же условие для улучшения воспитательной и индивидуальной работы цех'ячейки среди беспартийных заключается не в том, чтобы создать 2—3 ячейки в одном цеху, а в том, чтобы цеховая ячейка правильно расставила свой актив и вообще своих членов в отделах, этажах и сменах цеха и чтобы руководила их работой и проверяла ее. Организация сменных ячеек сама по себе еще не служит гарантией такой правильной расстановки и использования партийных сил в цеху.

Приведем еще один из доводов т. Дымшица: «Едва ли будет преувеличением сказать, что такие явления, как, например, шахтинское дело, были бы абсолютно немыслимы (?! Разрядка наша. *Е. К.)*, если бы по всей партийной системе мы имели такие низовки, как сменные цех'ячейки». «Находясь в самом низу, в центре производства, сменная цех'ячейка прекрасно улавливала бы настроения рабочих и чутко на них реагировала». Не вдаваясь в рассуждения по поводу «абсолютной немыслимости» и проч., нельзя не напомнить т. Дымшицу, что отрыв шахтинских парторганов от масс исходил не от цех'ячеек, а от районных и окружных комитетов, к которым низовым ячейкам трудно было подступиться.

Что же касается «улавливания и реагирования», то как показывает опыт, наши низовые ячейки «уловляют», замечают, но вот правильно реагировать, осветить, протолкнуть, где нужно, больной вопрос еще сплошь и рядом не умеют.

В этом грех, а не в том, что опоздали с организацией сменных ячеек.

Вот еще образец, так сказать, агитации за сменные цех'ячейки из той же статьи: «Работая по индивидуальной обработке беспартийного актива и вообще беспартийных рабочих, рядовики-партийцы смены будут сталкиваться с целым рядом вопросов и сомнений, на которые они зачастую самостоятельно не в состоянии будут дать нужного ответа; это заставит их самих думать и обращаться за помощью к книге, членам сменного цехбюро, секретарю сменной цех'ячейки, отдельным более развитым товарищам». Конечно. И все это так и есть: и недоуменные вопросы, и самостоятельное мышление, и обращение к книге, и к более подготовленным товарищам, в том числе к членам бюро (хотя и не сменного), только при чем тут организация сменных цеховых ячеек?

Остальные доводы, приводимые в статье, в том же духе, как и вышеразобранные.

Фигурирующими пока доводами в пользу замены цех'ячеек сменными ячейками, необходимость этой реорганизации не доказана.

Все данные опыта, наоборот, говорят о том, что хотя цеховые ячейки еще далеко не исчерпали всех возможностей своей работы, однако, безусловно, стоят на правильном пути и являются жизненной формой осуществления партийного влияния в самой гуще рабочих масс.

Как же проводить работу в сменах? В этом отношении некоторый опыт есть. Надо эту работу рационализировать.

По сменам надо организовать те формы партийной и массовой работы, через которые обслуживаются широкие слои или все поголовно коммунисты и рабочие на предприятии. Нужно обязательно проводить по

сменам все собрания рабочих, производственные совещания в цехах и в масштабе всего завода или фабрики, делегатские собрания по профлинии и по женотделу, широкие совещания актива, комсомольские собрания, курсы и кружки и партийные собрания как цеховые, так и общефабричные, общезаводские.

Но ячейка, как таковая, как партийная организация, должна быть одна и в цеху, а не две или три в одном цеху. Бюро ячейки должно быть одно. При обсуждении какого-нибудь вопроса в цеховой ячейке подсчет голосов через бюро должен вестись на сменных собраниях, и принятыми ячейкой должны считаться те предложения, за которые подано большинство голосов на обоих (или на трех) сменных собраниях вместе.

Известен случай вынесения двумя пробными сменными ячейками одного цеха противоположных решений по докладу той же самой комсомольской ячейки. И правда, какую бы отрасль цеховой работы мы ни взяли, будь то работа с активом, вовлечение в партию или из области производства, трудовой дисциплины и рационализации, — все это — задачи совершенно одинаковые для всего цеха. Разбивать руководство между тремя ячейками безусловно означает поэтому внесение путаницы, бесполезную трату времени на бесконечные согласования между ячейками и перенесение споров в общефабричную ячейку. Последнее в конечном счете приведет к урезке самодеятельности цех'ячеек и к обратной передаче в общефабзаводскую ячейку части их работы.

В этом я вижу вред организации сменных ячеек тем более, что, если пойти по пути новой «ориентации» в организации ячеек от цеха на смену, почему останавливаться на цех'ячейках? Логически тут надо дойти до того, чтобы предложить организовать и в масштабе всего предприятия сменные ячейки. Ведь и перед ними, а не только перед цеховыми ячейками стоит задача приспособления к обслуживанию смен. Но совершенно ясно, что от такой реорганизации ничего, кроме ослабления партруководства, не получилось бы.

Что же касается секретаря и бюро цех'ячейки, то нет никаких оснований требовать, чтобы каждая смена распологала «собственным» секретарем и бюро. Небольшой, узкий коллектив, как бюро цех'ячейки, всегда найдет возможность собраться. А в той смене, где не работает секретарь, вести текущую работу по заданию бюро вполне может какой-нибудь из его членов, работающий в данной смене. Такой порядок будет не во вред, а в пользу, ибо он заставит членов бюро цех'ячейки принять самое близкое участие в работе этого бюро.

Помимо того, в сменах же должна вестись повседневная групповая и индивидуальная агитация и работа по вовлечению в партию. Кое-как эта работа организована и сейчас, но именно кое-как. В целях улучшения ее цеховые ячейки должны взяться за более правильное распределение своих сил на производстве.

Нужно добиться изжития того положения, когда в одной смене коммунистов много, в другой мало, когда коммунисты сосредоточены в одном отделе и их нет в другом. Тут цех'ячейкам надо пойти и на некоторое перераспределение своих членов по сменам и отделам, а также уделить больше внимания вовлечению в партию рабочих из тех смен и отделов, откуда приток слабее.

Надо увеличить количество группоргов и группагитаторов в сменах. На текстильных ф-ках не редкость, что в цеху с тысячей рабочих 4—5 группоргов. Ячейки стараются, чтобы группорг приходился человек на 10—15 коммунистов, и это часто получается

очень механически. Надо пойти на то, чтобы группорг выделялся даже в том отделе, где всего 3—4 коммуниста. Надо улучшить руководство группоргами. Ведь теперь сплошь и рядом все инструктирование их вертится вокруг «задач группоргов», мало связано с повседневной работой, происходит весьма редко. В течение полугода бюро цех'ячеек заслушивают доклады 1—2 группоргов — и все тут. Оргкомиссии тоже недостаточно занимаются группоргами. На многих предприятиях все еще не изжита перегрузка группоргов другой работой. Надо изжить все эти недостатки, и это поставит работу в сменах на твердые ноги.

Наконец, надо, чтобы общефабричные (общезаводские) ячейки улучшили руководство цех'ячейками, чаще проверяли их работу, не ограничиваясь тем (как это делается теперь), чтобы раз в полгода или в год заслушать доклад цех'ячейки.

Укомам и райкомам нужно усилить помощь цех'ячейкам через свой инструктаж и даже, пожалуй, центр тяжести инструктирования перенести в цех'ячейки.

Ц. Фридлянд.

О недобросовестных рецензентах.

М. Князев пишет рецензию на II издание моей «Истории Зап. Европы», но сплошь и рядом цитирует для доказательства I издание книги, «Хрестоматию» и даже «Тезисы и планы», где собраны работы студентов комвузов, иногда ответы заочников ЗКУ и все для того, чтобы меня «уличить». Основной метод рецензии—вырвать цитаты из различных мест всех книг, сопоставить их и получить необходимый рецензенту ответ. Воздерживаясь от оценки подобных приемов, разберу возражения по существу.

1. Вот типичный образец «добросовестной» критики: рецензент жестоко критикует «Тезисы и планы». В этой книге с 1922 года по поручению предметной комиссии Свердловки я собирал студенческие работы. Из года в год, выбрасывая малопригодные, я заменял их лучшими, и это все отчетные работы студентов моих кружков и кружков других преподавателей (см. предисловие). После того, как я ушел из Свердловки, книга эта уже два года не печатается. И вот, все «ошибки» в формулировках этой книги автор приписывает мне, цитируя при этом «тезисы» издания 1922 года. Но я редактор этих студенческих работ и отвечаю за них. Так вот как рецензент обходится с этой книгой: в тезисах студента о синдикализме на стр. 134 (тезисы написаны тов. Коган, студенткой АКВ в 1924 году,—если я не ошибаюсь) излагаются взгляды синдикалистов о том, что синдикат выше партии потому, что он классово-однороден, что классовая борьба проводится наилучшим образом через синдикаты, что стачка—единственная форма классовой борьбы и т. д., а рецензент все это приписывает мне, сопровождая это замечанием: «сколько недоумения вызывает такая формулировка у рабочего студента». Когда я теперь снова просмотрел тезисы, чтобы проверить, не стал ли я синдикалистом, я пришел к убеждению, что «недоумения» М. Князева являются суммой, где слагаемые—невежество и недобросовестность.

2. «Автор не дает четкой характеристики «старого порядка». Для доказательства этого положения рецензент анализирует не мою главу (или главы), специально посвященную «старому порядку», а... главы о Конвенте и Наполеоне. «Старому порядку» у меня в «Истории Зап. Европы» посвящено две лекции (стр. 56—105) В них я достаточно четко говорю о Франции до индустриальной революции, о борьбе в ее социальном строе феодальных и капиталистических элементов.

У меня в книге на стр. 56 сказано о «старом порядке»: «Можно ли говорить о Франции этой эпохи (второй половины XVIII в.), как о феодальной стране. Мы увидим позже, что употребление этого названия без оговорок неприемлемо. Феодализм во Франции накануне революции, не есть система, а огромная масса нагроможденных пережитков; феодальная система разрушена и разложена проникшим в деревню и город капитализмом»... А главное, тут же ясно сказано, что «старый порядок» понятие историческое, что «старый порядок» XVI—XVII, начала XVIII вв. и кануна революции резко отличен. Рецензент проходит мимо всего этого и ищет моих ошибок по этому вопросу в главах о Конвенте и Наполеоне. Как он поступает с этими главами? «В 1799 г. победил Бонапарт, и реставрация монархии, буржуазной монархии (подчеркнуто М. Князевым) началась»... О какой буржуазной монархии у меня идет речь? Раскройте книгу, главу о Национальном Собрании, и вы увидите, что я имею в виду 1789—1791 гг. («буржуазия у власти», «буржуазная монархия»), но не «старый порядок» до 1789 г. «Наполеон шаг за шагом возвращался,—пишу я в другом месте и в другой связи,—к «старому порядку». Рецензент вновь недоумевает. Но как же иначе характеризовать путь Наполеона от 1799 г. к реставрации Бурбонов (1815 г.)? О «старом порядке» в эпоху Наполеона я говорю на стр. 192 точно и ясно в связи с восстановлением имперского дворянства, майората, генералитета и т. д., и т. д. А рецензент делает следующий вывод: так как я утверждаю, что Наполеон I восстановил буржуазную монархию и так как он частично восстановил также «старый порядок», то, следовательно, буржуазная монархия существовала при старом порядке!

Завершила ли эпоха Наполеона I буржуазную революцию в смысле создания буржуазного государства? Очевидно. («Революция пришла к тем началам, которые ее начали: она кончилась»—блестящая формулировка Наполеона I, данная им в «обращении консулов» от 15 декабря 1799 г.). Созданы ли были одновременно его законодательством предпосылки для реставрации монархии Бурбонов? Безусловно. Происходило ли это в эпоху капиталистического развития, роста капитализма или его упадка? Безусловно в эпоху под'ема капитализма. Выполняла ли та часть буржуазии, которая защищала Бурбонов и выступала против Наполеона, реакционную роль? Безусловно. Вот почему я и пишу: «В обстановке роста капитализма реакционной французской буржуазии удалось завершить буржуазную революцию», начатую в 1789 г., а наш рецензент, не связав концы с концами, не понимая, что «старый порядок» менялся от эпохи к эпохе, вырывая мысли из определенного контекста, обвиняет меня в путанице. Я считаю эти два «возражения» рецензента характерными и показательными для всей рецензии.

3. «Автор не дает четкого анализа абсолютизма». Для доказательства этого утверждения рецензент поступает так: он берет одну цитату из второго издания, одну цитату из первого издания, все сопоставляет, произвольно комбинирует и получает то, что надо.

Я во втором издании книги, на стр. 81—82 характеризую паразитизм двора и рост налогового обложения масс. Я пишу: «Вот это превращение государственной власти во власть, эксплоатирующую народные массы...» Рецензент не рассказывает, в связи с чем я употребляю эту фразу, выбрасывает слова «вот это», дающие связь с предыдущим изложением, и превращает ее в мое определение абсолютизма, а затем поучает меня цитатой из Энгельса, что государство всегда эксплоатирует народные массы. Затем он цитирует уже первое издание книги, где дается характеристика абсолютизма. Следуя за Марксом в его определении монархии накануне революции, я в первом издании совершенно точно определил классовую сущность монархии. На стр. 76 я пишу: «Самодержавный король лишь первый среди дворян... Правительство в эту эпоху (конца XVIII в.) выступает так же, как «капиталистический эксплоатаор народа». «Самодержавная власть не может выполнить тех задач, во имя которых она возникла; все попытки реформы

срываются, и против абсолютной власти, возникшей в свое время, благодаря поддержке и в интересах торгового капитализма, но теперь не желающей, вернее, не могущей уничтожить все феодальные пережитки, выступают теперь все классы». И дальше идет раз'яснение, какой класс и почему выступает против самодержавия. Слова «надклассовая», «оторвавшаяся от классов» и так далее взяты повсюду в кавычках, двадцать раз оговорены и пояснены. А рецензент вырывает слова «повисло в воздухе», не об'ясняет, в чем дело, и предлагает осудить меня. Считая, что даже при всех этих оговорках и кавычках читатели могут неправильно истолковать мою мысль, я выбросил все эти формулы из II издания книги, дав специально краткий очерк истории самодержавного государства (петит). Я пишу (уже не петитом): «королевская власть опирается на дворянство и верхушку крупной буржуазии» (56). А дальше раз'ясняю, какая буржуазия, какое дворянство, когда и почему служило опорой самодержавию. Но рецензент проходит мимо этого в своей рецензии на II издание книги, сознательно вводя в заблуждение читателя. Мы предоставляем читателю оценить этот прием «критика».

4. «Автор допускает ошибки по аграрно-крестьянскому вопросу».

В продолжение всей главы о «положении крестьянства во Франции накануне революции» я поясняю, в каком смысле должно говорить о «крепостном крестьянстве» накануне революции, я говорю о личном освобождении крестьянства, о закрепощении его земли, о постепенном проникновении капитализма в деревню, об изменении самого понятия «крепостной», о феодальных повинностях, тяготеющих над крестьянством, особенно отсталых областей. М. Князев заявляет: о «закрепощении крестьян не может быть и речи», а в пункте № 3 обвиняет меня за то, что, по моим словам, от сеньориальных прав осталось «одно название», доказывая, что это не так, потому что, если бы не было крепостничества («сеньориального права» в деревне), не было бы революции. Против чего мне возражать, против первого аргумента («о закрепощении не может быть и речи»), или против второго («сеньориальное право не было в такой степени разрушено»). В какой же «степени» сеньориальное право было разрушено?

В другом месте, по другому поводу, в связи с «феодальной реакцией», я пишу о наступлении «старого порядка», укреплении крепостного состояния крестьян. И тут же раз'ясняю (стр. 65): «Помещики, и среди них немало буржуа, купивших землю накануне революции, содержат целый кадр юристов (февдистов), которые откапывают давно забытые «права» над крестьянами...» А М. Князев жонглирует словом «крепостной», ни звуком не обмолвившись, в какой связи стоит вырванная из текста цитата. Рецензент обнаружил тем самым полное непонимание вопроса о капиталистическом развитии Франции при «старом порядке», вопроса, который стоит теперь в центре внимания исторических исследований.

Дальше. М. Князев пишет: «половничество» не есть вид собственности, как думает автор, а является формой «продовольственной аренды на помещичьих землях» (ссылка на Лукина). Но я в книге ссылаюсь на А. Юнга (читал ли его рецензент?) и пишу: «Колоссальная нужда в земле заставляла крестьян брать землю у собственника и пользоваться ею, отдавая ему треть, а иногда половину урожая» (в «Хрестоматии», не вдаваясь в анализ отдельных форм землевладения, я говорю об арендной плате половника из ½ урожая). Что это—аренда или какая-либо форма землевладения? Дальше, я говорю о «выветривании сеньориального права»; от него осталась только одна юридическая форма и связанные с нею неимоверно тяжелые повинности. Автор рецензии проехал мимо этих строк

и из следующего абзаца, состоящего из четырех фраз, взял одну, по указаниям его «свободной воли»: «Развал старого зашел далеко, от сеньориального права осталось как бы одно название, но сила капитализма еще недостаточна, чтобы уничтожить его окончательно, и феодальное бремя ложится непосильной тяжестью на крестьянство». Я не могу иначе определить в данном случае поступок рецензента, как нечестный прием критика, по всем видимостям, стоящего в оценке истории крепостничества на точке зрения буржуазной юридической школы.

Вот еще один образец подобных методов «критики»: говоря о роли дворянства в государственном аппарате, я пишу о нем, как о самом могущественном сословии во Франции (стр. 69), а говоря об экономическом развитии Франции, как о капиталистической стране, я пишу о буржуазии, как об авангарде третьего сословия. М. Князев ставит это мне в обвинительный акт, как различные формулировки одного вопроса! Но ведь, надо же, наконец, выучиться читать книги! Я утверждаю, что мелкая буржуазия во Франции была классом, не заинтересованным в развитии индустрии, промышленного капитализма (стр. 72), а на стр. 173—174 я говорю, что якобинцы, партия мелкой буржуазии, расчистили пути для капиталистического развития... По поводу этого «противоречия» отсылаю рецензента к Марксу—о плебейском способе осуществления буржуазной революции. Дальше: у меня сказано: «основная масса третьего сословия—крестьянство», а говоря о роли отдельных групп в рядах третьего сословия, в другом месте и в другой связи, я пишу о том, что деловая торгово-промышленная буржуазия — основная, руководящая часть третьего сословия. И возмущенный рецензент спрашивает меня: «что же основное?» То основное, что прежде, чем писать рецензии, надо выучиться читать книги и понимать то, что пишут в них. Я пишу в «Хрестоматии» на стр. 18: «с конца XVIII в. начинается эпоха безраздельного господства буржуазии», а дальше, на стр. 223, я отмечаю, как в Англии в 30-х гг. XIX в. шла еще борьба различных групп буржуазии друг с другом и с пережитками феодализма. Рецензент ставит по этому поводу вопросительный и восклицательный знаки. Что же это означает? XIX век не был веком безраздельного господства буржуазии или же в продолжение XIX в. буржуазии не приходилось бороться с пережитками феодального режима? Диалектика исторического развития с трудом, видимо, дается рецензенту.

А вот насчет марксизма рецензента... Уже не указывая ни книги, ни издания, а просто «на стр. 69», М. Князев авторитетно отвергает мое положение, что «сословия совпадают с основным классовым делением общества». Доказательство: «принадлежность к третьему сословию (буржуа, крестьянин, рабочий) не совпадает (подчеркнуто Князевым) с классовым положением»... А не доказывает ли это положение М. Князева, что сословие — оболочка для блока различных классов, а следовательно, совпадает в основном с классовым делением общества? Мы рекомендуем рецензенту прочесть соответствующую главу в книге Н. И. Бухарина «Ист. материал.».

Наконец, в этом же разделе рецензии читаем: «Фридлянд держит такую речь — «мы будем иметь дело с «Западной Европой» (Слушайте!). Нет такой страны, которая называется «Западная Европа» (какая популярность!). Это произвольное (!) соединение истории трех стран—Англии, Франции и Германии. Что дает нам право соединять эти страны в одно целое—«Западная Европа»? (Слушайте!). Только одно—капитализм». Но во II издании сказано: «мы будем иметь дело с историей трех стран — Англии, Франции и Германии; мы отметим основные моменты истории САСШ и некоторых мелких европейских государств, в отдель-

ных случаях мы затронем и историю колониального Востока». Эти слова рецензент опускает и возмущенно пишет: «А почему тогда автор «произвольно не берет, например, Японию, Америку»... В поучение рецензенту: выделение западно-европейских стран в отдельный исторический комплекс характерно для буржуазной историографии, которая представляет «Западную Европу», как авангард цивилизации и т. д. Если мы, коммунисты, строим курс западно-европейской истории, то это не потому, что мы к истории Зап. Европы сводим всю мировую историю, а только потому, что эти страны типичны для истории капиталистического общества; в этом смысле мы их «произвольно» выделяем.

Идем дальше. М. Князев пишет: «О крестьянстве, как движущей силе революции, автор ни слова не говорит». Читаем на стр. 117 «Истории Запада»: «сама история В. Ф. Р. сводится не только к истории борьбы буржуазии с феодальным порядком, но и к истории борьбы внутри 3-го сословия, между буржуазией, крестьянством и рабочим классом»... На стр. 129 до очевидности ясно сказано: «Учредительным Собранием не был разрешен крестьянский вопрос, тем самым неразрешенным остался вопрос, который будет в последующее время служить причиной углубления революции и ее превращения в гражданскую войну». К этому вопросу я возвращаюсь десятки раз... «Ни слова о крестьянстве»?!!

Кто является историческим авангардом 3-го сословия. «Буржуазия», которая, сказано у меня, является вождем 3-го сословия; она будет стремиться в корне уничтожить старый общественный порядок, препятствующий развитию капитализма. Подчеркнутые слова пропущены рецензентом, слов: «деловая буржуазия», на стр. 75 у меня нет. Вообще, обо всем этом у меня идет речь на стр. 175. На стр. 175, говоря об отдельных этапах революции, я пишу: «революция началась, как общенациональный протест, и в первые годы власть очутилась в руках буржуазной аристократии (1789—1791), чтобы затем, под руководством «деловой» буржуазии, нация продолжала штурм старого порядка». «Но только после 31 мая — 2 июня 1793 г. — Жиронда уступила свое место Горе, торгово-промышленная буржуазия потерпела поражение в борьбе с мелкой буржуазией, возглавлявшей трудящиеся массы». Противоречит ли тому факту, что в конце XVIII в. авангард 3-го сословия, буржуазия, и ее передовая часть, руководила массами, на известной ступени революции (до 31 мая), то, что после изгнания из Конвента Жиронды во главе масс стали якобинцы, идеологи мелкой буржуазии? Но ведь это элементарно! М. Князев думает иначе: если, говорит он, буржуазия «руководила массами», была наиболее революционным элементом общества, то зачем ее нужно было свергать. Когда, где, при каких условиях,—все это рецензент пропускает и в заключение цитирует Ленина о том, что в буржуазной революции, буржуазной по своему историческому значению, не буржуазия, а «плебс» играет руководящую роль. Но это является руководящей мыслью моего изложения (см. стр. 173). Если я на стр. 75 говорю «вождь», на стр. 173 пишу «вождь» в различном сочетании со словами буржуазия, мелкая буржуазия, интеллигенция и в различной связи, то мой рецензент выписывает все эти слова, сопоставляет их и приходит к выводу, что в одном месте у меня вождь буржуазия «деловая», в другом—мелкая, в третьем—интеллигенция и т. д. Что это—неумение читать или манера цитирования?

5. «Автор неправильно оценивает историческое значение Великой французской революции».

По мнению М. Князева, я в «Истории Западной Европы» обошел молчанием международное значение Великой французской революции.

Но на стр. 173 целый раздел—«Значение якобинской диктатуры», который трактует об этом; об этом же я говорю также и там, где речь идет о войнах революции, о Наполеоне.

Если я в «Хрестоматии» пишу: «международное значение Великой французской революции об'ясняется тем, что в XVIII в. в государствах старой Европы почти наполовину был разрушен феодальный порядок, французская революция закончила эту ликвидацию», если я затем в статье в ЗКУ № 1 говорю о том, что революционная армия «железной метлой вымела остатки феодализма», а в № 3 ЗКУ пишу: «революция 1848 г. в Европе выполнила задачи 1789 г.; она повсюду окончательно ликвидировала пережитки феодализма», то пропуская всю историю Европы с 1795 по 1848 г., которой посвящено до 200 страниц в моей «Истории Зап. Европы» и десятки в других книгах, где рассказано, как за это время восстановлена была значительная часть старого феодального хлама», «добросовестный» рецензент восклицает: «противоречие!».

Но кульминационного пункта «искусство» рецензента достигает там, где он касается вопроса о причинах войны между Европой и Великой революцией. Я, как и все марксисты, следуя за Жоресом, долго считал, что война 1792 г. была результатом исключительно политики Жиронды; за последние два—три года я радикально пересмотрел этот вопрос и последнее время во всех новых изданиях своих книг провожу другую точку зрения, считая, что якобинцы были врагами войны, потому, что не желали гражданской войны, что война была неизбежна, и необходимо было революции перейти от обороны к наступлению. Что же, в угоду М. Князеву, не исправлять в новых изданиях то, от чего я отказался, чтобы не было «противоречий»?

Говоря о кризисе социализма в годы войны и крахе II Интернационала, в «Хрестоматии» я пишу: «одна из причин его гибели была та, что рабочее движение оказалось без революционных вождей»..., а дальше идет перечисление ряда других причин. М. Князев выхватывает только эту причину и изображает дело так, будто, по нашему мнению, только в этом причина краха социализма и т. д., и т. п., без конца.

Я оставлю в стороне «общую» характеристику рецензентом 15-й лекции моей книги, укажу только, что ее задача—дать краткую характеристику мировой истории за 1848—1871 гг. Запада, Америки и Востока: она должна быть введением ко всем остальным лекциям. Любопытно, что рецензент ни слова не сказал о том, что впервые для наших учебных книг я дал в своей книге суммарные очерки по истории Америки, Италии, Австрии, Испании и т. д.

Вот еще один казус—М. Князев авторитетно заявляет—нельзя считать правильным с методической стороны слияние двух тем «Парижская Коммуна и I Интернационал». Как везде, и здесь—ложь, эти темы у меня не слиты, а теснейшим образом связаны. Вопрос о расколе Интернационала я анализирую после изложения истории Коммуны (в двух главах). Верно ли это? Послушаем М. Н. Покровского (М. Князев «уважает» авторитеты): «Не подлежит никакому сомнению, что конец I Интернационала связан с разгромом Парижской Коммуны... Все это (история Интернационала в учебниках по истории Запада) изложено раньше описания Парижской Коммуны, так что связь с Коммуной совершенно исчезает...» Это было сказано в Обществе Историков-Маркс. на дискуссии по докладу т. Иоаннисиани и признано всеми. Я во 2-м издании последовал этому совету и поступил правильно. Кстати, почему рецензент на этот раз не отмечает, что в «Хрестоматии» все как было—обе темы отдельно. Это было бы новым противоречием. На сей раз это, однако, неудобно.

Дальше. Если я рассматриваю эпоху 1866—1871 гг. в 5—6 главах и специально 1870—1871 гг. в 4 главах (Германия, Франция, Интернационал,

Коммуна), то рецензент хочет, чтобы я говорил о франко-прусской войне только 1 раз; если Прудон и Бланки действовали с 30—40-х годов до 70—80-х гг. XIX в., то я тоже должен говорить о них только один раз. Это называется методикой?!

Затем, «совершенно слабо освещен вопрос о бонапартизме». В главе о Наполеоне I, в главах о Наполеоне III собран на многих страницах значительный материал по этому вопросу, но мой рецензент не удовлетворен. Почему? Не сказано. И даже то, что глава, посвященная Конвенту, где центр тяжести — в истории диктатуры мелкой буржуазии, а вместе с тем, из-за отсутствия места дана история Конвента с 1792 по 1795 г., что и указано в подзаголовке, внесено рецензентом в обвинительный акт.

Но вот еще один казус. «Ссылаясь на оценку мануфактуры и разделения труда», на которую в свое время указывал Маркс, я дальше на протяжении 40—41 стр. излагаю взгляды Маркса по этому вопросу, а рецензент пишет, опуская это изложение: «автор ограничился ссылкой на «причину, о которой в свое время указывал Маркс. Такое об'яснение ничего не об'ясняет». Одно из двух: или я неправильно изложил Маркса, тогда почему об этом ни слова, или рецензент не читал Маркса и поэтому не узнал в моем изложении соответствующую главу Маркса?

Рецензент утверждает, что в моих книгах («Хрестоматии» и «Истории») не собраны мнения Ленина о европейской истории XIX—XX вв. Но это—новая ложь. В «Хрестоматии» дано в 9 главах 20 отрывков из Ленина, в книге дан подробный анализ взглядов Ленина в специальных разделах каждой главы (25 раз—я вынужден был подсчитать).

Нельзя пройти мимо того обстоятельства, что рецензент ни единым словом не обмолвился о ряде новых материалов, использованных нами в ИМЭ по вопросам Великой революции (специально по Марату, 9-е Термидора, война и т. д.), в главах о сороковых годах впервые дан систематический очерк истории европейского крестьянства по отдельным странам и т. д., и т. д. Но рецензенту нет до этого дела, и он считает «отсебятиной» все то в моей книге, что не совпадает с другими книгами. Моя трактовка вопросов Великой революции, которая вызвала и вызывает оживленную дискуссию в «Историке-Марксисте» и т. д. отмечена им только как противоречие между первым и вторым изданием книги...

Оставляю читателю оценку приемов рецензента. С возмущением должен, однако, отбросить заявление рецензента, что я занимаюсь саморекламой. Характеристика моей «Хрестоматии» принадлежит не мне, а редакции журнала ЗКУ. Для меня отзывы всех добросовестных критиков служили и будут служить школой. Но отзывы, подобные рецензии М. Князева, могут иметь только одну «целевую установку» — «изничтожить» автора, отбить у него всякую охоту работать. М. Князев оказал отвратительную услугу делу самокритики... Это образец недобросовестной, злобной критики, недостойной коммуниста.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Г. САНДОМИРСКИЙ и П. ПАСКАЛЬ.—«Французская социалистическая партия». ГИЗ. 1928. 161 стр.

В нашей литературе не имеется всеохватывающего изложения истории социалистических течений, социалистического движения и социалистической партии во Франции. Надобность в такой истории давно ощущается. Вероятно, этим соображением руководился Госиздат, выпуская книжку Сандомирского и Паскаля о французской социалистической партии. Выбор неудачный. Внешне книжка многообещающая, ибо содержит 27 глав, из которых вторая начинается с изложения времен Парижской Коммуны, а последняя глава посвящена уже предпоследнему конгрессу французской социалистической партии, имевшему место в декабре 1927 г. А по содержанию изложения она весьма слаба, поверхностна. В предисловии сказано очень скромно: «Авторы не претендовали на исчерпывающее изложение всей зигзагообразной истории французской социалистической партии». Но, по крайней мере, они надеются, что их книжка поможет читателю «усвоить себе главнейшие вехи эволюции французской социалистической партии». У нас все основания глубоко сомневаться: вряд ли она поможет читателю, если читатель не найдет других путей изучения французской истории вообще и истории социалистической партии в частности. Да и как же может быть иначе, если сами авторы не поняли и не усвоили себе эти «главнейшие вехи», они не поняли ни сущности главнейших разногласий, ни характерных особенностей главнейших социалистических течений во Франции. Они не выяснили себе действительных причин, обусловивших развитие, перерождение и падение французской социалистической партии. Нельзя же, в самом деле, излагать историю двадцати социалистических, синдикалистских и анархистских течений и группировок во французском рабочем движении, их слияние в единую партию и банкротство этой партии, не увязывая это изложение с исследованием изменений в экономике Франции, с классовыми перегруппировками, с классовой борьбой, с политической жизнью. Об этом авторы не задумались. Хуже того, там, где они решили кое-что сказать, там они продемонстрировали и незнание французской истории вообще, и неумение оценить классовую подоплеку происходящих событий, и непонимание марксистского метода исследования и анализа. Демонстрацией такого тройного невежества служит глава третья. Она представляет образец «надклассового» журналистического мудрствования. Авторы попробовали дать оценку экономического под'ема середины восьмидесятых годов. А вот что вышло у них, вот в чем состоит их оценка: «Поразительно, с какой быстротой,—пишут авторы,—стали возрождаться во Франции земледелие и промышленность и как быстро крепли ее торговля и финансы. Казалось, будто страна с необычайным рвением стремится залечить нанесенные раны, устранить печальные последствия войны и наверстать потерянное время. А между тем французам было над чем поработать...» (стр. 12).

Какая это «страна»? Чьи раны лечили? Какие это французы? Казалось бы, что авторы, которые иногда беспощадно и правильно критикуют непоследовательность гэдистов, должны были говорить не о «стране», не о «ранах», не о «французах» вообще, но о французских капиталистах, о развитии французского капитализма. Приводя пару цифр в доказательство наметившегося хозяйственного под'ема, авторы делают «поразительно» смехотворный вывод. У них написано буквально следующее:

«Перед лицом такого экономического под'ема силы внутренней реакции ослабевают. Политическим выражением отступления крайних реакционных элементов является сначала окончательное утверждение республиканского строя, который в 1875 г. получает свое конституционное признание» (стр. 13).

Верна ли подобная оценка? Совершенно не верна, совершенно противоречит действительности. «Силы внутренней реакции» ничуть не ослабели, а просто приспособились к «республиканскому режиму», проникли его и все более и более начинают им пользоваться. Конституция 1875 года является как раз детищем торжествующей внутренней реакции. Стоит только сравнить эту конституцию 1875 г. с конституцией Второй республики (ноябрь 1848 г.), чтобы убедиться, насколько консервативнее и реакционнее государственное устройство Третьей республики.

Конституция 1875 года, созданная под непосредственным впечатлением восстания парижского пролетариата, явилась юридическим закреплением торжества крупной буржуазии и буржуазной политической реакции. Третья республика превратилась в империю с «президентом республики» во главе. В основу Третьей республики легло то государственное устройство, которое было создано Первой империей. Разве можно даже сравнивать конституцию Третьей республики (1875 г.) с конституцией Второй республики (ноябрь 1848 г.)? Президент Второй республики избирается на 4 года; президент Третьей — на 7 лет. В 1848 г. президента избирали народным, всеобщим, равным и прямым голосованием. По конституции 1875 г. его избирает «национальное собрание» (общим заседанием палаты депутатов и сената). А сенат? Это учреждение создала конституция 1875 г. Его нет ни во Второй, ни в Первой республике. Сенат это — одно из специфических учреждений монархического строя. Раньше (во Второй республике) президент был ответствен перед национальным собранием; теперь он неответствен. Раньше он не имел права распустить палату депутатов; теперь он, с согласия сената, это право имеет. Как и все монархи, президент Третьей республики назначает всех государственных чиновников, включительно министров.

И вот, в этом самом государственном устройстве (Третья республика и конституция 1875 г.), в котором реставрированы, несмотря на три революции, все орудия специфического буржуазно-классового аппарата политического гнета Первой империи, в этом государственном устройстве, которое из всех своих пор дышит чувством победителя-буржуа, — в нем именно наши авторы нашли доказательство того, что «силы внутренней реакции ослабевают» и что «мелкая буржуазия, действующая под республиканским стягом, выходит на политическую арену, становится постепенно хозяином положения», что «в ее руки переходит вся полнота политической власти» (стр. 13). Поистине изумительное невежество! Но дело не только в невежестве авторов. На этом же самом моменте спотыкается очень часто большинство французских передовых пролетариев, потому что именно подобную философию разводили как раз родоначальники буржуазного «оппортунизма» (Гамбетта) и радикалы, которые каждое отречение от своей программы и каждое приспособление к торжествовавшей и крепнувшей экономически и политически крупной буржуазии представляли, как победу «широких масс» и «республиканской демократии».

Третья республика и конституция 1875 года могли явиться на свет французский только в результате подавления пролетариата и политического обезвреження мелкой буржуазии. С этого момента начинается процесс постепенного и неуклонного приспособления крайних реакционеров и разных монархически-клерикальных клик к «консервативной республике». С этого момента открывается эта империалистическая политика колониальных грабежей, захват железных дорог 6 железнодорожными компаниями, начало протекционизма.

Окрепшая политически в своей «консервативнейшей республике» крупная буржуазия дает «амнистию», и дает она ее в тот момент, когда сам Гамбетта уже энергично выступает против амнистии.

Если авторы не поняли таких элементарнейших вещей, им, конечно, будет трудно представить нам ясную и полную картину той экономической, классовой и политической обстановки, в которой зародилось, после поражения Коммуны, рабочее движение и различные социалистические течения и группировки. Мимоходом, «зигзагообразно» они упоминают то тут, то там о «поссибилистах», о «независимых социалистах», о «гэдистах», об «аллеманистах», о «бланкистах», об «анархистах» и прочих течениях. Но в чем их характернейшая черта, какие об'ективные социально-политические и идеологические влияния находили отражения в этих течениях — об этих вещах в книжке ничего не сказано. Наши авторы вообще не продумали самостоятельно излагаемую ими историю, а удовлетворились эклектическим пересказыванием тех или других эпизодов, заимствованных ими либо у Зеваеса, либо у Поля Луи.

Много возмущения у авторов против Жюля Гэда. И многие стороны деятельности Гэда и его политической и тактической линий ими об'яснены личными качествами Гэда. На вопрос, почему не произошло сближение и об'единение гэдистов с бланкистами, авторы отвечают: «От бланкистов его (Гэда) отталкивало то, что по самой своей натуре он был неспособен к конспиративной, заговорщицкой деятельности» (стр. 18). На другой вопрос, а именно, как это случилось, что «бруссисты» успели быстро увлечь широкие массы, а гэдисты остались некоторое время изолированными от масс, авторы отвечают: «А может быть это проистекало из присущей ему крайней нетерпимости к своим политическим противникам» (стр. 42).

Историческая положительная роль гэдизма во французском рабочем и социалистическом движении громадна. Заслуги большие. Их нельзя отрицать. Огульно и бесцеремонно гэдизм нельзя осуждать. Правильно и абсолютно необходимо беспощадно разоблачать и бичевать социал-оппортунистическое и социал-империалистическое вырождение гэдистов и позицию и деятельность самого Гэда уже до войны, но в особенности во время и после войны. Однако, гэдизм прежнего типа, до 1905/06 года, остается все-таки единственным последовательным марксистским течением во Франции. И еще долгое время французским пролетариям и коммунистам придется учиться марксизму и ленинизму именно через довоенный гэдизм. С тем большей внимательностью и серьезностью следовало бы подходить к критике ошибок и уклонов гэдизма и гэдистской партии до образования единой социалистической партии. А у наших авторов вышло шиворот на выворот. Они хвалят как раз то, что надо всесторонне раскритиковать, а критикуют то, что как раз правильно.

Совершенно неправильную, немарксистскую оценку дают авторы той узко-сектантской позиции пассивности и доктринерского «невмешательства», которую защищал Гэд во время дела Дрейфуса. По их мнению, позиция Гэда, «это — борьба классовой, марксистской точки зрения с внеклассовым идеализмом сначала Поля Брусса, затем Жана Жореса» (стр. 50). По их мнению, точке зрения Гэда «нельзя отказать в классовой прямолинейности и выдержанности» (стр. 51). Немножко ниже, на той же 51 стр., в третий раз авторы находят, что у Гэда была «строго-марксистская трактовка народных движений». Наконец, на стр. 61 авторы прямо находят, что Ж. Гэд проявил «стопроцентную выдержку». Верно и всем известно, что вокруг дела Дрейфуса возникло настоящее широкое народное движение. И если на поверхности этого движения с чисто - формальной стороны вещей сталкивались и боролись друг против друга две фракции французской буржуазии, не менее верно также то, что к этой свалке примкнули все слои широких трудящихся масс и почти все категории пролетариата. Более того: эта «внутренняя

борьба» во Франции сосредоточила на себе внимание всей Европы и послужила толчком к обострению классово-политической жизни во всех европейских странах.

И вот, когда налицо такое широкое массовое народное движение, вспыхнувшее потому, что на деле Дрейфуса массам сразу стала видна вся система коррупций, подкупов, безобразий государственного, правительственного и милитаристического буржуазного аппарата, когда поссибилист Брусс и идеалист-оппортунист Жорес (в этот период сторонник и защитник министериализма и его прототипа Мильерана), несмотря на их внеклассовую трактовку социально-политических вопросов и событий, все-таки более правильно оценили момент и своим чутьем, благодаря более длительному и более непосредственному своему контакту с массами, поняли необходимость не держаться в стороне, не замыкаться в сферах доктринерских рассуждений, а активно принять участие в этом движении, — в этот момент Жюль Гэд и бывший бланкист и коммунар Вальян не нашли ничего лучшего, как замкнуться в области теоретически-общих формул против реформизма и бросить пролетариям, уже увлеченным движением, лозунг, смысл которого можно резюмировать следующим образом: «Не марайте ваших рук: дело касается не рабочего, а какого-то буржуя, пусть буржуи дерутся, вам нельзя выбирать между чумой и холерой». Гэд и гэдисты Франции на деле Дрейфуса продемонстрировали свой органический дефект, свою неспособность связывать теорию с практикой и в особенности с практической, живой, конкретной массовой борьбой. Реальному положению вещей и жгучим, неотложным задачам конкретного момента они противопоставили академическую формулу политической пассивности. Ничего марксистского в этой, внешне очень «непримиримой» формуле нет. Странно, как и до сих пор находятся люди, в роде наших авторов, которые этого не поняли!

В книжке авторов можно найти не мало таких примеров неправильного освещения вещей, вопросов, проблем и событий. Останавливаться на всех, однако, невозможно. Неправильно авторы критикуют позицию Гэда в профсоюзном вопросе. Конечно, позиция Гэда в профсоюзном вопросе далеко не безупречна, но наши авторы ведут атаку против Гэда с идейно-организационной траншеи Лагарделя и пускают в оборот анархические аргументы. Неправильно они критикуют Гэда за его позицию в кооперативном вопросе. Тут они изменяют Лагарделю и анархистам и в искаженном виде перефразируют те формулировки, которые давал много раз Жан Жорес. Аллеманистов наши авторы тоже не поняли.

Непростительнейшее упущение насчет «всеобщей стачки» и анархистов. О «всеобщей стачке» авторы вспоминают в нескольких местах. Но они упускают из виду, характеризуя сторонников и противников, что идея о «всеобщей стачке» в начальную пору социалистического движения проповедывалась и предлагалась как средство непосредственного воздействия на парламентско-выборную борьбу, как подсобное орудие к легально-парламентским махинациям и в противовес тем социалистам, которые оставались еще верными тактике «революционного восстания».

Нигде авторы не заикнулись насчет мелкобуржуазной социальной основы анархизма и анархо-синдикализма. Не видно у них также, как, в каких группировках и течениях отражалось идейное влияние прудонизма и возрождение прудонизма. Небрежно отнеслись авторы к фактам и датам. Об убийстве Жореса они лаконически сообщают, как будто дело идет о каком-нибудь происшествии: «В тот же день он падает от руки фанатика-патриота» (стр. 124). Поверьте, ни слова больше! Интересно было бы знать, на каком основании наши авторы произвели в «фанатика-патриота» послушного агента-инструмент Пуанкаре — Извольского? Зачем же им понадобилось повторять слова Вивиани, тогдашнего министра-президента? По книжке авторов, Циммервальдская конференция собралась 5 февраля 1915 г., а на самом деле она имела место точно на 7 месяцев позже — 5 сентября.

Датой образования «Комитета возобновления международных сношений» указано: «в начале 1916 года», а на самом деле «Комитет» был образован еще летом 1915 г., а после возвращения «циммервальдцев», осенью 1915 г., «комитет» уже активно работает.

А вот новый образец «марксистского» (!) понимания авторов. Дело касается такого «события», как восприятие 14 пунктов вильсонизма со стороны социалистов. Акт восприятия «оценивается» следующим образом: «С этого момента социалистическая партия становится носительницей идеи Лиги Наций, чем она в то время все-таки проявила некоторое мужество» (стр. 133). Совершенно верно, дорогие авторы, мужество социалисты проявили в тот момент, но не против буржуазии, как в вашей книжке написано, а в интересах буржуазии. Печальное мужество в деле позорнейшего обмана уже протестующего и негодующего пролетариата и восстающих, бунтующихся солдат и матросов. Не буржуазия, а социалисты задержали, расстроили, парализовали и погубили тогдашнее массовое движение.

Еще пару замечаний. Если история французской социалистической партии до войны изложена авторами поверхностно и часто неправильно освещена (и многие важнейшие моменты и стороны прямо опущены); если недостаточно затронут и проанализирован период войны, то хуже всего освещена деятельность французской социал-демократии в период после войны. Вместо истории и оценки вышло что-то в роде неплохой агитационной газетной статьи. Авторам показалось «неинтересным» серьезно исследовать, что собой представляют течения внутри социалистической партии. Им «неинтересно» заниматься критическим разбором новейшей «идейной» эволюции социалистов. Авторы старательно обошли те реальные проблемы и вопросы, вокруг которых шла борьба. Что собой представляет в данный момент французская социалистическая партия, из книжки авторов не видно. Вообще говоря, их больше всего интересовала формальная сторона вопросов, формальные заявления или речи того или другого социалистического «вождя», формальные решения того или другого с'езда социалистической партии.

Рецензируемая нами книжка может представлять интерес только как сборник эпизодов из истории французской социалистической партии, сборник отрывков и выписок. Изложение сделано агитационным стилем. Для изучения истории социалистического движения во Франции книжка не годится.

Ш.

Письма в редакцию.

В редакцию „Большевика“.

В связи с запросом группы пропагандистов из г. Славянска считаю необходимым остановиться здесь на одной ошибке, допущенной мной в докладе «О работе в деревне» на XV с'езде. Там я говорил в главе об оппозиции следующее:

«Оппозиция обыкновенно приводит следующее место из одной статьи Ленина: «Уметь достигать соглашения с средним крестьянином, ни на минуту не отказываясь от борьбы с кулаком и прочно опираясь только на бедноту»,—вот (говорит оппозиция) наиболее точное, наиболее правильное определение политики нашей партии!

Так ли это, товарищи?

Нет, это абсолютно не так, этого совершенно недостаточно для настоящего времени.

Имейте в виду, что эта цитата из Ленина, на которую ссылается оппозиция, взята из одной статьи Ленина, относящейся к осени 1918 года, к периоду комбедов. (См. Ленин, том XV «Ценные признания Питирима Сорокина»). Это был период, когда двумя строчками выше Ленин говорил: «Средний крестьянин нам не враг». Проще говоря, это была формула конца периода, так называемой, нейтрализации среднего крестьянства.

И эту формулу оппозиция хочет теперь применять по отношению к среднему крестьянству, как наиболее точную! Разве это не издевательство над Лениным?

Но этим оппозиция явно пытается тащить нас назад. Этим самым оппозиция явно отказывается от основного ленинского завета о прочном союзе с середняком в период строительства социализма. Оппозиция стремится тащить нас к 1918 году, к периоду нейтрализации середняка и тем до конца разоблачает свою антиленинскую политику. Партия прошла давно период нейтрализации середняка, и с 1919 года (с VIII с'езда партии) осуществляет уже лозунг прочного союза с середняком для строительства социализма.

Но не случайно именно эту формулу оппозиционеры берут основной своей формулой».

В этой части доклада, помимо совершенно правильной критики оппозиции, дано неправильное толкование приведенной здесь цитате Ленина.

Мною правильно было указано, что «оппозиция явно отказывается от основного ленинского завета о прочном союзе с середняком в период строительства социализма», т.-е. в период после нейтрализации середняка. Но здесь же была допущена и ошибка, заключающаяся в том, что формула Ленина «уметь достигать соглашения с средним крестьянином, ни на минуту не отказываясь от борьбы с кулаком и прочно опираясь только на бедноту», была мною отнесена к периоду нейтрализации середняка. На самом же деле эта формула является точной формулой политики партии именно для периода после нейтрализации середняка, для периода «прочного союза» с середняком. Легко убедиться, что у Ленина политика «прочного союза» пролетариата с середняком равнозначна политике «соглашения» пролетариата со средним крестьянством (см. резолюцию VIII с'езда партии о работе в деревне и речи Ленина на том же с'езде).

Да и исторически слова Ленина: «Уметь достигать соглашения с средним крестьянином и т. д.» относились к такому периоду (ноябрь 1918 г.), когда партия уже повела линию на прекращение комбедовского периода, приняв решение о перевыборах советов и прекращении дальнейшего существования комбедов (VI С'езд Советов в начале ноября 1918 г.).

Из этого, между прочим, ясно и то, что помещение лозунга Ленина «Уметь достигать соглашения с средним крестьянином, ни на минуту не отказываясь от борьбы с кулаком и прочно опираясь только на бедноту» в числе лозунгов ЦК к 1-му мая, появившихся в печати за моей подписью («Правда», 24 апреля), давая ответ на ошибку, допущенную мною в докладе на с'езде, по-моему, уже тогда полностью исправляло эту ошибку.

В. Молотов.

27 июня 1928 г.

Письмо в редакцию от Общества Историков-Марксистов.

(По поводу «рецензии» на книгу Ц. Фридлянда «История Западной Европы 1789—1914 гг.», ч. I).

Помещенная в № 11 «Большевика» рецензия т. Князева не может не вызвать глубокого недоумения. Развязный тон автора рецензии с бьющими на сенсацию подзаголовками, обвиняющими т. Фридлянда в «буржуазном

грехопадении», и общая оценка книги являются совершенно непонятными для тех преподавателей вузов, рабфаков и совпартшкол, которые имеют все права считать себя не менее компетентными в вопросе, чем тов. Князев, и в течение многих лет рекомендовали своим студентам книги т. Фридлянда. Тов. Князев не мог не знать, что учебники тов. Фридлянда являются наиболее распространенными марксистскими пособиями по истории Запада в наших школах и что о них имеются многочисленные положительные отзывы (а не только рекомендация ГУС). Тов. Князеву также, вероятно, известно, что т. Ц. Фридлянд ведет активную и успешную борьбу с искажениями марксизма в области исторической науки. Все это требовало от автора рецензии максимума литературной добросовестности. На самом деле рецензия пестрит рядом произвольных толкований и искажений (неверная передача цитат, произвольное сопоставление незаконченных фраз и т. д.), которые никоим образом не могут быть об'яснены неопытностью автора, этим произведением, повидимому, начинающего свою литературную деятельность. В настоящем письме общество не ставит своей целью критический разбор книги Фридлянда и рецензии т. Князева. На ряд выпадов рецензента тов. Фридлянд отвечает сам на страницах «Большевика»; подробный же разбор книги с указанием ее достоинств и недостатков будет помещен в очередном номере «Историка-Марксиста». Настоящим письмом Общество Историков-Марксистов хочет только отметить, что та общая оценка, которая дана рецензентом, и приписывание тов. Фридлянду ряда обвинений в немарксизме совершенно не верны. Книга тов. Фридлянда является вполне марксистским учебником, и отдельные литературно-редакционные небрежности, которые действительно в учебнике имеются (в книге 700 стр.), все же не дают оснований обвинять автора в немарксизме. Попытка же т. Князева «сыграть» на этих литературных ляпсусах может быть отнесена к самому худшему виду «рецензирования», конечно, ничего общего не имеющего с научно-критическим марксистским разбором.

С коммунистическим приветом

Председатель Совета Общества Историков-Марксистов *М. Покровский.*

Ученый секретарь *П. Горин.*

От Правления Института Красной Профессуры.

О Восточном Секторе истор. отд.

Условия приема.

В 1928—29 учебном году при Историч. отделении ИКП открывается восточный сектор, задачей которого является подготовка научных работников в области истории современных проблем зарубежного и советского Востока.

Условия приема и вступительные требования на восточный сектор Истор. отделения в основном те же самые, что и для всех поступающих в Институт Красной Профессуры по Историческому отделению. (См. условия приема, опубликованные в журналах: «Коммунистическая Революция» № 6, «Большевик» № 7, «Под Знаменем Марксизма»).

Кроме того, от поступающих на восточный сектор требуется:

а) Общее знакомство с одной из восточных стран.

б) Знакомство с современными проблемами Востока.

в) Знание следующей литературы:

I. Ленин:

1) тт. XIX и XIII (целиком);

2) т. IV, статья «Национальный вопрос в нашей программе»;

3) т. XIII, статьи: «Крах II Интернационала», «О карикатуре на марксизм и об империалистическом экономизме»;

4) т. XVI. «Речь на II с'езде коммунистических организаций Востока».

II. Сталин:
1) «Марксизм и национальный вопрос» (в сб. «Марксизм и национальная проблема»);
2) доклады и заключ. слово на X и XII с'ездах партии по национальному вопросу (стенограф. отчеты);
3) «Октябрьский переворот и национальный вопрос», сборн. стат.;
4) «К постановке национального вопроса» (в сборн. «Национальный вопрос и Советская Россия»);
5) статьи по нац. вопросу в «Вопросах Ленинизма»; там же 5 гл., там же— «О политических задачах КУТВ».

III. Доклады и резолюции на III и V конгрессах Коминтерна по колониальному и национальному вопросам, **доклады и резолюции** по китайскому вопросу VII, VIII и IX пленумов ИККИ.

IV. Зигфрид, А. 1) «Англия наших дней».
Павлович. 2) «Борьба за Азию и Африку».

Для поступающих на восточный сектор Историч. отдел. желательно знание английского языка.

Проректор Института Красной Профессуры К. Попов.

От Правления Института Красной Профессуры.

Программы испытаний по русскому языку и математике для поступающих на подготовительное отделение Института Красной Профессуры.

В развитие п. 1 § 7 условий приема для поступающих на подготовительное отделение Института Красной Профессуры в 1928—29 учебном году, по которым от поступающих требуется знание по русскому языку и математике в размере приемных испытаний в вузы, Правлением Института утверждены следующие программы испытаний по этим предметам:

Программа по русскому языку:

1. Поступающий должен написать работу на литературно-общественную тему. В ней он должен обнаружить умение связно, толково, ясно и точно излагать свои мысли. Грамотность должна быть удовлетворительна как этимологически, так особенно синтаксически. Особое внимание следует обратить на правильное построение сложных предложений и словосочетаний: согласование и управление.
2. Поступающий должен иметь сведения об основных моментах развития русской литературы XIX века, в связи с развитием социально-экономических взаимоотношений и общественно-политических движений и обнаружить знакомство с современной литературой.

Список произведений, знакомство с которыми обязательно для кандидата:

1. **Фонвизин.**—«Недоросль».
2. **Грибоедов.**—«Горе от ума».
3. **Пушкин.**—«Евгений Онегин», «Медный всадник», «Капитанская дочка», «Дубровский».
4. **Лермонтов.**—«Герой нашего времени», «Мцыри», «Демон».
5. **Гоголь.**—«Ревизор», «Мертвые души», «Шинель», «Старосветские помещики».
6. **Тургенев.**—«Записки охотника», «Муму», «Рудин», «Отцы и дети».
7. **Чернышевский.**—«Что делать».
8. **Гончаров.**—«Обломов».
9. **Достоевский.**—«Преступление и наказание».
10. **Островский.**—«Свои люди сочтемся», «Доходное место», «Гроза».
11. **Некрасов.**—«Кому на Руси жить хорошо», «Размышления у парадного под'езда», «Железная дорога», «Арина, мать солдатская», «Филантроп», «На Волге», «Рыцарь на час».
12. **Салтыков.** — «Пошехонская старина», Сказки, «Господа Головлевы», «Смерть Пазухина».
13. **Г. Успенский.**—«Нравы Растеряевой улицы», «Власть земли», «Четверть лошади».
14. **Л. Толстой.**—«Хаджи-Мурат», «Война и мир», «Воскресенье».
15. **Гаршин.**—«Четыре дня на поле сражения».
16. **Короленко.**—«В дурном обществе», «Слепой музыкант», «Река играет», «Лес шумит», «Сон Макара», «Убивец», «Соколинец», «Мороз»
17. **Чехов.**—«Мужики», «Степь», «Человек в футляре», «Дядя Ваня», «Вишневый сад».

18. **Горький.**—«Челкаш», «Фома Гордеев», «Детство», «В людях», «Мать», II и IV сказки об Италии (Забастовка в Парме и Симплонский туннель), «Песнь о соколе», «Буревестник», «О чиже, который лгал», «Мои университеты».
19. **Серафимович.**—«Железный поток».
20. **Сейфуллина.**—«Правонарушители».
21. **Гладков.**—«Цемент»
22. **Иванов.**—«Бронепоезд»
23. **Фадеев.**—«Разгром».

Знакомство с современными поэтами:

Безыменский, Демьян Бедный, Маяковский.

Критические статьи:

1. **Герцен.**—«Былое и думы» (Изд «Прибой», 1925 г.).
2. **Добролюбов.**—«Луч света в темном царстве», «Что такое обломовщина».
3. **Ленин.**—Статьи о Толстом.
4. **Плеханов.**—Статьи о Некрасове, Успенском, «Литературные взгляды Белинского».

Программа по математике.

1. **Арифметика.** Четыре действия с простыми и десятичными дробями. Процентные вычисления.
2. **Алгебра.** Действия с целыми и дробными алгебраическими выражениями. Извлечение квадратного корня из чисел с данной степенью точности. Уравнение первой степени с одним и многими неизвестными. Квадратное уравнение с одним неизвестным. Простейшие операции над иррациональностями. Прямоугольная система координат на плоскости. Графическое изображение функций; графическое решение уравнений. Арифметическая и геометрическая прогрессии; их суммы. Бесконечная геометрическая прогрессия. Обобщение понятия о показателе степени. Действия с выражениями, содержащими дробные и отрицательные показатели. Логарифмы и их применение (пятизначные таблицы).
3. **Геометрия.** Основные свойства многоугольников (треугольник, параллелограмм, трапеция, правильный многоугольник) и их площади.

Подобие фигур. Метрические соотношения в прямоугольном, косоугольном и тупоугольном треугольнике.

Окружность: хорды, касательные, измерения углов в круге. Сторона вписанного шестиугольника, треугольника, квадрата. Площадь круга.

Об'емы и поверхность многогранников и круглых тел.

4. **Тригонометрия.** Решение прямоугольных треугольников и необходимые для этого геометрические соотношения. Синус и косинус суммы и разности двух углов; радиальная мера угла. Перевод из градусной меры в радиальную и обратно. Предел отношения угла к его синусу при безграничном уменьшении угла.

Правление Института Красной Профессуры.

Опечатка:

В № 11 «Большевика» вкралась следующая опечатка: в ст. т. Архинчеева, на стр. 61, в строке 18 снизу напечатано: «баи пытали к у л а к а...», должно быть: «баи пытали б а т р а к а...».

Редакция: **В. Астров. Н. Бухарин. А. Криницкий. В. Молотов. А. Слепков. Е. Ярославский.**

Издательство „ПРАВДА“ и „БЕДНОТА“
МОСКВА, 9, Тверская, 48.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПРИЕМ ПОДПИСКИ

на ежемесячный философский и общественно-эконом. журнал

„Под Знаменем Марксизма“

7-й год издания.

„ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА“ ставит перед собою задачу защиты ортодоксального диалектического материализма Маркса и Ленина от извращений идеализма и оппортунизма, откуда бы они ни исходили.

В своей статье, ставшей для журнала программной, В. И. Ленин подчеркивал боевое для дела революции значение поставленных перед журналом задач и его величайшую важность, как идейного проводника воинствующего материализма.

В наши дни, когда к этим, намеченным В. И. Лениным, задачам журнала прибавилась, как важнейшая задача — борьба с ревизией теоретических основ марксизма и ленинизма, значение журнала выросло еще более.

В журнале принимают участие видные марксисты, коммунисты и беспартийные ученые материалисты.

„ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА“ имеет постоянные отделы: Ленин и ленинизм, актуальные проблемы философии диалектического материализма, история материализма, современные течения философской мысли, исторический материализм, статьи по вопросам теоретической экономии, статьи по теории советского хозяйства, история социализма, вопросы литературы, искусства в материалистическом освещении, психология и марксизм, диалектика и естествознание, дискуссионный отдел, критика и библиография, отдел переписки с читателями, сообщения и заметки.

„ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА“ рассчитан на активных работников партии, преподавателей и слушателей комвузов, вузов, рабфаков, марксистских кружков и т. п.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: 1 мес. — **1** р. **50** к., 3 мес. — **4** р. **25** к., 6 мес. — **8** р., 12 мес. — **15** р.

Цена отдельного номера 1 р. 50 к.

Подписную плату надлежит переводить по адресу:
Главная контора „ПРАВДЫ“ и „БЕДНОТЫ“. Москва, 9, Тверская, 48,
а также во все отделения издательства.

Издательство „ПРАВДА“ и „БЕДНОТА“

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПРИЕМ ПОДПИСКИ
НА 2-ОЕ ПОЛУГОДИЕ 1928 г.

НА ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ И ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

„РЕВОЛЮЦИЯ И КУЛЬТУРА“

Под редакцией **Н. Бухарина, А. М. Деборина, А. В. Луначарского, И. К. Луппола, Э. Б. Пашуканиса, П. Ф. Сапожникова и Я. Э. Стэна.**

2-й год издания

„РЕВОЛЮЦИЯ и КУЛЬТУРА“, широко популяризируя теорию и мировоззрение Маркса, Энгельса и Ленина, освещает важнейшие вопросы культурной революции (вопросы культурного строительства, вопросы быта и т. д.).

„РЕВОЛЮЦИЯ и КУЛЬТУРА“ борется против враждебных и чуждых идеологических воззрений, против упадочничества и мещанства.

„РЕВОЛЮЦИЯ и КУЛЬТУРА“ дает хронику культурной жизни в СССР и за границей.

„РЕВОЛЮЦИЯ и КУЛЬТУРА“ освещает основную литературу по различным отраслям науки и искусства, выходящую в СССР и на Западе.

„РЕВОЛЮЦИЯ и КУЛЬТУРА“ содействует сближению научных работников с трудящимися.

„РЕВОЛЮЦИЯ и КУЛЬТУРА“ рассчитана на широкий актив партии, комсомола, на передовые слои беспартийных рабочих, крестьян и советской трудовой интеллигенции.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

1 мес. — 2 номера . . . **80** к.	6 мес. — 12 номеров **4** р. **50** к.
3 мес. — 6 номеров **2** р. **30** к.	12 мес. — 24 номера **8** р. **50** к.

В розничной продаже цена отдельного номера — **50** коп.

ЗАКАЗЫ на все издания и **ДЕНЬГИ** направляйте в Главную Контору Издательства „ПРАВДА“ и „БЕДНОТА“, во все отделения „ПРАВДЫ“, почтово-телеграфные конторы и письмоносцам. АДРЕС Главной Конторы Издательства: МОСКВА, 9, Тверская, 48.

Издательство „ПРАВДА“ и „БЕДНОТА“

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПРИЕМ ПОДПИСКИ

НА 2-ОЕ ПОЛУГОДИЕ 1928 г.

НА ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

БОЛЬШЕВИК

ПОД РЕДАКЦИЕЙ:

В. Астрова, Н. Бухарина, В. Молотова, А. Слепкова, Е. Ярославского

„БОЛЬШЕВИК“ освещает важнейшие теоретические и практические вопросы текущей политики и экономики под углом зрения ленинизма.

„БОЛЬШЕВИК“ — боевой орган коллективной мысли Ленинской партии.

„БОЛЬШЕВИК“ борется со всякими уклонами и ликвидаторством.

„БОЛЬШЕВИК“ — теоретическое **оружие в руках каждого большевика,** желающего быть достойным солдатом политического, хозяйственного и идеологического фронта.

„БОЛЬШЕВИК“ держит своих читателей в курсе основных вопросов политики и экономики текущего дня, политики и практики ВКП(б), теории и практики марксизма-ленинизма.

„БОЛЬШЕВИК“ дает материал по международному движению и мировой экономике.

„БОЛЬШЕВИК“ дает обзоры белой прессы.

„БОЛЬШЕВИК“ предназначается для самых широких слоев партийного актива

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

1 мес.	60 к.	6 мес.	3 р. 40 к.
3 мес.	1 р. 75 к.	12 мес.	6 р. 50 к.

Цена отдельного номера 40 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: в Главной Конторе Издательств „ПРАВДА“ и „БЕДНОТА“ — Москва, 9, Тверская, 48, во всех провинциальных отделениях „ПРАВДЫ“, почтово-телеграфных конторах и письмоносцами.